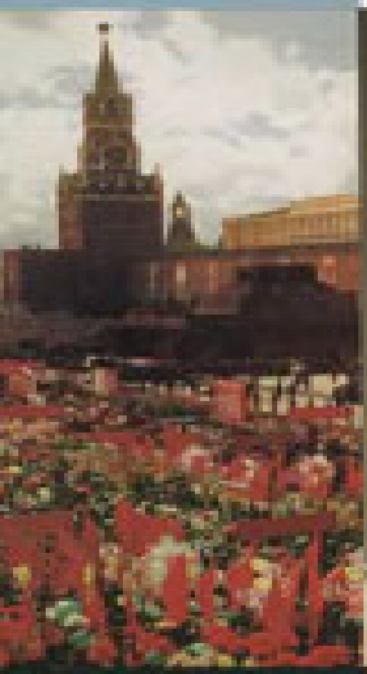
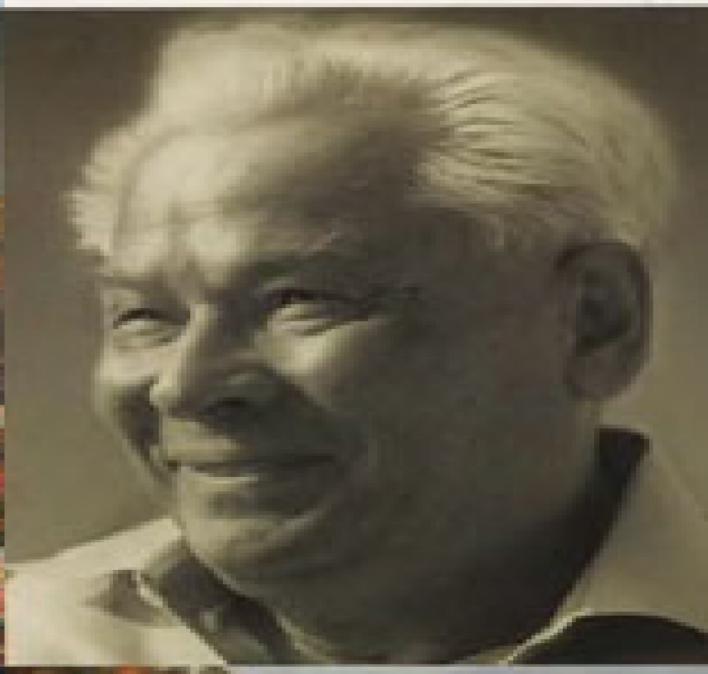
ЧЕРНЕНКО





Виктор Прибытков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На политическом небосклоне советских времен звезда этого человека сияла недолго. Казалось бы, в памяти народной личность К. У. Черненко оставила вполне определенное впечатление: с ним олицетворяются последние годы эпохи «застоя». Но все было не так просто, как это представляется даже по прошествии четверти века после его смерти. Каким же человеком он был на самом деле? На этот вопрос попытался ответить в книге один из наиболее приближенных к нему людей, работавший последние годы жизни Черненко его помощником, Виктор Прибытков.

- От автора
- Глава первая. В начале пути
- Глава вторая. Профессия — партийный работник
- Глава третья. По партийной «горизонтали»
- Глава четвертая. Новый поворот
- Глава пятая. На взлете
- Глава шестая. Страницы личной жизни
- Глава седьмая. После Брежнева
- Глава восьмая. Бремя ответственности
- Глава девятая. Мы и мир до перестройки
- Глава десятая. Вымыслы и действительность
- Глава одиннадцатая. Последние месяцы
- Послесловие
- Основные даты жизни и деятельности К. У. Черненко
- Иллюстрации

От автора

На политическом небосклоне советской эпохи его звезда горела недолго. Константин Устинович Черненко на вершине власти находился чуть больше года. Его предшественниками, руководившими партией и страной, были Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов. За ним пришел Горбачев, который и замкнул этот, в общем-то, небольшой список, хотя вобрал он в себя персоналии, стоявшие на капитанском мостике корабля по имени СССР почти семьдесят лет.

Людям, ценящим свою историю в ее непрерывном развитии, усматривающим в ней не всегда осязаемую, но прочную связь времен, а потому не считающим наше советское прошлое чем-то вроде «черной дыры», уже само перечисление этих имен дает почву для размышлений. На мой взгляд, оно позволяет уловить скрытую за ними логику, которая привела к полному параличу правящей партии и распаду Советского Союза, казавшемуся всего лишь за три-четыре года до катастрофического обвала могучим и несокрушимым.

Семь с лишним десятилетий — это значительный исторический отрезок, и срок правления Черненко по сравнению с ним выглядит совсем незначительным.

И все же, думается, нахождение Константина Устиновича у власти в значительной мере предопределило дальнейшую судьбу СССР. Повлияло оно на будущее страны вовсе не в том смысле, как это принято считать. Обычно вспоминают, что уход из жизни этого человека завершил, как мрачно пытаются острить некоторые политики, «пятилетку похорон» (напомню, что в те годы один за другим ушли из жизни Суслов, Брежнев, Андропов, Устинов), что он ускорил конец затянувшегося процесса инерционного продвижения страны, эпохи «застоя». Но главное, думается, не в этом.

В этот короткий период времени основные события развивались за занавесом и были скрыты от взглядов непосвященных. Именно в это время расставлялись декорации к спектаклю по сценарию, написанному, как показал дальнейший ход событий, людьми, не испытывавшими особой любви к советскому строю. Вполне вероятно, что именно тогда наши западные противники по холодной войне подготовили свой главный удар, от которого Советский Союз, увязший в Афганистане, оправиться уже не смог. Возможно, что философ Александр Зиновьев и прав, называя завершающий акт развернувшейся в стране драмы «убийством слона иголкой»,

подразумевая, что с помощью замены генсека на нужного Западу человека совсем не трудно разрушить то, что на протяжении многих лет холодной войны выглядело неприступным бастионом, — всю систему власти и управления государством.

Вины или беды Черненко в этом нет. Вряд ли он догадывался, что был далеко не самой главной фигурой в руках людей, игравших, по Бжезинскому, на «великой шахматной доске», да и вообще едва ли подозревал, что такая игра ведется.

Хорошо известно, что Константин Устинович был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, будучи серьезно больным. Он это знал, но не отказался. Не смог. Какие бы домыслы ни возникали позднее по этому поводу, достоверно известно, что отнюдь не властные регалии его привлекали. Уж чего-чего, а непомерных амбиций и болезненного честолюбия, свойственных многим людям его круга, за Черненко не наблюдалось. За многолетнюю работу в руководящих органах КПСС у него, как и у многих других партийцев со стажем, выработалось свое понимание партийной чести и, если хотите, дисциплины. «Надо», — сказали товарищи по Политбюро, а он привык выполнять партийные задания беспрекословно. Именно так он и рассматривал свое избрание. И относился к обязанностям, которое оно возлагало на него, исключительно добросовестно. Другой вопрос: насколько он смог справиться с тяжелой ношей, понимал ли всю меру ответственности за положение в стране, которая, к несчастью, так же была больна, как и ее руководитель?

Было бы несправедливым подобные вопросы обращать только к одному человеку. В данном случае гораздо важнее понять: какой логике следовало руководство КПСС, принимая явно бесперспективное решение? Только ли чувство самосохранения двигало ими, как иногда принято считать? Ведь были в Политбюро энергичные и сильные руководители помимо того же Горбачева, о кандидатуре которого, кстати, речь даже не заходила при выдвижении Черненко. Еще не заходила.

В книге я попытаюсь ответить на эти вопросы. А пока хочется отметить, пожалуй, главное: большинство этих людей, воспитанных на многолетних традициях КПСС, пуще всего на свете хранили единство партии, оберегали ее от раскола.

Единство — это, пожалуй, одна из самых важных традиций партии, и оно особенно чтилось. Идеей партийного единства в свое время было проникнуто ленинское завещание — «Письмо к съезду». Ради сохранения единства в двадцатые годы Сталин трижды пытался отказаться от должности генерального секретаря. И на наших с вами глазах раскол единства КПСС во второй половине восьмидесятых годов привел к

катастрофическим последствиям.

Но священный принцип единства сыграл с коммунистами руководящих органов партии злую шутку — традиция переросла в самообман. Здесь я имею в виду не только членов Политбюро, выдвинувших кандидатуру Черненко для избрания генсеком. Ведь избирали его на эту должность на пленуме ЦК КПСС, и проголосовали члены ЦК за Константина Устиновича единогласно. При всех сомнениях, которые, безусловно, были, среди них существовало негласное правило: на самом верху лучше знают, что надо делать. Если там считают так, а не иначе, значит, так надо, значит, это в интересах партии. Большинство было убеждено, что активно следовать предначертаниям сверху — обязанность, партийный долг каждого коммуниста.

Мы привыкли судить о нашем прошлом с высоты своего времени и ставить в вину этим людям многие проблемы, которые порождало именно такое отношение к сложившемуся тогда положению вещей. Судим, даже не пытаясь представить себя на их месте, понять мотивацию их поступков.

В формировании такого отношения к тем, кто верой и правдой служил КПСС, к бывшим деятелям партии главную роль сыграли средства массовой информации, которые в период нахождения у власти Горбачева развернули настоящую травлю «номенклатуры» и продолжили ее в последующие годы. Своего апогея культивация ненависти к коммунистам достигла в 1991 году, когда Ельцин своими постановлениями приостановил, а затем и запретил Компартию. Впрочем, запрет действовал недолго и был отменен Конституционным судом. Но, тем не менее, СМИ продолжали внушать доверчивому народу, что люди, находившиеся в советское время «при должностях», всегда действовали в своих личных, корыстных интересах. После такой обработки общественного сознания редко кому приходила в голову «крамольная» мысль о том, что и среди партийцев были честные и порядочные люди.

А ведь они были. Берусь даже утверждать, что их было большинство, и именно среди них крепло понимание, что жить по-старому уже нельзя, что в партии необходимы коренные преобразования, прежде всего демократизация внутрипартийной жизни. Вот почему они так горячо поддержали на начальном этапе Горбачева и его идеи перестройки. И поддерживали его до тех пор, пока не началась вольная или невольная путаница, бездумная «демократизация» всего и вся, послужившая прикрытием сил, рвавшихся к власти.

Как бы то ни было, нельзя забывать, что и Черненко, и люди, которые жили и работали рядом с ним, — это дети своего

времени. И смотрели они на мир другими глазами, видели его иначе, чем он представляется нам сейчас.

Ну а сейчас… Сейчас, как известно, у нас не уменьшается число мастеров критиковать прошлое. При этом они никак не хотят увидеть в нем великий опыт, чтобы, опираясь на него, можно было бы увереннее двигаться к будущему. Но этого не происходит. И, как мы знаем, те, кто уже почти двадцать лет, если считать от заключительного этапа перестройки Горбачева, пытаются разогнать машину российской истории в другую сторону, скажем откровенно, пока не преуспели.

Константин Устинович принял партию в сложное время, когда в стране еще не утихло брожение, связанное с деятельностью Андропова. Юрий Владимирович за короткий срок сумел разворошить гнездо, которое начинала вить себе коррупция, постепенно разъедавшая верхушку партийно-государственного аппарата. Напуганные было жесткими действиями генсека, «потерпевшие» вновь воспрянули духом после его смерти. Приободрились и их высокие покровители. Однако высовываться они не спешили: еще не затих резонанс, который вызвала борьба с расхитителями социалистической собственности, жуликами, замахнувшимися на народное достояние, антиобщественными элементами. Естественно, что это отразилось и на решении Политбюро, привыкшего жить при Брежневе без особых потрясений, выдвинуть в новые генсеки Черненко, который, по их мнению, их не допустит. Это обстоятельство нужно всегда иметь в виду, потому что оно помогает понять характер развития событий в период его правления.

Поделюсь одним своим наблюдением: система управления в нашем государстве постоянно воспроизводит себя в своих руководителях. Такое суждение у меня сложилось и укрепилось за многие годы работы в аппарате высшего органа правящей партии, в результате общения со многими деятелями партийных и государственных органов в центре и на периферии.

Убеждался я в этом, изучая и анализируя важнейшие документы, в том числе и закрытого характера, касающиеся тех или иных представителей высшего эшелона власти нашей страны последней четверти прошлого века. И, думается, совсем не случайно вошли в обиход такие исторические понятия, как «ленинский период», «годы сталинизма», «хрущевская оттепель», «брежневский застой», «горбачевская перестройка». Правда, к кратковременным периодам пребывания на вершине власти Андропова и Черненко не успели приклеить соответствующие ярлыки. Хотя попытки их дискредитации вылились в солидное

число всевозможных публикаций.

«Персональная периодизация» советской и новейшей российской истории прямо отражает одну неблаговидную традицию нашей жизни: люди, приходящие на смену сошедшему с политической арены поколению руководителей, рано или поздно стремятся дезавуировать все позитивное, созданное предшественниками. А с конца восьмидесятых годов наиболее ретивые разоблачители недостатков прошлого стали устраивать настоящие оргии на могилах давно усопших людей.

Что лежит в основе этой дурной традиции? Конечно же желание руководителей страны показать все свои шаги и поступки в сравнении с тем, что предпринимали их предшественники, причем показать их исключительно в выгодном свете. Объяснить такое стремление можно только слабостью. И наивно выглядит вера, что мыльный пузырь собственной «безгрешности» можно сохранить таким образом на долгие годы.

Не многие из известных нам российских партийных и государственных деятелей прошлого столетия представляют в этом смысле исключение. И когда мы пытаемся определить, кто же к ним относится, в первую очередь вспоминаем Сталина, который считал себя учеником и верным последователем Ленина, проводником его идей. Не будем сейчас высказывать свои сомнения по поводу того, насколько верно понимал и трактовал Сталин ленинские заветы. Но налицо впечатляющие итоги его правления, грандиозный путь страны, пройденный под его руководством от сохи до атомной бомбы. Он смог, безусловно, претворить в жизнь то, что Ленин только начинал делать, о чем Владимир Ильич только мечтал.

Сталина сменил Хрущев, и почти тридцать лет, в течение которых был построен социализм, была одержана великая победа над фашизмом, стали с его легкой руки именоваться «эпохой сталинизма». Хрущев превзошел все мыслимые и немыслимые фантазии в огульном очернении своего предшественника. Потрясающая абсурдность и цинизм его действий заключаются в том, что именно он на Московской партконференции в 1932 году впервые ввел в оборот по отношению к Сталину определение «вождь», а затем на XVII партсъезде в числе первых называл Сталина уже не просто вождем, но вождем «гениальным и великим». Парадокс: человек, активно способствовавший созданию культа личности Сталина, при его жизни говоривший о нем как о гении и выдающемся творце, обрушился потом на «сталинизм». Хрущев был неистов в своем стремлении устранить имя Сталина из истории и народной памяти: приказал убрать его имя из названий городов и областей, запретил издание его трудов

и книг о нем, стал инициатором выноса его тела из мавзолея.

Отдельный разговор о XX съезде КПСС, состоявшемся в феврале 1956 года, вернее, о докладе Хрущева на нем о культе личности. Ведь съезд принял соответствующее постановление, ничего не обсуждая, без прений по докладу. Да и вряд ли бы кто тогда осмелился нарушить «партийную дисциплину» и решился сказать Хрущеву о том, что нельзя представлять великого человека только в одном черном цвете, виновным за развязывание репрессий и за тяжелые поражения в первые месяцы Великой Отечественной войны. Тем более никто бы не посмел сказать о том, что слишком хорошо просматривалось в докладе Хрущева, — о тайном его желании свести со Сталиным свои личные счеты.

Хотя дело гораздо глубже, нежели может показаться оно на самом деле. Хрущев развенчивал не просто Сталина. Вместе с ним была опорочена вся партия, вся система социалистических отношений.

С тех пор прошли десятилетия. Ветер истории постепенно сметает мусор с могилы Сталина. Все больше появляется публикаций, в которых спокойно и взвешенно освещаются все стороны его деятельности. Анализируются в них не только просчеты и крупные ошибки, допущенные Сталиным, но и позитивные результаты, которых он добился, те слагаемые, которые легли в фундамент могучей державы, построенной по его чертежам. Неслучайно в прошлом году Сталин, как, кстати, и Ленин, уверенно лидировал среди крупнейших исторических деятелей нашей страны в проекте «Имя России», осуществленном государственным телеканалом «Россия». На удивление тем, кто привык судить об истории в основном по популярным телепередачам и публикациям, рассчитанным на простаков. Но, как показал опрос телезрителей и пользователей Интернета, историческое сознание народа, его отношение к своим выдающимся личностям не удалось пошатнуть, несмотря на многолетнюю антисталинскую и антиленинскую пропаганду.

Естественно, здесь напрашивается вопрос: а какой след оставил в памяти народной Хрущев? Обычно вспоминают его волюнтаризм, благоговение перед кукурузой, историю с ботинком в ООН, а чаще всего — несбыточное обещание народу построить коммунизм за двадцать лет. К чести Брежнева, он за восемнадцать лет своего правления не позволял себе нелицеприятных высказываний в адрес предшественника — народ смог быстро во всем разобраться сам. Однако человеческая порядочность и чрезмерная доброта Леонида Ильича, о чем, как правило, с теплотой вспоминают близко знающие его люди, не

застраховали его от ответственности перед потомками. После смерти он также был обвинен во многих грехах и стал главным виновником «периода застоя». Горбачеву, много сделавшему для популяризации именно такой характеристики предшествующих лет, удалось вывести страну из «застоя», но что из этого получилось, мы хорошо знаем: «почетный немец» мало оставил по себе доброй памяти.

После развала СССР советскую «традицию» поносить прошлое продолжил Ельцин. Что и немудрено — ведь он был воспитанником советских времен. Самого его, как и Горбачева, поначалу тоже носили на руках. Чем все кончилось — также хорошо известно.

Я не отношу себя к тем людям, которые не могут спать спокойно, пока не свершилось возмездие, тем более что понимание добра и зла в политике обычно носит субъективный характер. Скорее наоборот, надеюсь на то, что когда-нибудь в нашей стране прервется «перманентная» традиция развенчивания и разоблачения высокопоставленных государственных деятелей. Единственно верный приговор тем, к кому мы испытываем негативное отношение, может вынести со временем только суд истории; он и расставит всё по своим местам. Но, полагаясь на высшую справедливость, нельзя никого предавать забвению. Даже таких людей, как Горбачев и Ельцин, которые принесли столько горя и страданий народам России. Хотя бы в назидание будущим поколениям.

В конце концов, какой бы трагической ни выглядела порой наша история, не теряют своего глубокого смысла слова великого Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

Кому-то может показаться, что я слишком далеко отошел от основной темы книги. Но затронутые вопросы имеют самое прямое отношение к главному персонажу выносимого мною на суд читателя документального повествования — Константину Устиновичу Черненко, которому лишь на исходе жизни довелось испытать всю силу полновластия, таившуюся в совмещении двух должностей: Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Увы, чаша клеветы — по традиции, которой мы уделили столько внимания, — не миновала и его.

На сессии Верховного Совета СССР 11 апреля 1984 года будущий генсек, а тогда еще *просто* член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Горбачев, представляя кандидатуру Черненко на высший пост в государстве, восхвалял его как «испытанного и стойкого борца за коммунизм» и впервые назвал его

«выдающимся руководителем».

То же самое повторилось через некоторое время, уже на похоронах Черненко. Тогда из уст новоиспеченного генерального секретаря звучали с трибуны Мавзолея Ленина, по сути, такие же слова: «Ушел из жизни верный ленинец, выдающийся деятель Коммунистической партии и государства, международного движения, человек чуткой души и большого организаторского таланта». Такую оценку нельзя отнести только на обычай говорить об ушедшем только хорошее.

Смею предположить, что в голове Михаила Сергеевича тогда роились совсем другие мысли. Ведь спустя некоторое время последовали поспешные меры по искоренению памяти о Черненко: ликвидировано название проспекта его имени, снята мемориальная доска с дома, где он жил, демонтирован памятник на родине Черненко в Красноярске, удалены из библиотек и книжных магазинов его произведения. Вот что такое «выдающийся деятель» по-горбачевски. Заметим, что на память об Андропове Горбачев не покусился: до сих пор в Москве есть проспект Андропова, да и мемориальная доска сохранилась. Наверное, сыграло свою роль то, что Андропов лично для него очень много сделал, да и спецслужбы не позволили поднять руку на своего бывшего шефа.

Думаю, что приближающееся 100-летие со дня рождения К. У. Черненко не станет в нашей стране каким-то особым событием. И это выглядит вполне естественно по нынешним меркам, когда исповедуется принцип временщиков: иное время, иные и герои. Известно, что ангажированные СМИ стараются не замечать юбилейных дат, связанных с жизнью многих замечательных людей советского периода. Обходят они своим вниманием и важнейшие памятные события, вызывающие у людей гордость за социалистическое прошлое Родины. Да и о чем здесь говорить, если даже народный праздник Великого Октября вычеркнут из «красных дней» календаря? Ну а празднование годовщины военного парада 7 ноября 1941 года превращено в заурядное театрализованное представление, своего рода «отвлекающий маневр». В комментариях по этому поводу нет упоминаний о том, что тогда, в далеком сорок первом, прохождение воинов по Красной площади было одухотворено великой идеей — оно было посвящено 24-й годовщине Октябрьской революции.

Если отдельные даты обойти молчанием не удается, то центральные СМИ, особенно телевидение, трактуют их весьма своеобразно. Давно набили оскомину приемы телевизионщиков по освещению революции и деятельности большевиков. Обычно это повторение одних и тех же кадров, рисующих в мрачных

тонах образы Ленина и его соратников, запечатлевших взрыв храма Христа Спасителя, высылку кулаков на Соловки, суды над «врагами народа»… Прямо скажем, надоел этот традиционный и заказной набор.

К сожалению, сегодня в стране очень много людей, чья память оказалась короткой и злой. Это относится и к тем, кто дает необъективную оценку деятельности Черненко.

Проработав рядом с Константином Устиновичем несколько лет, после его ухода из жизни я опубликовал книгу «Аппарат», выдержавшую два издания. Многие страницы в ней были посвящены личности этого человека. Работая над материалами при подготовке настоящей книги, перечитал ряд посмертных публикаций о нем в российских СМИ, которые оказались, как и следовало ожидать, в основном тенденциозными. Почти все они представляют собой материалы, выполненные на потребу неуклюжей и грубой пропагандистской машины горбачевско-ельцинского образца.

Но, увы, адвокатов у Черненко после смерти не было. Мне часто задают вопрос: а зачем понадобилось его компрометировать, ведь был он главой партии и государства всего 390 дней и особую угрозу для пришедших позднее к власти «демократов» вряд ли представлял?

Ответ прост: оказался Константин Устинович на вершине власти, преодолев нелегкий путь вместе со своей страной, пройдя большую и содержательную жизненную школу. Его судьба воедино слита с судьбой Родины.

Думается, здесь уместно сделать ссылку на книгу журналиста Итало Авеллино «Черненко. Хранитель партии», выпущенную миланским издательством «Рапполи». Заметим, что книга эта написана человеком, не испытывающим сочувствия к советской власти и правящей в СССР партии. Вот какую характеристику, в отличие от наших соотечественников, дает он Черненко как новому лидеру КПСС. «Прежде чем войти в Кремль, — пишет Авеллино, — К. У. Черненко был долгие годы рядовым партии. Это не Сталин, оставшийся на всю жизнь утонченным и жестоким революционером-конспиратором… Это не Хрущев, не пролетарий с темпераментом сангвиника, неземной фантазией и умением ловко лавировать в коридорах власти во времена Сталина. *Черненко напоминает большевика ленинского времени* (курсив мой. — *В. Я.*). Столь же простой, сколь и решительный. Мастерски владеющий искусством превращения в лозунг теоретических концепций и сложных директив. Человек, проведший полжизни среди простых и деятельных людей. В окопах».

Позволю себе процитировать еще одно высказывание. В 1988

году в Лондоне вышла книга «Черненко. Советский Союз в канун перестройки». Ее автор — бывший сотрудник Института конкретных социологических исследований Академии наук СССР Илья Земцов, эмигрировавший на Запад. Книга эта, под стать многим западным публикациям того времени, имела явную антисоветскую направленность. Ее персонажи — видные советские и партийные деятели, в том числе и Черненко, — показаны в тенденциозном, негативном свете. И все же Земцов пытается воздать должное Константину Устиновичу. Вот что он пишет: «Совсем недолго, чуть больше года, продержался Черненко в Кремле. Но без понимания его сущности и характера картина современной политической жизни останется неполной, и непонятной станет суть тех драматических перемен, в которые его страна оказалась втянутой при его наследнике — Горбачеве. Многие идеи перестройки — то, что сегодня в Советском Союзе называют гласностью и новым политическим мышлением, — вызревали и откладывались в сознании Черненко, а затем переносились им на страницы его книг — он их опубликовал больше, чем все его предшественники после Сталина… И чем больше проходит лет, отделяющих нас от времени Черненко — кануна перестройки, тем глубже просматривается ее связь с его личностью…»

Иногда более или менее объективные сведения о Черненко просачиваются и у нас. Так, вспоминается большая телевизионная передача, посвященная 90-летию Константина Устиновича. Ее автором был тогда Леонид Млечин, который в 2008 году в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» выпустил книгу, посвященную Брежневу. Нашлось в ней и место для Черненко. Довольно рельефно и объективно выглядит его характеристика, та роль, которую играл он в ЦК КПСС. Черненко всегда вместе с Брежневым и всегда остается его верным соратником — и в благополучные годы, и в самое тяжелое и драматичное для Леонида Ильича время, в период последних лет его пребывания у власти…

С 1965 года Черненко возглавлял Общий отдел Центрального комитета партии, как тогда доброжелательно шутили, был в ЦК «начальником штаба». Что и говорить, должность важная, но Константин Устинович умел делать свою работу незаметно, без лишнего шума. Как говорят в футболе, лучший арбитр тот, которого игроки и зрители не замечают. Черненко не мелькал на экранах телевизоров, не часто появлялся на публике, не обладал эффектными ораторскими приемами. Но все его соратники знали, насколько тяжело обеспечивать, должным образом и надежно, деятельность ЦК, всю работу по претворению в жизнь важнейших

решений и документов партии, от которых нередко зависели судьбы людей и страны. Черненко на этом посту был незаменим.

Приняв бразды правления Компартией, он сделал немало для того, чтобы положение внутри страны и роль Советского Союза на международной арене не были дестабилизированы.

В книге, которая перед вами, я попробую по возможности объективно и правдиво ответить на вопросы, которыми часто задаются люди, заставшие эту эпоху или знакомые с ней только из популярных публикаций и телевизионных передач. Каким на самом деле был этот человек — Константин Устинович Черненко? Какой след он оставил в истории КПСС и Советского государства, бурного и трагического XX века?

Я решил рассказать об этом человеке, обобщив по возможности всё то, что мне известно, что еще не успело исчезнуть из памяти о том времени, когда пришлось работать под непосредственным руководством этого человека, выполнять его поручения, сопровождать в поездках по стране и за рубежом. Пока не забыто то, что я чувствовал и переживал, когда сталкивался с внутренним миром Константина Устиновича, его политическими взглядами и моральными критериями, познавал его художественные вкусы. Когда наблюдал его, озабоченного обычными житейскими проблемами.

Читателю может показаться, что некоторые мои высказывания и суждения о герое этой книги субъективны, и я испытываю ностальгию, идеализирую прошлое. Наверное, и правда — от этого тоже никуда не уйдешь, поэтому здесь я надеюсь на некоторое снисхождение. Но всё же в данном случае меня отчасти оправдывает то, что сей труд — не научное исследование, не академическая или политическая биография деятеля советских времен. Это, скорее, обычная человеческая потребность поделиться тем, что стало со временем твоим личным достоянием, и конечно же выполнить свой долг перед памятью о советском человеке, коммунисте и крупном руководителе.

Работая над публикациями о Черненко, в том числе и над этой книгой, я на протяжении многих лет нередко обращался за помощью к его супруге Анне Дмитриевне Черненко. Меня всегда поражала мудрость ее советов, которые она давала всегда спокойно, тактично, ненавязчиво. Обладая исключительной добротой, она еще при жизни Константина Устиновича оставляла впечатление заботливой и чуткой женщины. Но главное — она всегда была рядом с мужем, глубоко сопереживала каждое событие в его жизни, самоотверженно боролась за его здоровье. Это был счастливый брак, брак по любви, длившийся свыше

сорока лет. И на протяжении всех этих лет Анна Дмитриевна никогда не вмешивалась в сложные перипетии работы мужа и не подчеркивала свою значимость «первой леди». Эта прекрасная женщина стоически перенесла смерть Константина Устиновича, а затем и еще одну большую трагедию — безвременную смерть сына Владимира.

Я искренне благодарен этой женщине за те ценные материалы, которые она предоставила мне при подготовке этой книги.

Глава первая. В начале пути

Детство. Школа крестьянской молодежи. Комсомольская юность. На дальнем пограничье.

Первые главы этой книги — особенные. Не потому, что они содержат что-то из ряда вон выходящее. Дело в том, что Константин Устинович, став после смерти Брежнева, при Андропове, фактически вторым лицом в Политбюро ЦК КПСС, стремился выкроить время для работы над своими воспоминаниями.

Видимо, настал тот период, когда у людей его возраста, а ему шел тогда семьдесят второй год, возникает потребность как-то систематизировать события прошедших лет, сохранить память о них. Человек начинает понимать (скорее, не столько понимать, сколько чувствовать), что его долгая жизнь на излете вознаградила его, одарив огромным и бесценным опытом, которого нет у других. Поэтому хочется чем-то поделиться с окружающими, от чего-то их предостеречь, что-то посоветовать.

Здесь важно отметить, что по своему характеру наш герой был человеком замкнутым, несловоохотливым. За десять лет совместной работы я убедился, насколько трудно разговорить его, вызвать на откровенную беседу. С другой стороны, будучи его помощником и общаясь с ним едва ли не каждый день, я стал со временем улавливать моменты, когда он чувствовал потребность выговориться, обратиться к своим воспоминаниям. Такое с ним случалось крайне редко, и наша работа над воспоминаниями, а я помогал ему в их написании, хотя и продвигалась, но шла ни шатко ни валко. Сказывался напряженный и закрытый характер «штабной» жизни в ЦК, которая не давала возможности отвлекаться от куда более важных дел. Это обстоятельство, кстати, с годами наложило свой отпечаток на характер Черненко.

Тем не менее на отдыхе в Крыму летом 1983 года Константин Устинович посвятил этой работе большую часть своего отпуска. Сразу замечу, что не зря его называли «хранителем партии» — память у него была отменная. К тому же он был интересным рассказчиком. Размышлял о былом спокойно и обстоятельно, вспоминал массу случаев, интересных деталей, и… читал стихи. Его поэтических пристрастий мы еще коснемся, а пока хочу сказать, что логика повествования Черненко была очень убедительной и понятной, я бы сказал, жизненной, поэтому не составляла особого труда обработка стенограмм того, что он рассказывал.

Завершая ту или иную часть своих воспоминаний, Черненко

обычно обещал их продолжить в «следующий раз». Однако трагический случай, произошедший в отпуске, отодвинул очередной «следующий раз» на неопределенное время. Произошло тяжелое отравление, виной которого стала рыба, присланная Константину Устиновичу одним из знакомых министров, отдыхавшим в соседнем санатории. В крайне тяжелом состоянии Черненко переправили в Москву.

Обострение болезни произошло и в следующем, 1984 году. Накануне очередного отпуска Черненко Горбачев и главный кремлевский доктор Чазов настоятельно рекомендовали ему провести отдых на госдаче в Кисловодске. Место это расположено на высоте около тысячи метров над уровнем моря, со всех сторон продувается ветрами. Немудрено, что слабые легкие Черненко не справились с такими необычными условиями, и через двенадцать дней генсека с обострением болезни отправили на носилках самолетом в Москву. Тут уж не до воспоминаний, и к ним Черненко больше не возвращался. А все, что удалось записать и обработать, я использовал в этой книге, практически не вмешиваясь в содержание и характер того, что узнал от Константина Устиновича.

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии в семье крестьянина-бедняка. Енисейская губерния в 1934 году была переименована в Красноярский край, а в его южной части, на месте бывшего Минусинского уезда, был образован Новоселовский район.

Предками Черненко были выходцы из Малороссии, которые в конце XVIII века поселились на берегах Енисея. Хорошо известно, что краеведы относят появление первых поселений на территории Новоселовского района к 1722 году. Говорят, что это были расположенные на берегу Енисея заимки промысловиков — однодворные поселения вдали от освоенных уже территорий. Во второй половине XVIII века казаками Юшковыми здесь был основан первый населенный пункт — Караульный острог, а в 1789 году появилось село Новоселово. В самом конце XIX столетия Новоселово насчитывало 126 дворов, 650 жителей. Место хоть и отдаленное, но, по тем временам, довольно оживленное.

Сказать, что на родине нашего героя что-то коренным образом изменилось к моменту его рождения, значит, погрешить против истины. Да и поныне местные жители, которых на весь район насчитывается менее 16 тысяч, занимаются в основном всё тем же, что и сто лет назад — выращивают хлеб и скот. Вся экономика, которая обычно и определяет лицо региона, — это производство зерна и молока да мелкие предприятия по их

переработке. Сельский уклад быта нарушает лишь ворвавшееся в дома телевидение, а остальное всё движется по устоявшемуся за долгие годы кругу.

Несмотря на это, Новоселовский район Красноярского края широко известен в ученом мире. Специальный памятный знак, установленный уже в советское время, указывает на то, что здесь когда-то упал знаменитый метеорит «Палласово железо». Сохранился он в виде большой, округлой железной глыбы, которую в 1750 году и обнаружил на склоне горы Малый Имир кузнец Яков Медведев. Поскольку железо это плохо ковалось и лежало без надобности, подарил кузнец свою находку заезжему путешественнику. Им оказался крупный немецкий ученый, академик Петербургской академии наук Петр Симон Паллас, который в то время путешествовал по югу Енисейской губернии. Он и переправил эту громаду, весившую 30 пудов, в столицу, где ее разместили в Кунсткамере. Позднее было установлено космическое происхождение найденного тела, что и положило начало новому разделу астрономии — метеоритике.

По истории родной деревни Константина Устиновича подробных сведений нет, да и сама она вот уже полвека лежит на дне огромного водного массива. Поглотила ее енисейская вода, поднятая плотиной Красноярской ГЭС.

Вспоминается, как в одну из своих поездок в Красноярск Черненко, будучи уже членом Политбюро и секретарем ЦК, решил побывать в родном Новоселовском районе. Когда поднимались до плотины вверх по Енисею на катере, выяснилось, что фарватер как раз пролегает над бывшей Большой Тесью. Константин Устинович пристально вглядывался в окрестности, и было заметно, что он с трудом узнавал родные места. Будили память только поросшие редким хвойным лесом холмы, возвышающиеся над прозрачной гладью, а все остальное было сокрыто толщью воды. О чем он думал тогда? О босоногом детстве, о заветных тропинках, о березе у родительской избушки? Какие мысли одолевали его, когда на новоселовском кладбище стоял он у могилы отца, понимая, что надгробие символическое, а прах родителей остался под енисейскими водами? Для участников поездки это были тягостные минуты, а для него тем более.

Хорошо помню, о чем мне тогда подумалось. Незадолго до этого вышла повесть замечательного писателя-сибиряка, тонкого знатока сибирской земли и характера ее народа Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». Большинство из нас тогда уже читало эту книгу о судьбе русской деревни, сразу ставшую в ряд лучших произведений русской литературы второй половины XX

века. Одним лишь разнились распутинская Матёра и Большая Тесь — своим местонахождением. Но как схожи оказались судьбы многих сибирских деревень на Енисее, Ангаре, Иртыше, сотен крестьянских селений, погибших от нашествия цивилизации. Однако одно дело — сопереживать трагедию людей, выросших на месте будущих затоплений, вместе с литературными героями, совершенно другое — видеть последствия этого собственными глазами.

Удастся ли в будущем избежать такой тяжелой платы за прогресс? Можно ли будет обойтись без ломки человеческих судеб, без крушения сложившегося уклада жизни, семейных традиций, привычек и обычаев, без того, что определяет смысл человеческого существования? Чем могут обернуться для нас такие потери, чреватые, к тому же, утратой исторической памяти, мы уже хорошо поняли и почувствовали.

Много вопросов и мыслей возникало у меня, когда я смотрел на седого человека, склонившегося над могильной плитой.

Несколько сухих фактов. При строительстве Красноярской ГЭС и образовании Красноярского водохранилища на территории района было затоплено 30 населенных пунктов, 4200 гектаров территории. Строительство электростанции привело к созданию огромного водоема, протянувшегося на 400 километров от Красноярска до Абакана. Сейчас всем очевидно, что водохранилище создано без учета экологических последствий. Оказались затопленными огромные территории: плодородные поля и пастбища, острова, богатые промысловыми ресурсами. Но самое печальное заключается в том, что снизилась численность населения. В 1959 году она составляла 23,7 тысячи человек, а сейчас — 15,8 тысячи человек.

Не только затопление этому причина. Сказались тенденции последних полутора десятилетий, когда в результате недальновидной социальной политики, невнимательного отношения к нуждам местного населения, проживающего в сложнейших географических и метеорологических условиях, стал наблюдаться отток населения Сибири в западную, европейскую, часть России.

Пустеет Сибирь. А ведь пополнение населения этого сурового и уникального по своим богатствам края стояло в центре государственной политики на протяжении нескольких столетий, пожалуй, со времен Ивана Грозного. Эта же задача была поставлена во главу угла при советской власти — достаточно вспомнить первые сталинские пятилетки или последние предвоенные годы, когда центр тяжелой промышленности страны стал перемещаться к Востоку от Урала. Результаты такой

политики впечатляют: промышленное производство на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке возросло в 1940 году по сравнению с 1913 годом — в экономическом отношении наиболее благополучным для царской России годом — в 14,5 раза.

Сибирь становилась гордостью России. Она смогла выдержать тяжелейшие испытания, которые выпали на ее долю в годы Великой Отечественной войны. Сибирские дивизии покрыли себя неувядаемой славой в боях под Москвой, а те, кто заменил отцов и братьев у станков и мартенов, день и ночь ковали победу в тылу. При всей своей трагичности, война дала новый импульс развитию многих сибирских регионов. Только в Красноярском крае было развернуто более сорока предприятий, эвакуированных из средней полосы.

Каждый воспринимает Сибирь по-своему. При этом ее главный исторический пласт большинство людей связывают со временем походов казачьего атамана Ермака, положившего начало ее присоединению к России. Пророческими оказались слова Ломоносова о том, что Сибирью будет прирастать могущество российское. А эру ее экономического освоения открыли предприимчивые купцы и промышленники Строгановы, получившие первую жалованную грамоту на земли за Уралом.

Всякие люди приходили сюда, но искатели скорого счастья в Сибири не задерживались. Как заметил Михаил Бакунин, «при всех недостатках, укоренившихся в ней от постоянного наплыва разных, часто весьма нечистых элементов… она отличается какою-то особою широтою сердца и мысли, истинным великодушием».

Лучшие качества и традиции сибиряков — от основавшегося на здешней земле человека-труженика. От пашенного человека, который пришел, по словам того же Валентина Распутина, «на эту целомудренно пустовавшую землю вслед за казаком», который «распахивал степь или корчевал под поле тайгу, год от года сеял и собирал хлеб, растил детей, умножал семьи и делал теперь уже свой многотрудный край жилым и доступным».

…Нелегкой была жизнь хлеборобской семьи Устина Демидовича Черненко. Небольшой надел земли на неудобье обрабатывался лошадью и однолемешным плугом. В неурожай хлеба едва хватало до будущего лета. В хорошие годы часть хлеба продавали — надо было одевать ребятишек (а их было пятеро), покупать необходимый для хозяйства инвентарь. Поэтому трудился Устин Демидович не только в поле, но и прирабатывал еще бакенщиком на Енисее. Несмотря на постоянную нужду, жили дружно. Душой семья была мать, Харитина Дмитриевна, женщина деятельная, неутомимая, работящая. Костя с десяти лет

уже помогал отцу по хозяйству. А вместе со сверстниками ходил в деревенскую школу первой ступени.

Первые послереволюционные годы выдались особенно трудными. Повсюду царили разруха, голод, эпидемии. Не обошли они стороной и самые отдаленные уголки Сибири, докатились и до Большой Теси. Семью Черненко постигло страшное горе — от тифа умерла мать. С ее смертью жизнь в доме пошла наперекос. Женщина, поселившаяся в нем после смерти матери, не только не смогла заменить ее, но и фактически ускорила распад семьи.

Константину едва исполнилось одиннадцать лет, когда его отдали «в люди». Стал он работать по найму подпаском, но продолжал учиться в школе, часто — урывками, догоняя сверстников, удивляя их и учителей своей сообразительностью, хорошей памятью. Как считал сам Константин Устинович, дорогу к новой жизни для него открыла Новоселовская школа крестьянской молодежи (ШКМ), в которую определил его комитет бедноты.

И сюда докатилась волна энтузиазма, с которым молодежь восприняла главный ленинский завет — учиться. Это призыв подтверждался конкретными делами советской власти, обеспечившей широкий доступ во все учебные заведения детям рабочих и крестьян, освободившей их от пут безысходности и темноты, которые определяли весь уклад дореволюционной жизни.

Очень показательна статья Ленина «Странички из дневника», написанная в декабре 1922 года. Она, в частности, содержала такое требование: «…В первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса». И это — в обстановке разрухи и нищеты, вызванной Гражданской войной.

Школы крестьянской молодежи стали создаваться в сельской местности с 1923/24 учебного года на базе школ первой ступени. Позднее, в период коллективизации, они были преобразованы в школы колхозной молодежи и просуществовали почти до середины тридцатых годов. Чуть позже, в 1925 году, в городах возникают первые фабрично-заводские семилетки (ФЗС), ставшие в период первой пятилетки основными общеобразовательными центрами рабочей молодежи.

Показательно, что к началу сороковых годов уровень грамотности народа составил свыше 80 процентов. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса и крестьянства, прошли через вузы и техникумы — рождалась новая советская интеллигенция.

Вот лишь несколько цифр. Если в 1928/29 учебном году в начальных и средних школах обучалось 12,6 миллиона человек, то в 1936/37 году — 28,8 миллиона. При этом доля учащихся средних школ возросла более чем в два раза — с 29,5 до 62 процентов. Число занимавшихся в средних специальных учебных заведениях увеличилось с 260 до 770 тысяч, в вузах — со 177 до 542 тысяч. Повышение общего образовательного уровня населения, создание системы народного образования, включающей все ступени обучения, рассматривались в качестве важнейших предпосылок решения крупных народно-хозяйственных задач.

Вдумываясь в эти цифры, дико слышать о том, что осенью 2008 года в России почти 3 миллиона детей школьного возраста не смогли или не захотели учиться. И судя по глубине мирового финансово-экономического кризиса, эта цифра в ближайшее время может еще увеличиться…

В середине двадцатых годов страна еще только усаживалась за парты. Жажда знаний двигала людьми, мечтавшими о жизни в новом обществе. Тяга к знаниям была столь огромная, что ее не могла остановить бедность страны, нехватка бумаги, карандашей, учебников. Например, в мае 1924 года на XIII съезде РКП(б) Н. К. Крупская рассказывала, что на базаре за карандаш давали больше четырех килограммов хлеба, за букварь — 16 килограммов, за учебник истории — около пятидесяти.

Кстати, Крупская внесла огромный личный вклад в развитие сельских школ. После встречи с группой учащихся крестьянских школ в Москве в 1929 году она писала в «Правде»: «ШКМ будит громадный интерес к учебе… Мы с тов. Луначарским три часа слушали ребят как зачарованные. Не в том дело, что ребята у нас такие умные, так хорошо говорят, но их устами говорила бьющая ключом жизнь перестраивающейся деревни».

Основная цель школ крестьянской молодежи состояла в том, чтобы подготовить из сельской молодежи культурных земледельцев и общественно активных людей. Учебные планы и программы в ШКМ отличались политической заостренностью, четкой ориентацией на коллективное сельскохозяйственное производство, изучением таких предметов, как основы кооперации, агрохимии, животноводства. Помимо знакомства с проблемами кооперирования и коллективизации сельского хозяйства учащиеся овладевали счетоводством. Выпускники ШКМ приравнивались к тем, кто окончил среднюю школу, имели равные с ними права, дающие реальную возможность продолжить образование в других учебных заведениях.

В то время беднейшие слои крестьянской молодежи не

мыслили свою жизнь без комсомола. РКСМ, в свою очередь, считал ШКМ не только очагами образования и культуры на селе, но и опорными базами всей своей работы в сельской местности. В них, в частности, готовили сельских активистов и кадровых комсомольских работников.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что в Новоселовской школе крестьянской молодежи в 1926 году Константин Черненко вступил в комсомол. Так начинали тогда свой жизненный путь тысячи его сверстников. Судя по воспоминаниям Черненко, справлялся он с комсомольскими поручениями успешно. А их было немало. От комсомольского бюро он занимался политико-массовой и культурно-массовой работой, писал хлесткие заметки в школьную газету, оформлял «боевые листки», участвовал в работе многих кружков, агитколлектива «Синяя блуза».

Любовь к поэзии — оттуда, из периода комсомольской юности. Константин Устинович всегда загорался, когда рассказывал о том, какая огромная тяга была тогда у молодежи к поэзии. А поэтическое море тогда было бурным. «Революционный порыв, коренное переустройство жизни, переоценка ценностей, — вспоминал Черненко, — оказывали огромное влияние на поэтов. Отзвуки поэтического прибоя доходили и до ШКМ в нашем Новоселове. Здесь тоже часто вспыхивали жаркие поэтические споры, в которых нет-нет да и вставлялись непонятные, загадочные словечки: "лефовцы", "рапповцы", "футуристы", "имажинисты". Не каждый толком знал, что это такое, но, несмотря на это, до хрипоты спорили о том, кто "наш", а кто "не наш".

Нередко верх брал юношеский максимализм, бескомпромиссность. Безжалостно отметались дореволюционные поэты и "буржуазные классики". Обеими руками голосовали за Маяковского, Демьяна Бедного. Громили Блока и Есенина».

Городская культура, как видим, влияла на сельскую молодежь не всегда лучшим образом, а идеи Пролеткульта формировали однобокое представление о творческом мире. На преодоление такого подхода, как известно, понадобились долгие годы. Но главное, конечно, заключалось в том, что новая жизнь пробудила людей от духовной спячки, сделала доступным для широких масс культурное достояние страны, воспитывала у них тягу к прекрасному.

На одной из бурных поэтических дискуссий Константину Черненко однажды здорово досталось от товарищей: «Комсомольский активист, а Есенина читает, видели у него в общежитии книжку есенинских стихов». Константин не отрицал,

что ему Есенин как поэт нравится. «Если бы даже не нравился, — запальчиво сказал он, — все равно читать надо, чтобы знать идейных противников». И добавил после паузы: «А все-таки плохой поэт не может так хорошо сказать о Ленине». И прочитал строки из «Анны Снегиной»:

Скажи,
Кто такое Ленин?
Я тихо ответил:
Он — вы.

Против такого аргумента никто возразить не смог, хотя вряд ли до всех дошел тогда простой смысл этих строчек, так точно выраженный Есениным: Ленин лучше других понимал нужды и чаяния русского крестьянства… Но все же устное порицание комсомольцу Черненко за чтение есенинских стихов вынесли. Для порядка, как сказал секретарь комсомольского бюро.

Однажды, делясь воспоминаниями, Черненко признался, что его неравнодушие к поэзии связано с тем, что он «в молодости и сам баловался стишками». Позже его супруга Анна Дмитриевна подтвердила, что он писал стихи не только в молодости, но и в зрелые годы. Правда, очень стеснялся этого своего увлечения. Но некоторые вещи ей читал, и они хранятся как семейная реликвия.

Ну и, конечно, из поэтов любил не только Есенина. Знал наизусть очень многое из Некрасова. Преклонялся перед Твардовским. Разумеется, боготворил Пушкина и Лермонтова. Анна Дмитриевна вспоминала, как на отдыхе, гуляя по парку, читал ей «Выхожу один я на дорогу».

…Поручения комсомольской ячейки, райкома комсомола Константин Черненко выполнял с удовольствием, можно даже сказать, с азартом. Однажды райком поручил ему создать пионерский отряд из ребятишек новоселовской окраины. И он за короткое время добился того, что ватага сорванцов, славившаяся своими дерзкими налетами на сады и огороды, занялась полезным делом. Во главе со своим вожатым ребята помогали в строительстве нового районного клуба, разбивали спортивные площадки, приобщались к физкультуре. А по вечерам у костра распевали «Наш паровоз», «Картошку», слушали рассказы бывалых людей.

Вскоре Константин Черненко был утвержден председателем бюро юных пионеров при Новоселовском райкоме комсомола. А в 1929 году, сразу по окончании школы, его назначили на работу заведующим отделом агитации и пропаганды Новоселовского райкома комсомола. С этого и началась его биография

комсомольского, а затем и партийного работника. Но забегая вперед отметим, что в сферах промышленного или сельскохозяйственного производства ему поработать так и не довелось, хотя, что такое тяжелый физический труд рабочего и крестьянина, он знал не понаслышке, и через всю жизнь пронес глубокое уважение к тем, кто своими руками создает все наши блага.

Константин редко засиживался в райкоме, много ездил по району, а больше ходил пешком. Дел и энергии на их выполнение хватало с избытком: создавал новые комсомольские ячейки, выступал на комсомольских собраниях и сельских сходах, помогал устраивать любительские спектакли, оборудовать избы-читальни. И конечно же организовывал атеистические вечера. В запале энтузиазма не понимали тогда, что, насаждая безбожие, отнимают у значительной части крестьян и веру в социалистические идеалы. Понадобились десятилетия, чтобы понять пагубность идеологической конфронтации, возникшей тогда в обществе.

Противостояние старого и нового мира было жестким и непримиримым. Черненко рассказывал, как однажды вместе с комсомольцами сельской ячейки участвовал в собрании крестьян деревни Черная Кома. Обсуждался вопрос о создании колхоза. Не всё было просто на этом собрании, кипели страсти вовсю. Сидевший в президиуме уполномоченный Новоселовского райисполкома красноярский рабочий-железнодорожник коммунист В. Изыпчук то и дело успокаивал не в меру разгоряченных ораторов. И вдруг из окна грохнул выстрел, сразивший уполномоченного насмерть. Такие террористические акты были тогда не редкостью.

Комсомольская работа, по словам самого Черненко, постепенно выковывала из него политического бойца, закаляла характер. Ведь не обладая твердой волей, и простому человеку нелегко было выжить в то нелегкое время. А каждый комсомолец считал себя «революцией мобилизованным и признанным», находился на переднем крае борьбы партии за новую жизнь и заслуженно гордился этим. И каждый мечтал стать когда-нибудь членом РКП(б). Свое будущее не представлял без большевистской партии и Константин. Но для этого нужно работать над собой, а он понимал, что запаса знаний, в первую очередь политических, необходимых для настоящего коммуниста, катастрофически не хватает. Того, что дала школа крестьянской молодежи, было, конечно, недостаточно, и Черненко усиленно занимался самообразованием, пытаясь систематизировать то, что узнавал из книжек и газет. На беспокойной комсомольской работе делать это

было не просто.

Выручала железная самодисциплина. Было с кого брать пример — в Новоселове была сильная и влиятельная партийная ячейка. Старшие товарищи-коммунисты стремление парня к самостоятельной учебе заметили. Поддержали, помогли составить планы, подобрать необходимую литературу, оказывали помощь советами, консультациями.

Теперь Константин нередко засиживался над книгами и конспектами до глубокой ночи. Главное внимание уделял материалам о жизни и деятельности В. И. Ленина, его работам. Имя Ленина для красноярцев значит особенно много. Оно связано с селом Шушенское — местом его сибирской ссылки 1897–1900 годов.

Как известно, Ленин написал в Шушенском свыше тридцати произведений — книг, брошюр, статей, рецензий. Среди них — фундаментальный труд «Развитие капитализма в России», а также «Задачи русских социал-демократов», «Проект программы нашей партии», «Протест российских социал-демократов» и др. Эти произведения, охватывающие широкий круг проблем теории марксизма и практики классовой борьбы российского и международного пролетариата, оказали огромное воздействие на развитие социал-демократического движения в России. Здесь Ленин разрабатывал план создания пролетарской партии нового типа, выполнил колоссальную работу по теоретической разработке основ идейно-политического и организационного сплочения революционных социал-демократов.

Спустя уже много лет, работая в Красноярском крайкоме партии, Константин Устинович получил поручение Центрального комитета — создать в Шушенском музей В. И. Ленина. Надо сказать, что с заданием этим он справился достойно. И всю свою жизнь по-настоящему гордился тем, что ему выпала такая высокая честь…

За революционным брожением в далеком сибирском крае Ленин и позже следил особенно пристально. Не случайно в июле 1902 года ленинская «Искра» писала о том, что красноярские рабочие публично выступили против царского произвола, что на Красноярских Столбах появилось слово «свобода».

Красноярск вписал яркую страницу в историю революции 1905–1907 годов. При активном участии большевиков, возглавивших в ходе Октябрьской политической стачки Выборную комиссию рабочих Красноярска, здесь был создан Объединенный совет рабочих и солдатских депутатов, в который было избрано около 120 человек. Проведя в начале декабря 1905 года вооруженную демонстрацию рабочих и солдат, Совет фактически

взял власть в городе в свои руки и стал исполнять роль временного революционного правительства знаменитой «Красноярской республики». Первые в Сибири Советы по своей значимости и размаху работы с трудящимися по праву стали в один ряд с Советами в Москве и Иваново-Вознесенске.

К этому же времени относится и начало выхода в свет одной из старейших большевистских газет «Красноярский рабочий», основанной местным комитетом РСДРП. В первых своих номерах, помимо освещения деятельности Объединенного совета, она активно пропагандировала Программу РСДРП, информировала читателей о революционных событиях в России, призывала к вооруженному восстанию против самодержавия.

В революционном 1917 году Красноярск стал важнейшей опорой большевизма в Сибири. Уже в октябре здесь было поднято знамя социалистической революции. Пролетариат Красноярска, защищая власть рабочих и крестьян, проявил образцы героизма в борьбе с колчаковщиной и белочехами. Пытаясь обезглавить народное освободительное движение, враги советской власти развернули против коммунистов особенно жестокий террор. Многие видные партийные деятели были расстреляны в Красноярской тюрьме или зверски замучены. Но, несмотря на это, большевикам удалось развернуть в Енисейской губернии широкое партизанское движение, которым руководили подпольные комитеты РКП (б). Усилиями Красной армии и сибирских партизан в начале 1920 года Енисейская губерния, как и вся Сибирь, была освобождена от иностранных интервентов и белогвардейщины и стала советской.

Изучение истории краевой партийной организации, ее революционных традиций благотворно сказывалось на идейном формировании Черненко, на становлении его как комсомольского, а в будущем — и партийного работника. Такие слова в наше время, может быть, у кого-то и вызывают неприязнь, но только не у поколения, строившего социализм. Слишком быстро в нашей стране постарались предать забвению те неисчислимые жертвы, которые большевики понесли в борьбе против угнетателей, за установление советской власти в Сибири. Будто и не было в ее истории колчаковских зверств и кулацких обрезов. Тогда, в двадцатых-тридцатых годах, комсомольцы хорошо понимали, какой ценой добывалось право на достойную жизнь, чтили память погибших в боях за социализм, старались быть достойными продолжателями дела, начатого старшим поколением революционеров.

В начале 1930 года Константин Черненко был принят кандидатом в члены ВКП(б). Произошло то, о чем он мечтал: его

жизнь отныне стала еще крепче связанной с партией, которой он посвятит себя бесповоротно и без остатка.

А осенью 1930 года в его судьбе неожиданно произошла большая перемена. Три работника Новоселовского райкома комсомола, три друга — секретарь райкома Евгений Григорьев и два заведующих отделами, Константин Черненко и Василий Высокое — в ответ на призыв ЦК комсомола «Комсомолец — на границу!» твердо решили вместе пойти добровольцами в пограничные войска. В окружкоме комсомола сначала возражали против такого решения, но когда убедились, что они подготовили себе в райкоме достойную смену, согласились.

С высоты нашего времени такое решение друзей для многих выглядит наивно, может быть, даже странно. Но тогда рассуждали иначе, чем те, кто сегодня прячется от службы в Вооруженных силах. Превыше всего для комсомольца его святым долгом была защита социалистической Родины. Другими словами, патриотизм тогда был подлинным, а не «театрализованным», который сейчас, в частности, в основном заключается в размахивании государственным флагом на международных футбольных матчах. На этом, к сожалению, «гордость за страну» и заканчивается.

А тогда… Черненко вспоминал о том, какие чувства испытывали он и его друзья. Их нетерпение попасть на службу в пограничные части было так велико, что они не стали ждать очередного парохода из Абакана — в складчину купили лодку, запаслись продуктами и своим ходом отправились из Новоселова вниз по Енисею до Красноярска. В окружном военкомате оказалось, что добиться исполнения заветного желания — служить на границе — не так-то просто. Желающих было гораздо больше, чем требовалось. Только благодаря личной настойчивости трех друзей и не без помощи окружкома партии комсомольских работников направили на один из самых сложных участков советско-китайской границы.

На южных рубежах в те годы было неспокойно. Всем памятен был конфликт, возникший на Китайско-Восточной железной дороге. А со стороны китайской провинции Синьцзян, как, впрочем, и с территорий Афганистана и Ирана, организовывались налеты басмаческих банд на советские среднеазиатские республики. Константина Черненко направили сначала в распоряжение Джаркентского пограничного отряда в Семиречье, что на границе Казахстана с Китаем. А после подготовки в учебном эскадроне — кавалеристом на погранзаставу Хоргос, где не проходило и дня без вооруженных стычек с нарушителями границы. Там Константин вскоре был избран комсомольским

вожаком.

Черненко не раз мне говорил, что ему особо запомнились дни службы в учебном эскадроне. Первый свой наряд с боевым оружием в руках он вместе с другими новобранцами провел в почетном карауле у гроба товарища, погибшего накануне в очередной схватке с бандитами. Тогда каждый из них поклялся, что все свои силы, а если потребуется, и жизни, они отдадут, защищая священные рубежи Родины.

А пока нужно было научиться надежно охранять покой страны — овладевать оружием, вникать во все тонкости пограничной службы, налаживать контакты с местным населением, вести среди него разъяснительную, политико-просветительскую работу. Во время службы на границе истек кандидатский партийный стаж Константина, и на пограничной заставе в 1931 году он был принят в ряды Коммунистической партии большевиков.

Сохранились и отзывы сослуживцев о том, что молодой Черненко действительно нес нелегкую пограничную службу с достоинством, не раз проявлял отвагу в схватке с бандитами. Он метко стрелял из винтовки и ручного пулемета, далеко и без промаха метал по целям ручные гранаты. Из Константина вышел хороший кавалерист (еще бы, какой сельский парень не умеет обращаться с конем!), и на охрану государственной границы он всегда выезжал старшим группы.

Он часто выступал в сельском клубе с докладами, проводил беседы с местным населением на политические темы, а в свободное время, как и прежде, занимался самообразованием, много читал.

Приглядевшись к молодому бойцу, коммунисты заставы пришли к выводу, что имеют дело с грамотным, боевым и надежным товарищем. И избрали его секретарем партийной организации. С тех пор, по словам Константина Устиновича, смыслом и главным содержанием всей его дальнейшей жизни стала партийная работа.

…Почти через пятьдесят лет, в августе 1979 года, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко в ходе командировки в Казахстан побывал в гостях у пограничников. Посетил он пограничную заставу Хоргос, где служил в молодости, где вступил в партию и стал парторгом. Застава к этому времени входила в состав Панфиловского (бывшего Джаркентского) пограничного отряда, который отмечал тогда пятидесятилетие со дня своего создания. И без того праздничная обстановка с прибытием высокого гостя стала особенно приподнятой и торжественной. Пограничникам было чем гордиться — такой

знаменитый человек прошел здесь боевое крещение, можно сказать, получил путевку в большую жизнь! А после того, как Константин Устинович вручил отряду за большие заслуги в деле охраны государственной границы и в связи с юбилеем орден Красного Знамени, были беседы с пограничниками, выступления, знакомство с образцами нового оружия…

Заметно было, что Константин Устинович был искренне взволнован этой встречей со своей юностью, но эмоции старательно прятал. Тогда было не принято, чтобы руководящие лица каким-то образом нарушали сухие протокольные церемонии. Ведь рядом — солидное окружение: председатель Совета министров Казахстана Б. А. Ашимов, второй секретарь ЦК КП Казахстана О. С. Мирошхин, командующий пограничными войсками КГБ СССР генерал армии В. А. Матросов да еще многие сопровождающие лица областного и районного масштаба.

В память о посещении заставы Хоргос Черненко посадил ореховое дерево. Наверное, оно выросло, окрепло, шумит листвой, но уже на погранзаставе другого государства, называемого ныне страной ближнего зарубежья…

Глава вторая. Профессия — партийный работник

Райком партии. Война. Секретарь Красноярского крайкома. Высшая школа парторганизаторов в Москве.

Наступило лето 1933 года. Страна становилась на ноги. Была уже позади успешно выполненная первая пятилетка, которая показала остальному миру жизнеспособность первого в мире государства рабочих и крестьян, его умение решать задачи величайшего масштаба. Успехи в хозяйственном строительстве подкреплялись невиданным ранее энтузиазмом населения. Хоть и с большими трудностями, но была завершена сплошная коллективизация. В то время, когда ведущие капиталистические страны переживали депрессию, вызванную экономическим кризисом конца двадцатых — начала тридцатых годов, СССР сделал мощный рывок к новым рубежам и продолжал развиваться стремительными темпами. Одна немаловажная деталь, на которую со временем перестали обращать внимание: тогда же было покончено с безработицей, и право на труд до последних дней советской власти рассматривалось уже как само собой разумеющееся. С Советским Союзом начинали считаться на международной арене.

Для парторга заставы старшего политрука Черненко закончилась полная тревоги и романтики пограничная служба. Впереди была целая жизнь, неведомая, но будившая свойственные молодости ожидания чего-то прекрасного, сулившая исполнение заветных желаний и осуществление самых высоких целей. Его ждала жизнь, неразрывно связанная с судьбой страны.

Демобилизовавшись, Черненко прибыл в распоряжение Красноярской краевой партийной организации. Не скрывал радости, когда получил назначение на работу заведующим отделом агитпропа в райкоме партии родного Новоселовского района. К тому времени в районе было уже 40 колхозов и три совхоза, создавалась МТС — машинно-тракторная станция. В деревню стали поступать новые сельхозмашины: лобогрейки, молотилки, сноповязалки, появились первые тракторы и комбайны. Коллективный труд на земле стал уже приносить первые весомые плоды. В том же 1933 году колхоз «Авангард» села Новоселово отправил государству сверх плана красный обоз с сибирским хлебом. За этот трудовой почин ВЦИК СССР наградил колхоз Почетной грамотой, а М. И. Калинин прислал новоселовцам в подарок библиотеку. Это было радостным

событием для сельчан.

Говоря об этом времени, трудно обойти тему голода, поразившего в начале тридцатых годов несколько крупных регионов страны. Его, как правило, сейчас связывают с проведением коллективизации и лишь вскользь, да и то не всегда, упоминают о засухе, ставшей главной причиной недорода, или «забывают» о том, что из-за климатических условий голод в России повторялся с устрашающей частотой. На мой взгляд, только коллективное ведение сельского хозяйства, позволившее применять дорогостоящую технику, недоступную для крестьян-единоличников, позволило раз и навсегда преодолеть последствия неурожайных лет. Вот лишь один характерный пример. В засушливом 1936 году было собрано всего лишь 55,8 миллиона тонн зерна — то есть меньше, чем в 1931-м и 1932-м, когда ежегодный сбор тогда составлял около 70 миллионов тонн. Но запасы зерна, сделанные в предшествующие годы, помогли предупредить голод среди населения.

Пять лет находился Черненко в самой гуще райкомовских дел. Партийная работа — дело всегда хлопотное, а в те времена — особенно беспокойное. Целыми днями приходилось пропадать на полевых станах, в мастерских, школах, клубах, избах-читальнях. О необходимости активной работы среди масс во все времена говорили много, но умению общаться с населением никогда и нигде не учили. Приходилось самому постигать все премудрости этого тонкого дела, на собственном опыте убеждаться, насколько сложно бывает понять мотивы поведения людей, проникнуться их заботами, отстаивать их нужды и интересы.

Наверное, не случайно считалось, что партийный руководитель любого ранга должен обязательно пройти школу низового звена. Конечно, бывали из этого правила исключения. Но чаще всего люди, не получившие закалки и необходимого опыта работы в низовых коллективах, умудрившись занять руководящие посты, не понимали, что там, «внизу», жизнь выглядит совсем иначе, чем она кажется сверху. Возьмем, к примеру, биографию того же Горбачева, который сразу же по окончании университета оказался в аппарате Ставропольского крайкома комсомола.

Партийный работник своей судьбой не распоряжается. Способности Черненко заметили, но вместо того чтобы подающего надежды молодого партийца направить на работу в «вышестоящие органы», стали посылать его на «прорывы», туда, где возникали сложности или неурядицы. Довелось ему поработать в Уярском и Курагинском райкомах партии, на тех же

должностях, что и в Новоселовском районе.

Годы райкомовской работы, по словам Черненко, были для него большой политической школой. Для себя он решил тогда бесповоротно и окончательно: партийная работа — это его призвание.

После нескольких лет работы в районе, в 1938 году, Константина Устиновича, уже накопившего солидный опыт партийной работы, выдвигают в аппарат краевого комитета ВКП(б). Здесь он работает заведующим Домом политического просвещения, а затем — заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома.

Задумываясь над страницами биографии Черненко, я всегда задавал себе вопросы: а как его лично коснулись трагические события 1937-го и последующих годов, какую позицию занимал он, молодой партийный работник, в те сложные годы? Ведь после пограничной службы (в войсках ОГПУ!) он руководил отделами агитпропработы трех райкомов партии Красноярского края. И по логике вещей, не мог оставаться в стороне от тех последствий, которые повлек за собой известный тезис об «обострении классовой борьбы с развитием социализма и возрастанием сопротивления капиталистических элементов», выдвинутый еще в июле 1928 года Центральным комитетом ВКП(б).

И вот однажды разговор на эту тему у меня с Константином Устиновичем состоялся. На мой прямой вопрос он ответил сначала коротко: «Думаю, меня спасла Сибирь», — а потом пояснил свой ответ.

По его мнению, в те годы в Сибири и, в частности, в Красноярском крае репрессии широкого масштаба не получили. Размах борьбы с «врагами народа» был намного слабее, чем, положим, в Центральной России или на Украине. Конечно, на партийных собраниях, пленумах райкомов, в печати вовсю клеймили оппозицию — «уклонистов», троцкистов, бухаринцев. Но всё это, как говорил Черненко, выглядело как бы абстрактно, словно отражение того, что происходило где-то в центре. Коммунисты рассуждали примерно так: «Это там у них, в Москве, "контра", а мы не допустим такого».

Я, признаться, думаю, что в чем-то они были правы или, во всяком случае, недалеки от истины. Логика же Черненко заключалась в следующем: чем больше подобострастия проявляли региональные руководители по отношению к центральной власти, тем активнее в их регионах действовал репрессивный аппарат, тем больше в них фабриковалось дел о «шпионаже» и «вредительстве», тем шире использовались в этих целях оговоры честных людей и доносительства на них. За примерами ходить в

Сибирь не обязательно. Возьмем хотя бы Украину, где такие «традиции» укоренились еще со времен так называемого «голодомора», в начале которого местные руководители во главе с Косиором бодро рапортовали Центру о готовности перевыполнить планы заготовки зерна. Так, 15 марта 1932 года, когда стало ясно, что голод неизбежен, первый секретарь ЦК Компартии Украины направил шифротелеграмму Сталину с предложением увеличить изъятия хлеба у украинских крестьян в пользу общегосударственных интересов. Сталин вынужден был поправить Косиора: «Не надо этого делать. Следует выполнять те нормы, которые даны». Ну а в репрессии на Украине внес свою весомую «лепту» Хрущев, когда возглавлял ЦК Компартии республики.

Трудно сомневаться в обоснованности доводов Черненко, когда он, касаясь темы репрессий, акцентировал внимание именно на сибирских особенностях. На особенностях, которые отражали такие черты сибиряков, как твердость характера, открытость и доброжелательное отношение к окружающим. На них он нередко ссылался и в случаях, когда заходила речь о других сложных явлениях и проблемах, с которыми сталкивалась партия.

В начале 1941 года Черненко избирают секретарем Красноярского крайкома.

Он не привык отсиживаться за чужими спинами. Когда нагрянула война, ни на минуту не сомневался, что с его-то опытом службы на границе, армейской партийной работы ему место только в действующих войсках, на передовых позициях. Тем более что имел он и воинское звание старшего политрука. Свои неоспоримые, как ему казалось, доводы он изложил в заявлении, которое написал в бюро крайкома. Решение не заставило себя долго ждать. Разговор был коротким: «Твоя передовая — здесь. В Красноярске — тот же фронт. И вообще в стране нет тыла. Воюет весь народ, вся партия». Пришлось скрепя сердце подчиниться.

Очень скоро пришлось убедиться в правоте слов, которые Константин Устинович услышал в ответ на свою просьбу отправить его на фронт. Ведь, действительно, в кратчайший срок вся страна была превращена в боевой лагерь. Буквально через неделю после вероломного нападения фашистов на Советский Союз был создан Государственный Комитет Обороны, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в стране. На ГКО, в частности, была возложена задача проведения эвакуации промышленных предприятий из районов, которым грозила оккупация, и налаживания производства на новых местах.

Такого грандиозного перемещения производительных сил не

знала мировая история. Только за первые три месяца войны на восток страны было вывезено 1360 крупных предприятий. До конца 1941 года по железным дорогам на восток ушло 1,5 миллиона вагонов грузов, перевезено 10 миллионов человек.

Партийный и советский аппарат Красноярска в первые, самые напряженные месяцы войны работал фактически круглосуточно. Необходимо было в фантастически короткие сроки разместить 42 крупных оборонных предприятия из двадцати городов восточной части страны. А это — тысячи эвакуированных рабочих и их семей. Надо было размещать людей по квартирам, строить бараки, столовые, пекарни, бани.

Приближалась суровая сибирская зима. Квартир не хватало, бараков в необходимом количестве строить не успевали. Срочно рыли землянки с бревенчатым накатом, как на фронте. Для таких жилищ нужно было изготовить тысячи печек-«буржуек», а кроме того, обеспечить землянки и бараки дровами и углем. Надо было сделать все возможное, а порой и невозможное, чтобы работали детские сады, школы, больницы, чтобы все были обеспечены по карточкам хотя и скудным, но твердым продовольственным пайком.

И вся эта неимоверно тяжелая, казавшаяся просто непосильной работа легла в первую очередь на плечи партийцев. Но они справились с ней, потому что это были люди долга, ставившие интересы страны, ее народа выше своих личных. Потому что понимали, что там, на фронте, еще тяжелее. И они работали — недоедая, недосыпая, замерзая в лютые морозы на строительных площадках. Работали дни и ночи.

Можно представить, какая огромная нагрузка выпала на долю секретаря крайкома партии Черненко, возглавившего агитационно-пропагандистскую работу в крае.

Люди, придавленные непомерной тяжестью войны, обремененные множеством новых забот, нуждались не только в жилье и продовольствии, но и в поддержке, в ободряющем и теплом слове. Константин Устинович, хорошо знавший нелегкую жизнь народа «изнутри», всегда сочувствовавший простому человеку, умел находить такие слова. Он практически забыл про свой кабинет в крайкоме, с утра и до глубокой ночи находился на производственных объектах и полевых станах, в рабочих общежитиях и бараках. Нелегко было в первые месяцы войны рассказывать о положении дел на фронте, о том, что угрожающая обстановка сложилась вокруг Москвы. Тем не менее старался вселить в людей уверенность в правоте нашего дела, в конечной победе. Говорил о том, что предпринимается для облегчения трудностей военного времени. Никогда не отмахивался от просьб

и пожеланий людей. Стремился сделать партийно-политическую работу доходчивой и эффективной.

Заметим, что партийная пропаганда в то время обладала колоссальной силой. Люди верили слову, обращенному к ним, потому что они не раз убеждались в предшествующие годы, что лозунги партии не расходятся с делом. Со временем, когда обещания и решения центральной власти стали всё больше отрываться от реальной жизни, слово, к сожалению, утратило свою силу.

Сейчас кому-то это может показаться странным, но тревожной осенью 1942 года пленум Красноярского крайкома ВКП(б) обсудил вопрос о состоянии агитационно-пропагандистской работы в крае. С докладом на пленуме выступил Черненко. По его словам, крайком тогда многое пересмотрел из сложившейся практики работы. В частности, партийные руководители пришли к выводу, что необходимо всю массово-политическую деятельность осуществлять более дифференцированно, полнее учитывать возрастные, психологические и социальные особенности различных групп населения. Вспомнили и о некоторых агитационных формах работы, с успехом применявшихся еще в годы Гражданской войны и сыгравших огромную мобилизующую роль.

В это же время была поддержана инициатива красноярцев, выступивших с замечательной инициативой — организовывать для фронта специальные агитпоезда. В состав агитпоезда входили агитвагон, вагон-клуб, вагон для лекторов и концертной бригады, в нем также размещались библиотека, звуковая киноустановка. В поезде обязательно были и вагоны с подарками сибиряков для красноармейцев — посылки с продуктами, теплые вещи. Красноярские агитпоезда в военное время семь раз выезжали на Калининский, Центральный и Карельский фронты. Каждая такая поездка длилась месяц и более. Лекторам и артистам приходилось выступать по нескольку раз в день. Для фронтовиков приезд агитпоезда всегда был радостным событием. К таким встречам командование частей, как правило, приурочивало вручение орденов и медалей отличившимся в боях воинам.

Работу по формированию и организации агитпоездов осуществлял секретарь крайкома партии Черненко. В конце 1942 года он сам возглавлял поездку такого эшелона на Карельский фронт. Невероятная по интенсивности нагрузка военного времени, работа без сна и отдыха, хотя в те годы Константин Установим был молод и полон сил, позднее скажется на его здоровье.

1943 год оказался переломным в судьбе Черненко. Он

чувствовал, как ему становится все труднее руководить таким сложным и обширным направлением партийной деятельности, каким являлась идеологическая работа в крае. С одной стороны, он обладал солидной практикой низовой партийно-политической работы, что благотворно сказывалось наделе. С другой — все ощутимее сказывалась нехватка хорошего образования, а без него трудно было идти в ногу со временем, решать новые задачи, которые выдвигала жизнь.

С двояким чувством он встретил решение ЦК об освобождении его от должности секретаря крайкома и направлении на учебу в Высшую школу парторганизаторов при ЦК партии: было и понимание необходимости учиться, и чувство неудовлетворенности, может быть, даже горечи, что он в такое нелегкое для края время покидает родную парторганизацию.

Как оказалось, покидал он Красноярск надолго — довелось посетить ему родной город только спустя 36 лет, когда находился уже на высоком посту в ЦК КПСС. Это было в 1979 году, когда в Красноярске проводилось Всесоюзное совещание заведующих общими отделами партийных комитетов. Следующая поездка Черненко в Красноярск в июне 1982 года была связана с майским (1982 года) пленумом ЦК КПСС, на котором была рассмотрена Продовольственная программа. Тогда по итогам пленума он выступал с докладом перед коммунистами края, а затем побывал в родном Новоселове. Было много интересных, волнующих встреч, воспоминаний.

Тогда мне удалось побеседовать с новоселовскими ветеранами, людьми, знавшими Черненко. Сохранились некоторые записи, и среди них — воспоминания коммуниста Н. М. Питерцева: «Как член бюро райкома партии, Константин Устинович часто выезжал к труженикам полей, которые вели нелегкую борьбу за урожай тех лет. Мне вспоминается, как товарищ Черненко в период уборочной кампании 1936 года по своей инициативе поехал в одно из самых отсталых хозяйств района и так сумел построить в нем работу парторганизации, что колхоз и уборку закончил первым в районе и перевыполнил план сдачи зерна государству». А механизатор совхоза «Легостаевский» С. С. Циглимов сказал просто и коротко: «Мне посчастливилось дважды встречаться с Константином Устиновичем. Это удивительный человек. Меня, хлебороба, поражает простота, большое знание жизни и то, насколько ему близок и понятен простой рабочий».

…В трехгодичной Высшей школе парторганизаторов при ЦК партии Черненко был сразу зачислен на второй курс. Время учебы в Москве он постарался использовать максимально, тем более что

имелись широкие возможности для пополнения и углубления знаний: читали лекции и проводили семинары видные ученые, крупные специалисты в области истории, философии, политэкономии, в различных отраслях народного хозяйства. Кроме того, в школе была отличная библиотека.

По плану более половины учебного времени отводилось на самостоятельную работу слушателей. Это давало возможность основательно изучать первоисточники, труды Маркса, Энгельса, Ленина. Тепло вспоминая об этом периоде в своей жизни, Константин Устинович называл Высшую школу парторганизаторов своим университетом, хотя формально это учебное заведение высшего образования не давало. Диплом о высшем образовании Черненко получит позже, в Молдавии, где он в 1953 году заочно окончит Кишиневский пединститут.

29 мая 1945 года, окончив школу парторганизаторов и пройдя беседу в Центральном комитете партии, он получил удостоверение № 3060 за подписью секретаря ЦК Маленкова, в котором значилось: «Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) командирует тов. Черненко Константина Устиновича в распоряжение Пензенского обкома ВКП(б) для использования секретарем обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. Срок прибытия к месту назначения — 2 июня 1945 года». Именно так тогда решались кадровые вопросы.

Глава третья. По партийной «горизонтали»

Пензенский обком. ЦК Компартии Молдавии. Годы работы в агитпропе ЦК КПСС

Предписание Центрального комитета партии Пензенскому обкому было выполнено. В начале июня 1945 года К. У. Черненко был избран секретарем обкома партии по пропаганде и агитации.

Это время было неимоверно трудным для страны. Война закончилась, но печать колоссальной разрухи лежала на всем. СССР понес огромные человеческие и материальные потери, утратил 30 процентов своего национального богатства. Нужны были огромные усилия для восстановления народного хозяйства, перевода экономики страны с военных на мирные рельсы.

Этот процесс был нелегким, требовал времени и был бы невозможен без героического труда советских людей. За рубежом мало кто верил, что растерзанная войной страна сохранила в себе жизненные силы и сможет залечить тяжелые раны. Но социалистический строй выдержал очередное испытание на прочность. Решающую роль в восстановлении экономики в послевоенные годы сыграли ее строгая централизация и плановое начало. Промышленные предприятия получали строгие задания по переходу на выпуск мирной продукции, а резкое сокращение военных расходов позволило значительно увеличить капиталовложения в подъем народного хозяйства. Уже в 1946 году завершилась в основном его перестройка на мирный лад. Восстанавливался нормальный режим на предприятиях. Были отменены обязательные сверхурочные работы, установлен регулярный отдых рабочих и служащих.

Главные усилия направлялись на повышение благосостояния населения, расширение производства предметов широкого потребления, снижение цен на продовольственные продукты и товары первой необходимости. В конце 1947 года в стране была отменена карточная система распределения ряда продуктов, а с 1949 года цены стали регулярно снижаться. Партия и государство стремились воздать должное народу-победителю, пережившему тяжелейшие испытания.

Серьезной предпосылкой для этого стал динамичный рост производства промышленной продукции, которое в 1948 году по общим показателям превзошло уровень 1940 года.

Много внимания уделялось созданию для населения Советского Союза возможности мирного труда и жизни.

Руководство СССР не поддалось ядерному шантажу Соединенных Штатов Америки, предпринятому в самом начале развернутой западными державами холодной войны. В кратчайший срок было создано собственное атомное оружие, а в 1949 году проведено его успешное испытание.

Нелегкая доля в осуществлении выдвинутых партией первоочередных послевоенных задач выпала и коммунистам Пензенской области. И хотя ее территория не была оккупирована фашистами, последствия войны и здесь сказывались самым суровым образом. Десятки тысяч воинов — жителей городов и сел области — не вернулись с фронта. Народное хозяйство области находилось в плачевном состоянии, основная тяжесть работы по его восстановлению легла на плечи вдов и сирот. Оборудование предприятий, эвакуированных в первые месяцы войны из западных областей, основательно износилось, а выпуск продукции легкой промышленности, например, сократился по сравнению с 1940 годом в 2,5 раза. Особенно ощутимый урон нанесла война сельскому хозяйству области. Как и во всей стране, здесь ощущался острый недостаток продовольственных и других товаров массового спроса. Казалось, что голод был неотвратим.

Новому секретарю Пензенского обкома пришлось столкнуться с тем, что в партийных организациях идеологическая работа была явно ослаблена. Конечно, после Высшей школы парторганизаторов он оценивал ее теперь совсем с других позиций, более требовательно, нежели раньше, и не мог не видеть контраста между тем, чему учили в школе, и тем, с чем столкнулся на практике. Справедливости ради скажем, что, действительно, во время войны во многих регионах вопросы идеологии уходили на задний план, их заслоняли куда как более неотложные задачи, а политико-воспитательную работу заменяли принципы жесткого единоначалия, законы военного времени.

Начал Черненко с главного — с разработки задач по идеологическому обеспечению выполнения постановления ЦК ВКП(б) «Об организационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы». На пленуме обкома партии он выступил с докладом, в котором выдвинул в качестве главной задачи партийных организаций всестороннее разъяснение трудящимся, что только их самоотверженный труд может спасти страну, сохранить ее безопасность и независимость.

В это сложное время к агитационной работе среди населения были привлечены наиболее подготовленные коммунисты и беспартийные. Уже к концу 1946 года, по данным обкома партии,

в области работало 26 тысяч агитаторов. Именно они определяли размах массово-политической работы, важность которой трудно было переоценить в условиях острого дефицита иной информации, особенно в сельской местности, на периферии.

С приходом нового секретаря обкома больше внимания стало уделяться повышению уровня теоретической подготовки партийного актива, для которого систематически организовывались курсы и семинары. Очень часто Черненко встречался с пропагандистами и агитаторами, регулярно выступал перед ними. При обкоме партии, во всех горкомах и райкомах были созданы внештатные лекторские группы и группы докладчиков. К пропагандистской работе активно привлекалась интеллигенция. В первые послевоенные годы во всей этой работе превалировал единый, жесткий и централизованный подход. Таково было суровое требование времени.

Под особенно бдительным контролем обкома партии находилась печать. В то время, когда радиовещание еще не получило должного размаха, а эра телевидения еще не наступила, это был самый могучий рычаг воздействия на массы. Вот уж действительно — здесь кадры решали всё. Не случайно в числе первых шагов своей деятельности Черненко было его детальное знакомство с журналистами областных и районных газет, анализ состояния их профессиональной и партийно-политической подготовки. Константин Устинович часто выступал перед ними с подробным анализом наиболее значимых публикаций, давал конкретные рекомендации, призывал тружеников пера ярче писать о проблемах дня, тружениках города и села, смелее критиковать недостатки и всеми силами помогать партийным, советским и хозяйственным органам избавляться от них.

Черненко и сам находил время для выступлений на страницах областной газеты. Я знакомился со многими из них. Его статьи того времени отличались конкретностью, знанием дела, четкостью рекомендаций, простотой изложения, доходчивостью. Он не раз подчеркивал, что партийный пропагандист, агитатор — это не «начетчик», не «чистый» просветитель, а в первую очередь организатор конкретного дела, политический боец.

Много времени уделял Черненко тогда вопросам увековечения памяти выдающихся людей и событий отечественной истории, которыми богат Пензенский край. Будучи председателем комиссии по проведению столетия со дня смерти В. Г. Белинского, он проявил большую настойчивость и предпринял много усилий в деле создания музея великого русского литературного критика. А позднее он активно

содействовал и помогал открытию в Пензе музея А. Н. Радищева. С огромным вниманием и любовью Константин Устинович относился к Дому-музею М. Ю. Лермонтова, всемерно поддерживал энтузиастов организации музея-заповедника в Тарханах.

У партийных руководителей того времени рабочий день не был нормирован. Им приходилось трудиться по 14–16 часов в сутки, и нередко до глубокой ночи светились окна в отделе пропаганды обкома. Тем, кто тогда работал вместе с Черненко, запомнилось его умение быстро и безошибочно находить людей, нужных для каждого конкретного дела, сразу же устанавливать с ними тесные контакты, располагать их к доверию и откровенности.

Пензенский период, несмотря на то что насчитывал всего три года, оставил заметный след в партийной биографии Черненко: он был замечен «в верхах», не раз получал лестные оценки в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Пути партийной работы неисповедимы. Для нашего героя они пока не сулили крутого восхождения по вертикали, но вот горизонты его деятельности расширялись. В мае 1948 года Константину Устиновичу вновь пришлось упаковывать нехитрые пожитки к переезду на новое место работы и жительства. По решению ЦК он был направлен в Молдавию, где восемь лет проработал заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии республики.

За годы войны и фашистской оккупации экономике и культуре Молдавии был нанесен ущерб, который, по официальным данным, исчислялся в 11 миллиардов рублей. Были разрушены и разграблены промышленные предприятия, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, социально-культурные и медицинские учреждения. Крупные города, в том числе столица республики Кишинев, многие села были превращены в руины.

К ликвидации военной разрухи республика приступила в условиях жесточайшей засухи 1945 и 1946 годов, что вызвало нехватку продовольствия. Это еще больше усугубило и без того критическое состояние экономики, особенно сельского хозяйства. На помощь молодой советской республике пришла вся страна. Из весьма ограниченных послевоенных ресурсов для ее поддержки выделялось самое необходимое.

Экономика республики изначально была гораздо слабее, чем в других регионах Советского Союза. Поэтому восстановительный период в ней затянулся, проходил с огромными трудностями. Большие сложности создавало то обстоятельство, что в районах, присоединившихся к Молдавии после Великой Отечественной

войны, проводилась коллективизация сельского хозяйства. Проходила она довольно болезненно, допускались и перегибы, тем более что уклад жизни сельского населения был совершенно иной, чем в России, где среди крестьянства были сильны традиции общинной жизни.

Национальная специфика, особенности экономической жизни республики требовали коренного улучшения стиля и методов партийной работы, укрепления кадрового состава партийных, советских и хозяйственных руководителей. Кстати, Черненко был направлен в Молдавию не один, а в составе группы ЦК ВКП(б), сформированной из сильных и опытных работников других парторганизаций страны.

Молдавский период своей работы он до конца жизни считал наиболее творческим в своей биографии. Ведь принял он отдел пропаганды республиканского ЦК в самом расцвете сил, когда возраст его только приближался к сорока. А в эту жизненную пору многое удается, и от любой, даже самой сложной, работы, как правило, получаешь удовлетворение. Вместе с тем, что немаловажно и характеризует зрелость человека, приходит пора осознания собственных возможностей, способность к критическим самооценкам.

Впрочем, многие крупные партработники, и Черненко не исключение, находились тогда в плену сложившихся стереотипов и представлений, которые мешали им лучше понять происходящие вокруг процессы. Известно, например, что в идеологической работе долго сохранялась тяга к всевозможным количественным критериям ее эффективности, которые далеко не всегда позволяли увидеть суть того или иного явления. Необходимость добиваться пресловутого «охвата» населения теми или иными формами идеологического воздействия порождала формализм, вынуждала больше заниматься «бухгалтерией», нежели глубоким анализом состояния дел.

До поры до времени Черненко, как и сотни других партийных функционеров, искренне верил в эффективность такого подхода. За чередой повседневных забот трудно было представить, что возможны иные меры, позволяющие поднять политическое сознание трудящихся, активизировать их общественную и трудовую деятельность, без чего невозможно было осуществлять социалистические преобразования в республике.

Но в целом, повторюсь, агитационно-пропагандистская работа приносила ощутимые результаты, поскольку народ еще не изверился, прислушивался к партийным лидерам, шел за ними. В практике массовой работы широко использовались встречи с различными группами населения, где всесторонне обсуждались

насущные задачи хозяйственного и культурного строительства. Проводились районные, уездные и республиканские собрания и съезды крестьян, интеллигенции, женщин, молодежи, учителей.

К работе по ликвидации безграмотности, уровень которой среди населения Молдавии сохранялся довольно высоким, были привлечены десятки тысяч людей, в том числе вся сельская интеллигенция и в первую очередь учителя. Деятельную помощь в осуществлении ликбеза оказал комсомол, многие представители которого в качестве «культармейцев» принимали непосредственное участие в обучении населения азам грамоты, небезуспешно пытались сочетать эту работу с пропагандистскими задачами.

Опираясь на широкую общественность, партийные и советские органы к концу 1950 года сумели в основном добиться ликвидации неграмотности и малограмотности в республике. Черненко с видимым удовлетворением называл мне такую цифру: после освобождения Молдавии от фашистской оккупации было обучено грамоте около девятисот тысяч человек.

Отдел пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии основательно занялся вопросами организации единой системы партийного просвещения как важнейшего звена в деле улучшения всей идеологической работы в республике. Создавалась и быстро росла разветвленная сеть политкружков и политшкол по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)», проблем текущей политики. Был разработан комплекс мер по переводу на молдавский язык и изданию произведений основоположников марксизма. Только за 1950–1952 годы было издано на молдавском языке 25 произведений В. И. Ленина общим тиражом 315 тысяч экземпляров.

Все годы работы на идеологическом поприще для Черненко главной, можно сказать, стержневой была идея о том, что вся пропаганда должна опираться на практический опыт хозяйственного строительства. Он был убежден, что главным мерилом эффективности идеологической работы являются конкретные результаты экономической деятельности, достижения в социалистическом строительстве.

Анализируя и систематизируя записи рассказов Черненко, перечитывая его выступления на страницах газет и журналов, я приходил к выводу, что и красноярский, и пензенский, и молдавский периоды работы Черненко на ниве агитпропа в основном схожи по своим формам, методам и стилю. Однако удивляться этому не приходится, поскольку агитационно-массовая и пропагандистская работа в сталинский период была целиком и полностью монополизирована руководящей партией и

отличалась жесткой централизацией, единообразием лозунгов и призывов, единомыслием и единодушием- Черненко в этой отлаженной пропагандистской машине не был каким-то особым, из ряда вон выходящим звеном. Он добросовестно, с большим рвением и преданностью работал на эту машину, был подчинен ей.

…В 1979 году Черненко посетил Молдавию. Приехал он сюда спустя двадцать с лишним лет после того, как покинул республику, на встречу с избирателями в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. В этой поездке я сопровождал Черненко и встречался с некоторыми его коллегами по работе в ЦК Компартии Молдавии в пятидесятые годы. Много хороших слов было сказано о Константине Устиновиче. Да и вряд ли кто мог сказать тогда что-либо другое — ведь Черненко в то время был уже в составе Политбюро. Вот отрывок из официального выступления с трибуны первого секретаря правления Союза писателей Молдавии Павла Боцу: «Партийной организацией Молдавии пройден славный путь, и сегодня мы видим: добрые семена, посеянные в те напряженные послевоенные годы, в то полное энтузиазма и дерзания время, приносят замечательные плоды. Когда Вы работали здесь, многоуважаемый Константин Устинович, Вы всегда с большим вниманием относились ко всему, чем жила республика, много сил и энергии отдавали закладке фундамента нынешних успехов нашего края. Особенно всех нас радует, что, работая в ЦК КПСС, Вы постоянно, живо интересуетесь делами в Молдавии и оказываете ей большую помощь в решении экономических и социально-культурных вопросов. На сегодняшней встрече я хотел бы подчеркнуть, что весь молдавский народ хорошо знает об этом и выражает Вам огромную признательность». Так-то вот говорили в то время писатели.

Среди деятелей литературы и искусства, усердно прославлявших в свое время партийных и государственных лидеров, Павел Боцу не был, увы, одинок. Иногда так и хочется напомнить некоторым писателям либерального толка о их пристрастиях в «застойное» время к совершенно иным идеалам и кумирам, олицетворявшим «тоталитарное государство». Вспоминается в этой связи проведенный в сентябре 1984 года юбилейный пленум правления Союза писателей СССР, посвященный пятидесятилетию со дня его создания. Совершенно больного генсека уговорили тогда выступить на этом собрании. Текст его речи, которая в печати получила название «Утверждать правду жизни, высокие идеалы социализма», не был дежурным или чисто пропагандистским. В нем, насколько было возможно,

довольно объективно отражалась обстановка в писательской среде, освещались некоторые проблемы, связанные со сложными процессами, происходившими среди творческой интеллигенции. Однако в целом это все же было выступление торжественно-юбилейного характера. Но как им восторгались многие именитые писатели и на самом пленуме, и после него.

Для воспроизведения всех славословий в адрес Черненко в связи с этой речью понадобилось бы немало страниц. Хочется привести в качестве примера хотя бы одно высказывание: «На общем собрании ленинградские писатели единодушно выразили свое глубокое удовлетворение речью К. У. Черненко на юбилейном пленуме Союза писателей в Москве. Речь эта знаменовала признание заслуг и роли литературы в строительстве социалистического общества. Но важно и то, что само содержание ее выдвигает интереснейшие и наиболее существенные проблемы литературного процесса, да и не только литературного, а и всего нашего искусства». Так говорил накануне перестройки один из известных тогда писателей на собрании актива ленинградской партийной организации. Многие из тех, кто превозносил Константина Устиновича подобным образом, после его смерти быстро «перестроились». Поначалу новым героем их сладких песен стал Горбачев, затем Ельцин…

Рассказывая о работе Черненко в Молдавии, нельзя обойти молчанием некоторые суждения, которые стали плодами воображения журналистов, имеющих об этом человеке и его жизни самое поверхностное представление. Впрочем, у нас уже давно вошло в моду подменять собственную некомпетентность, отсутствие информации разными домыслами. Авторы некоторых публикаций, например, без тени сомнения утверждают, что Молдавия для Черненко, уже зрелого к тому времени партийного руководителя, явилась своеобразным трамплином на пути к власти. И связывается это с именем Л. И. Брежнева, который всего-то два года проработал первым секретарем ЦК КП Молдавии.

Не обладая сколько-нибудь достоверными сведениями о их взаимоотношениях, недобросовестные журналисты совершенно безосновательно стремятся представить Черненко не иначе как фаворитом Брежнева, чуть ли не его личным другом, а следовательно, и выдвиженцем, едва ли не «преемником», как теперь говорят. Безусловно, дальнейшая судьба Константина Устиновича, в частности московский период его деятельности, так или иначе связана с именем Леонида Ильича. Но утверждение, будто его дальнейшее продвижение стало возможным только благодаря высочайшему покровительству и

личной дружбе, в корне неверно и наводит тень на плетень.

Надо иметь в виду, что до Молдавии Брежнев и Черненко никогда не встречались, а до прихода Брежнева на пост первого секретаря ЦК КП республики Черненко работал там уже более двух лет. И еще в течение четырех лет после ухода Брежнева продолжал работать в Молдавии в той же должности — заведующим отделом ЦК партии. Конечно, в ходе совместной работы Брежнев сумел оценить Черненко как работника опытного, делового, честного и надежного.

Мне очень понятно возмущение по поводу всевозможных измышлений относительно Константина Устиновича его вдовы Анны Дмитриевны. В августе 2007 года в беседе с одним из журналистов она еще раз напомнила, как «делал карьеру» ее муж:

«Он шаг за шагом прошел все ступеньки служебной лестницы. Пионер, комсомолец, зав. отделом райкома партии. Ушел в армию, в пограничные войска, где его избрали парторгом заставы. Вернулся — и опять на партийную работу. Так дошел до секретаря Красноярского обкома партии. Мне после его смерти было больно и обидно, когда я читала в прессе, что, дескать, это Брежнев "сделал" Черненко.

Да, одно время они вместе работали в ЦК партии в Молдавии, а позже именно Леонид Ильич порекомендовал Константина Устиновича в отдел пропаганды ЦК. Но это не фаворитизм, а нормальные рабочие отношения. Когда Леонид Ильич был генсеком, он звонил Константину Устиновичу даже в часы отдыха домой. Давал ему поручения, советовался».

Ну а что касается личных отношений… «В праздники, — вспоминала по этому поводу Анна Дмитриевна, — Брежнев любил собирать в одну компанию своих ближайших помощников. Тогда там бывали Андропов, Устинов, другие члены Политбюро. Это были короткие праздничные встречи, на час-полтора. А дальше мы разъезжались по домам и продолжали праздник».

Вот, собственно говоря, и все, что было между Брежневым и Черненко. Нам добавить больше нечего.

Совсем другое дело, что Брежневу нужны были люди, на которых можно было положиться. И Черненко оказался именно таким. Поэтому и взял на заметку его Брежнев, поэтому и не забывал о нем в Москве. Все последующие перемещения по службе в хронологическом порядке оказались синхронно связанными с передвижением самого Брежнева. Однако характер этих перемещений Черненко можно назвать скорее горизонтальным. Участки, на которые его ставили после Молдавии, нельзя считать сколько-нибудь привилегированными: приходилось заниматься рутинной, кропотливой и незаметной

работой. Правда, Черненко выполнял эту работу исключительно добросовестно, подавал личный пример окружающим и небольшому кругу подчиненных.

В сентябре 1956 года вместе с переводом Черненко из Молдавии в Москву завершился очередной период его биографии. Отныне Константин Устинович — заведующий сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. За плечами у него к этому времени был солидный, двадцатилетний, стаж и большой опыт массово-политической работы. Здесь, несомненно, сыграло свою роль то, что рекомендовал Черненко в ЦК Брежнев. Но о причинах, побудивших его это сделать, мы уже сказали. Кроме того, и без этого вмешательства Константина Ус-тиновича хорошо знало и ценило руководство отдела ЦК. Находились и люди, которые утверждали, что именно они перетянули Черненко в аппарат ЦК из Молдавии. У меня нет больших оснований вести споры на эту тему, тем более суть дела от этого не меняется.

Отдел пропаганды и агитации ЦК в то время был главным идеологическим центром КПСС, осуществлял руководство всей идейно-теоретической деятельностью не только партийных, но и государственных, общественных организаций, определял пути развития, формы и методы политико-воспитательной и агитационно-пропагандистской работы в стране. Сфера его деятельности, по сути, не имела ограничений, и можно без преувеличения сказать, что он являлся той фундаментальной опорой, без которой не могло обойтись высшее руководство партии. Авторитет отдела был велик и непререкаем. Но главное — здесь было у кого поучиться.

К моменту прихода Черненко в аппарат ЦК КПСС Отдел пропаганды и агитации возглавлял Федор Васильевич Константинов, член партии с 1918 года. Видный советский философ, крупнейший специалист в области теоретических проблем общественного развития, он имел за плечами большую научную школу: после войны работал в Институте философии АН СССР, был главным редактором журнала «Вопросы философии», возглавлял Академию общественных наук при ЦК КПСС. С 1953 года он является членом-корреспондентом, а позднее — академиком АН СССР. После работы в ЦК КПСС Константинов был утвержден главным редактором журнала «Коммунист», в шестидесятые годы работал директором Института философии АН СССР, был академиком-секретарем отделения философии и права АН СССР, в начале семидесятых — избран президентом Философского общества СССР.

В составе отдела было немало и других ученых-теоретиков, глубоко владеющих марксистско-ленинской теорией. Однако

практического опыта партийной работы у них не хватало. Стала очевидной необходимость укрепления отдела опытными партийцами с мест, «от земли». Вот тогда Черненко и оказался востребованным.

В сферу деятельности сектора агитационно-массовой работы отдела пропаганды и агитации Центрального комитета КПСС входило идеологическое обеспечение решений и директив партии по осуществлению конкретных политических и народно-хозяйственных задач социалистического строительства. Все это Константину Устиновичу было хорошо знакомо по всей его предшествующей работе в партийных органах Красноярского края, Пензенской области, Молдавии, где опыт он накопил, прямо скажем, колоссальный. Так что можно сказать, что пришел Черненко в аппарат ЦК не с пустыми руками, зрелым работником.

Следует обратить внимание на одну особенность: последние годы работы Черненко в Молдавии были связаны со значимыми событиями в жизни партии и страны, вызванными смертью Сталина. А переход Черненко в ЦК КПСС состоялся в год XX съезда партии, который буквально перевернул многие, казалось бы, устойчивые стереотипы в идеологической работе. Хрущев в своем докладе о культе личности задал определенный тон последующим обсуждениям в стране недостатков, провалов и преступлений сталинского периода. Его удар по Сталину был одновременно и ударом по великой советской империи — вероятно, единственно возможной форме существования страны с многонациональным населением и огромной территорией со сложнейшими климатическими условиями.

Этот удар незримо разделил страну на две части. Одна из них, большая, сочувствовала Сталину. Другую составили те, кто, по сути, занял нигилистическую позицию, позицию отрицания всего позитивного, что было в стране, и исподволь формировал среди населения недовольство социалистическим строем. Однако охотников до открытых выступлений с такими идеями тогда еще было мало: несмотря на хрущевскую оттепель, в памяти инакомыслящих были свежи формы и методы подавления оппозиционеров. Да и само понятие «оттепель» не очень вязалось с авторитарными методами работы Хрущева, с его памятными для деятелей литературы и искусства грубыми нравоучениями, с расстрелом в Новочеркасске, где повышение цен вызвало стихийный протест людей… Кроме того, за Сталина горой стояли простые люди, которые начинали сравнивать, что дал им вождь народов и что обещает Хрущев.

Сравнения были явно не в пользу последнего. Многочисленные волюнтаристские идеи и затеи Хрущева по

перестройке руководства народным хозяйством, по реформированию партийных органов не внушали особого доверия. Однако хочешь не хочешь они должны были быть в полной мере идеологически обеспечены, доведены до широких масс трудящихся и конечно же «целиком и полностью» одобрены низовыми партийными организациями. В этих целях создавалась большая армия партийных пропагандистов и агитаторов, к решению этих задач широко подключалась партийная печать. Пропагандистский аппарат страны, обеспечивая внедрение в жизнь очередных хрущевских новшеств, чаще всего ссылался на «ленинские нормы партийной жизни», на необходимость «ленинского подхода к делу», борьбы с косностью и рутиной в партийной работе.

Таким вот образом оправдывались и «теоретически» обосновывались многие шумные идеи и дела. Среди них — создание совнархозов, разделение партийных и советских органов на промышленные и сельскохозяйственные; упразднение сельских райкомов партии и ликвидация в районах МТС; повсеместное внедрение «царицы полей» кукурузы как основной сельскохозяйственной культуры; лозунг «Догоним и перегоним Америку!» и т. д. и т. п. Венцом реформаторской деятельности Никиты Сергеевича явилось торжественное обещание партии построить коммунизм в нашей стране за самые короткие сроки, чтобы в нем, в соответствии с принятой в 1961 году Программой партии, успело пожить «нынешнее поколение советских людей».

Встает вопрос: верили ли большинство партийных работников и коммунистов в реальность таких планов? Думается, что нет. И смею предположить, что именно в этом времени берет свои истоки так называемая «двойная мораль» работников партийных и советских органов: одна, если можно так сказать, официальная, для общения с народом, другая — для внутреннего пользования, скрытая от посторонних глаз.

Как показала жизнь, необдуманность и поспешность реформ конца пятидесятых — начала шестидесятых годов привели к их провалу. Но, тем не менее, до того, как хрущевские нововведения потерпели полный крах, они получали всестороннюю пропагандистскую поддержку. Интересно, что позднее возврат к прежним, испытанным методам руководства народным хозяйством проходил также под лозунгом «восстановления ленинских норм партийной жизни». После Брежнева этот девиз возьмет на вооружение Горбачев и начнет с этими словами разваливать социализм, о котором мечтал В. И. Ленин, чему он посвятил всю свою жизнь.

В общем, труженикам идеологического фронта хватало

работы всегда, и они, как правило, с энтузиазмом проводили политику партии, даже если она круто менялась и новые установки противоречили прежним, отвергали привычное старое. Черненко — не исключение, ему пришлось начинать работать в аппарате ЦК именно в таких условиях. Он — солдат партии, прежде всего исполнитель решений, которые рождаются в верхах, и, как и другие его соратники, неуклонно следует указаниям ЦК, является добросовестным организатором агитационно-пропагандистской работы по их выполнению.

Разумеется, многолетний опыт предшествующей работы не прошел даром, научил его понимать степень влияния такой, внешне благополучной, но далеко не безупречной массово-политической работы на истинное положение дел. И конечно же Черненко видел ее серьезные изъяны, негативные стороны и в меру своих сил и возможностей, ограниченных рамками должностных обязанностей, стремился внести свой посильный вклад в их преодоление. Особенно тревожно было наблюдать из года в год увеличивающийся разрыв между запросами людей, их интересами и тем, что предлагала им партия.

Видел и понимал это не он один. ЦК КПСС решил, наконец, что назрела необходимость дать взыскательную оценку издержкам и провалам в работе с массами и что будет правильным показать недостатки на этом важном направлении на примере деятельности какой-нибудь одной областной партийной организации. Так в марте 1959 года появилось постановление ЦК «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области» — документ, ставший, без преувеличения, заметной вехой в поиске эффективных методов и средств идеологического воздействия на население.

Черненко возглавил целую бригаду партийных работников, которая несколько месяцев готовила этот вопрос для обсуждения в ЦК. Материал получился основательным и глубоко критическим, а само постановление можно назвать разгромным. Одной из главных причин провала массово-политической работы в области был отрыв партийных, советских и хозяйственных руководителей от работы с трудовыми коллективами, формализм и бюрократический подход к живой пропагандистской работе, к повседневной связи с массами и конкретными людьми. Постановление ЦК затрагивало целый комплекс политических проблем, а его замечания и меры по устранению выявленных недостатков носили директивный характер, были обязательными для всех партийных комитетов страны.

В соответствии с постановлением была развернута новая программа организационно-пропагандистской работы,

подготовленная при непосредственном участии Черненко. Она была призвана обеспечить дифференцированный подход к массовой политической агитации с учетом характера производства, настроения и запросов людей, уровня их общеобразовательной и политической подготовки. Были намечены широкие меры по всему идеологическому фронту, определены конкретные задачи Министерству культуры, Государственному комитету по радиовещанию и телевидению, обществу «Знание», издательствам, средствам массовой информации.

Суровая критика уровня идеологической работы на примере Сталинской областной партийной организации имела серьезные последствия: руководство области было смещено, а сама область вскоре была переименована в Донецкую.

Отправным пунктом работы по выполнению постановления ЦК стало Всесоюзное совещание по вопросам массово-политической работы. Оно состоялось в октябре 1959 года, и в нем участвовали руководящие работники республиканских, краевых и областных парторганизаций, ответственные руководители центральных идеологических управлений, представители печати, радио и телевидения. С докладом на совещании выступила член Президиума ЦК КПСС Е. А. Фурцева.

Сам Черненко был глубоко удовлетворен и качеством, глубиной задач, выдвинутых в постановлении ЦК по Сталинской области, и работой по его претворению в жизнь, развернутой при его участии. Может быть, он впервые в жизни ощутил свой личный вклад в такое важное дело. Он тогда искренне верил, что принимаемые ЦК меры дадут ощутимые результаты, помогут в мобилизации трудящихся на выполнение намеченных планов экономического и социального развития страны. Тогда же в журнале ЦК КПСС «Агитатор» была опубликована большая статья Константина Устиновича на эту тему.

Безусловно, после успешной подготовки такого масштабного вопроса Черненко значительно увереннее почувствовал себя в ЦК и мог надеяться на дальнейший рост непосредственно в центральном аппарате партии.

Однако жизнь распорядилась по-своему.

Глава четвертая. Новый поворот

На «штабной» работе. Секретариат Президиума Верховного Совета СССР. Общий отдел ЦК КПСС. Слово о помощниках.

В мае 1960 года Леонид Ильич Брежнев был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР, сменив на этом посту престарелого маршала К. Е. Ворошилова. До этого Брежнев был секретарем ЦК и членом Президиума ЦК КПСС, курировал вопросы развития тяжелой промышленности, капитального строительства, оснащения Вооруженных сил новейшей техникой, развития космонавтики.

С его назначением в стране принципиально ничего не изменилось: вся полнота реальной власти принадлежала Хрущеву, а Леонид Ильич формально приобрел статут второго человека в государстве.

Заняв высшую государственную должность, Брежнев оставался членом Президиума ЦК КПСС, совмещая, таким образом, партийную и государственную работу. Напомним, что Президиум Верховного Совета СССР в промежуток между сессиями Верховного Совета выполнял функции верховного органа государственной власти в стране. Его указы по широкому кругу внутренней и международной жизни были обязательными для исполнения всеми советскими и административно-государственными органами на всей территории страны.

Конечно, КПСС как правящая партия играла ведущую роль в стране и оказывала определяющее влияние на деятельность Советов всех уровней, начиная от формирования депутатского корпуса, в том числе и состава палат Верховного Совета, и кончая содержанием принимаемых им постановлений, указов, законов. Представительство коммунистов в Советах всех уровней было обязательным, и, как правило, члены КПСС должны были составлять не менее половины депутатского корпуса.

На новом посту руководителя высшего органа государственной власти Брежнев сразу же ощутил масштабы и всю сложность задач по обеспечению успешной деятельности Верховного Совета. Для осуществления нормальной текущей работы ему нужен был хороший помощник — способный организатор, человек исполнительный и надежный, на кого бы можно было положиться. Здесь он и вспомнил о Черненко. За короткое время работы в ЦК Компартии Молдавии Леонид Ильич успел узнать его как человека твердых убеждений и высокой работоспособности, убедился в его порядочности и честности.

Уже спустя много лет в книге воспоминаний «Молдавская весна» Брежнев писал о Черненко: «Идеологическая работа партийной организации республики имела огромное значение для становления новой Молдавии. Здесь надо было проявить умение убеждать людей, находить правильные организационные формы, а главное, быть убежденным борцом, чутким к товарищам и требовательным к себе работником. В этой связи мне хотелось бы отметить, что всеми этими партийными качествами обладал заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Молдавии Константин Устинович Черненко. Молодой, энергичный коммунист, еще до работы в республике приобретший большой партийный опыт, он все силы отдавал порученному делу».

Да, именно такой человек был нужен теперь Брежневу, чтобы возглавить Секретариат Президиума Верховного Совета. Другое дело, что для самого Черненко это было совершенно неожиданное партийное поручение. Именно партийное, потому что резкие, подчас совершенно нелогичные перемены в судьбе человека, а значит, и в характере выполняемой им работы тогда объяснялись и оправдывались нередко только одним — партийным «надо».

Известно, что, узнав о своем перемещении, Константин Устинович поначалу не слишком обрадовался — дело новое, незнакомое и слишком хлопотное для человека, который всю жизнь занимался совершенно другой работой. Но отказать Леониду Ильичу он не мог, потому что слишком уважал его и ценил его мнения еще со времен совместной работы в Молдавии.

«Хозяйство» Секретариата Президиума Верховного Совета СССР, которое он принимал по предложению Брежнева, было весьма объемным, многопрофильным, с огромным оборотом документов и непосредственно связано с обеспечением деятельности депутатского корпуса. Верховный Совет в то время, как известно, состоял из двух палат — Совета Союза и Совета национальностей, в которых работали полторы тысячи депутатов, по 750 человек в каждой палате. И в каждой из палат было до десяти и более постоянных комиссий. Некоторые из них, такие как мандатная, планово-бюджетная, по делам молодежи, по международным делам, по законодательным предложениям, — были как бы традиционными, создавались в обязательном порядке. Другие образовывались, как правило, по ведущим отраслям народного хозяйства — по промышленности, энергетике, строительству и стройматериалам, экологии, агропромышленному комплексу, а также по экономике, науке и технике. Кроме того, действовали комиссии по культуре, социальному обеспечению, вопросам материнства и детства и др.

Конечно, и прежняя работа Черненко была так или иначе

связана с деятельностью депутатского корпуса разных уровней, от районного до республиканского. Особенно активно массово-политическая работа, которую он курировал, проводилась в периоды выборных кампаний, когда развертывалась агитация за выдвинутых кандидатов в депутаты, шли предвыборные собрания трудящихся. И конечно же большая нагрузка падала на идеологических работников во время непосредственного проведения выборов. Но всё это носило эпизодический характер.

Теперь же Черненко предстояло обеспечивать бесперебойную работу огромной махины под названием «Верховный Совет СССР». Что же из себя представлял его депутатский корпус? Для примера я могу привести данные о качественном составе депутатов обеих палат Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, поскольку тогда, в 1984 году, я был избран депутатом Совета национальностей по Салаватскому избирательному округу Башкирской ССР Прежде всего отметим, что так называемая «партийная прослойка» среди депутатов Верховного Совета СССР была внушительной — 71,5 процента (1072 депутата) были коммунистами, 28,5 процента (428 депутатов) — беспартийными. Депутатами избрано 428 женщин, что составляло 32,8 процента. Более половины (51,3 процента) состава депутатского корпуса — рабочие и колхозники. Кстати, партийных работников среди депутатов было всего 16 процентов. Депутатами высшего органа государственной власти были избраны представители 63 национальностей. 52,6 процента депутатов имели высшее образование, 43 процента — среднее. В числе депутатов было 30 Героев Советского Союза, 253 Героя Социалистического Труда, 1202 награжденных орденами и медалями СССР. Без преувеличения можно сказать, что это был цвет многонационального Советского государства.

Подбор кандидатов в депутаты, их обсуждение в трудовых коллективах проводились под руководством партийных органов на местах и под контролем ЦК партии. Выборы в избирательных округах проходили безальтернативно. Такая избирательная система всегда резко критиковалась Западом — считалось, что она недемократична, нарушает права и волеизъявление граждан. Но это была наша, советская система, и депутатский корпус всех уровней в своей основе делал большое и полезное дело, разрабатывая и утверждая законы и выполняя наказы избирателей. И, как правило, все депутаты честно и добросовестно выполняли свои обязанности.

При всех своих недостатках советская система власти по своей глубинной сути — это власть народа, власть трудящихся, и в этом заключалось ее принципиальное отличие от западного

парламентаризма, обслуживающего интересы буржуазии. Со времен Великой Октябрьской социалистической революции Советы стояли на защите коренных чаяний рабочих и крестьян, народной интеллигенции. В 1936 году в принятой Конституции СССР были закреплены завоеванные ими под руководством большевиков невиданные ранее социальные права.

Люди, развернувшие в СССР в конце восьмидесятых годов открытую борьбу за реставрацию капиталистических порядков, отлично понимали, что дала советская власть народу. Поэтому и противостояние в сентябре — октябре 1993 года между защитниками Дома Советов, ставшим для миллионов людей символом народовластия, и ельцинистами было таким непримиримым и вылилось в кровавое столкновение. Одни ценой своих жизней пытались защитить власть Советов, другие готовы были любой ценой ее уничтожить. Или, как того требовали вошедшие в раж некоторые либеральные интеллигенты, — «раздавить гадину».

…Депутаты обеих палат Верховного Совета СССР работали не на постоянной основе. Дважды в год они участвовали в сессиях Верховного Совета, периодически собирались для законотворческой деятельности в комиссиях, отчитывались перед избирателями, осуществляли в округах прием граждан по личным вопросам. Все остальное время они трудились на своих основных рабочих местах, выполняли свои профессиональные обязанности. Естественно, что все организационно-техническое обеспечение деятельности депутатов ложилось на аппарат Президиума Верховного Совета, на его Секретариат, который возглавил Черненко.

Секретариат Президиума Верховного Совета и его отделы — по вопросам работы Советов, юридический, помилования, международных связей, организационный, опубликования законов, — а также канцелярия и другие структурные подразделения должны были действовать слаженно и в едином ритме. Помимо обеспечения текущей работы депутатского корпуса они организовывали подготовку к проведению очередных сессий Верховного Совета, заседаний Президиума, работу постоянных комиссий, рассматривали огромное количество писем и жалоб граждан, осуществляли прием по личным вопросам. Константину Устиновичу, для того чтобы освоить это огромное хозяйство, вникнуть во все его детали, приходилось ежедневно работать не менее 12 часов. При этом надо было заниматься и многочисленными, порой рутинными, но обязательными процедурами.

Несмотря на необъятный круг забот, он сумел многое сделать

для создания в коллективе сотрудников Секретариата атмосферы доброжелательности и в то же время — высокой требовательности, четкой исполнительской дисциплины. Принципиально важно отметить, что Черненко стоял у истоков создания и внедрения эффективной системы контроля за исполнением принимаемых решений и поручений, прохождением документов. Опыт работы на этом важнейшем участке деятельности он позднее будет активно внедрять в Общем отделе ЦК КПСС.

Вспоминая четыре года работы начальником Секретариата Верховного Совета, Константин Устинович с удовлетворением говорил, что эта работа стала для него хорошей практикой, «доброй стажировкой» перед его возвращением в аппарат ЦК уже в новом качестве.

Произошло это вскоре после освобождения Н. С. Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и избрания на этот пост Л. И. Брежнева. Хорошо помню, что народ воспринял решения октябрьского (1964 года) пленума ЦК партии с неподдельным одобрением и облегчением. Люди слишком устали от реформаторского зуда Хрущева, от которого страдала страна, и надеялись, что в лице нового руководителя партии они обретут, наконец, здравомыслящего хозяина, способного использовать огромный созидательный потенциал Советского государства.

Поначалу их надежды вполне оправдывались. Леонид Ильич сразу же снискал уважение к себе своей простотой, доступностью, искренним стремлением установить в Центральном комитете партии коллективный стиль руководства. Свою позицию он четко высказал на одном из совещаний, определяя задачи средств массовой информации: «Хватит с нас культов. Надо показывать коллективный разум партии». Все решения в Президиуме ЦК КПСС теперь принимались только после всестороннего обсуждения, причем право высказаться получали все присутствовавшие на его заседаниях. Брежнев умел прислушиваться к чужим мнениям и учитывать их в работе.

Но дело было не только в изменении стиля партийного руководства. Во главе с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным разворачивалась широкая работа по внедрению в экономику страны новой системы хозяйствования — хозрасчета. По сути дела, речь шла о частичном переводе социалистического производства на рельсы рыночных отношений. Наметились серьезные переломы в развитии отечественной науки. В 1965 году президент Академии наук СССР М. В. Келдыш осудил псевдонаучные концепции «лысенковщины», отрицавшей генетику. Отечественная генетика была реабилитирована, а в

действительных членах академии был посмертно восстановлен Н. И. Вавилов.

Казалось, что ломка устоявшихся партийных и хозяйственных стереотипов — «всерьез и надолго». Например, тема хозрасчета вошла отдельным разделом в политэкономию социализма, и ее изучали во всех вузах страны. Но… всё постепенно возвращалось в исходное положение.

Говорят, когда со временем Брежнев прочувствовал, что такое власть, познал упоение властью, он стал совсем другим человеком. Не берусь утверждать, так ли это было на самом деле, и если такое случилось в действительности, то значительно позже. Все считают себя способными пройти через «медные трубы», но далеко не у всех это получается.

…Новый первый секретарь ЦК не раздумывая предложил проверенному на конкретных делах Черненко высокий пост в центральном партийном аппарате. Так Константин Устинович стал заведующим Общим отделом ЦК КПСС. Ему тогда уже шел 54-й год, возраст, прямо скажем, не очень подходящий для карьерного роста в аппарате ЦК. Но, как покажет будущее, годы для него не стали помехой для уверенного продвижения по самым высоким ступеням в ЦК КПСС.

Девять лет работы Черненко заведующим сектором отдела пропаганды и агитации ЦК и особенно руководителем Секретариата Президиума Верховного Совета СССР стали для него хорошей аппаратной школой, помогли ему выработать свой взгляд на деятельность органов управления, партийного и государственного аппарата, свое к ним отношение. Порученный ему в ЦК Общий отдел — это то структурное подразделение *аппарата,* в котором не просто готовятся те или иные решения. В силу сложной «бюрократически-бумажной» специфики этого отдела он дает возможность управлять процессом *влияния* на решение важнейших государственных вопросов — политических, социальных, внешнеполитических. Причем от эффективности этого влияния, чаще всего совершенно незаметного для окружающих, зависит степень благополучия самого аппарата, условия его существования. Но такую возможность, которую предоставляет Общий отдел, надо еще уметь использовать.

Без преувеличения можно сказать, что в новой должности Черненко обрел свое призвание. Здесь он и получает от своих сослуживцев лестный и почетный титул «хранителя партии», превращает отдел из своего рода партийной канцелярии в средство управления аппаратом ЦК КПСС. Многие сначала ошибочно воспринимали его как простого помощника Брежнева, нужного ему для работы с неизбежным бумажным водоворотом. А

он стал играть самостоятельную роль в системе власти, сделал свой отдел важным *инструментом власти.*

Однако не стоит пытаться рассмотреть за этим какую-либо корысть или желание сыграть какую-то особую роль, обратить на себя внимание, выдвинуться. Наоборот, Константин Устинович всегда держал себя скромно и избегал чрезмерного внимания окружающих.

Он действовал по убеждению, поступал всегда так, как и подобало коммунисту, как подсказывала ему совесть. Ведь весь его предшествующий жизненный путь — это биография настоящего партийца, в которой отразились судьбы тысяч таких же честных коммунистов, закаленных нелегкими испытаниями жестоких тридцатых, суровых сороковых, переломных пятидесятых годов. Тогда практически исключалось, чтобы в ряды руководящих партийных кадров попадали люди случайные, карьеристы, выскочки. Это в основном были неутомимые труженики, обладающие обостренным чувством долга, сознающие свою высокую ответственность перед народом, фанатично преданные своему делу. Люди им верили, уважали их за беззаветную верность социалистическим идеалам, бескорыстие и патриотизм.

Такой насыщенной биографией партийного организатора-профессионала, какая была у Черненко, мало кто мог похвастаться. К сожалению, многим руководителям самого высокого ранга порой не доводилось повариться как следует в партийном «котле». Иные слишком гладко двигались наверх по «элитным» партийным должностям, шагая со ступеньки на ступеньку — не замечая, чем живет простой народ, не зная его главных забот и ожиданий. Может быть, и в этом заключается один из ответов на вопрос, почему после Андропова генсеком стал Черненко, а не Горбачев?

Леонид Ильич Брежнев, вручая Черненко вторую «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда 24 сентября 1981 года, обратился к награжденному с такими словами: «Все мы хорошо знаем твою чуткость и организованность, беспредельную самоотверженность в работе. Человек ты, конечно, беспокойный, но это хорошее беспокойство, когда постоянно думаешь, как можно сделать больше и лучше для страны, для трудящихся. Таким и должен быть коммунист». Обычно по таким случаям произносились шаблонные, «дежурные» речи. Но в этих словах точно отражены характерные черты, свойственные именно Константину Устиновичу.

Так что же особого сделал Черненко, чтобы получить такую оценку генсека Брежнева и уникальное звание «хранителя

партии»?

Ко времени его прихода в Общий отдел ЦК во всех сферах экономической, общественно-политической жизни страны проявлялась безграничная власть аппарата ЦК КПСС. Год от года партийные комитеты в центре и на местах, подменяя органы советской власти, государственные учреждения, взваливали на себя основное бремя управления всем народнохозяйственным комплексом страны. Превратно, слишком прямолинейно истолковывая известное ленинское положение о том, что «экономика есть главная политика», они год от года всё глубже вязли в функциях непосредственного руководства экономическим развитием. Исходящие из ЦК постоянные напоминания о необходимости усиления политической роли партии в экономической жизни страны оборачивались мелочной опекой предприятий и объединений, вплоть до повседневного решения оперативных, текущих вопросов, связанных с материально-техническим снабжением, транспортными перевозками, «выбиванием» фондов и тому подобными делами.

У хозяйственных руководителей вошло в привычку, что без ЦК, его отраслевых отделов не решался ни один, даже, казалось бы, самый незначительный вопрос. Под неослабным контролем партии находилась работа с кадрами, номенклатура которых в ЦК по каждому министерству или ведомству всё более разрасталась. В адрес ЦК КПСС, минуя другие компетентные советские и хозяйственные органы, поступали тысячи писем, просьб, предложений. Огромное их количество рассматривалось Секретариатом и Политбюро ЦК.

Известно, что работа аппарата — это прежде всего работа с документами. В безмерном потоке бумаг, который в то время буквально захлестывал аппарат ЦК, можно было безнадежно потеряться. А бумажный вал рос не по дням, а по часам. Требовалось разработать достаточно четкую и эффективную систему подготовки, прохождения и контроля исполнения документов. Черненко приступил к этой работе с присущими ему деловитостью и настойчивостью.

Цель на первый взгляд была предельно проста: сделать так, чтобы руководство ЦК КПСС могло в любое время, по самому приблизительному признаку получить оперативную и исчерпывающую информацию о судьбе документов, поступивших в ЦК, постановлений пленумов, решений, принятых на заседаниях Политбюро и Секретариата. Такая система была разработана и внедрена в центральном партийном аппарате в предельно сжатые сроки. Центр этой системы, главный ее пульт находился в Общем отделе ЦК.

Надо сказать, что к тому времени аналогичные системы уже действовали во многих центральных ведомствах — Госплане, Госснабе, Госкомстате, во многих организациях оборонной промышленности. Но аппарат ЦК упорно работал по старинке. Константину Устиновичу стоило немало усилий преодолеть консервативную психологию. В процессе работы с документами постепенно вводились элементы механизации и автоматизации учета и контроля, новые средства оперативной полиграфии, микрофильмирование.

Не имея инженерно-технической подготовки, Черненко, тем не менее, постоянно интересовался малейшей возможностью использования технических средств в работе аппарата ЦК партии. Именно по его инициативе в Общем отделе ЦК была создана электронная система обработки информации, вычислительный центр. Все документы, все постановления были занесены в компьютеры. Черненко этим гордился. Любой документ после этого можно было найти за считаные минуты. Кроме того, была сформирована база данных по кадровому составу — на всю номенклатуру ЦК.

Была создана подземная пневмопочта между Кремлем, где проходили заседания Политбюро, и зданиями ЦК на Старой площади. Она позволила осуществлять оперативный обмен необходимыми документами. За создание такой связи Черненко и целая группа работников, осуществивших это оригинальное решение, были удостоены Государственной премии.

Все новшества, вводимые Черненко в аппарате ЦК и Общем отделе, в конечном итоге преследовали одну цель — выработать наивысшую оперативность и четкость в аппаратной работе. По свидетельству многих бывших партийных работников, с приходом Черненко заметно усилился спрос за соблюдение исполнительской дисциплины с работников аппарата ЦК.

Был отработан и отшлифован до мелочей регламент подготовки и проведения заседаний Секретариата и Политбюро. По предложению Черненко, поддержанному Брежневым, на заседаниях Политбюро стали рассматриваться итоги работы Центрального комитета, Политбюро, Секретариата и аппарата ЦК за истекший год. К каждому такому рассмотрению готовился обширный материал, в котором отражались основные направления деятельности руководящих органов партии. Анализировались и обобщались характер рассмотренных на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК вопросов, эффективность мер, предпринятых по линии аппарата ЦК, Совмина СССР и отраслевых ведомств по вопросам экономики. Отдельной строкой обсуждения стало выполнение планов работы

Политбюро и Секретариата ЦК. Рассматривались результаты командировок, состояние контроля за выполнением принимаемых решений, меры, предпринятые по письмам и жалобам граждан.

Это был своеобразный отчет ЦК о проделанной работе за год. Он всегда с большим вниманием и заинтересованностью обсуждался на заседаниях Политбюро, а затем рассылался на места. По примеру ЦК обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик ввели такую же форму внутрипартийной информации, считали ее эффективной и действенной.

По инициативе Черненко осуществлялись меры, направленные на повышение уровня работы с документами в местных партийных комитетах. По примеру ЦК в них были разработаны и утверждены регламент работы бюро и секретариатов, жесткий порядок контроля и проверки исполнения.

Но особой заслугой Константина Устиновича стало коренное изменение работы с письмами и заявлениями граждан, качественное улучшение организации приема населения по личным вопросам в партийных и советских органах. Каждый человек, независимо от своего положения, был уверен, что любое его обращение в местные или центральные инстанции не останется без ответа. Если вопросы, поднятые в заявлениях трудящихся, их просьбы требовали больше времени, чем было установлено соответствующим, довольно жестким регламентом, полагалось в обязательном порядке дать заявителям «промежуточный» ответ о том, какие меры предприняты по их обращениям и что предполагается сделать в ближайшее время.

Не понаслышке Черненко знал характер работы на местах и поэтому хорошо представлял разницу между тем, какой она выглядит из окон ЦК, и реальной жизнью в низовых звеньях партии. Наверное, поэтому у него вошло в привычку держать руку на пульсе областных, городских и районных парторганизаций. В Общем отделе ЦК был даже создан специальный сектор по осуществлению связей с местными партийными органами, и он очень внимательно следил за его работой. Систематически, раз в два года, в ЦК проводились всесоюзные совещания заведующих общими отделами партийных комитетов. В их работе не раз принимал участие Брежнев, который выступал с большими речами. Это, безусловно, поднимало престиж Общего отдела и в первую очередь его заведующего.

Несмотря на специфический характер работы Общего отдела ЦК, зависимость основного состава его работников от бумажного конвейера, Черненко поощрял командировки работников на места, живо интересовался их впечатлениями от поездок. И своих

помощников он тоже не стремился «приковывать» к себе, давал им возможность ездить в командировки, как он говорил, «проветриться, подышать свежим райкомов-ским воздухом». Я с удовлетворением вспоминаю такие поездки по его поручению в ЦК компартий Грузии и Молдавии, в Ленинградскую, Воронежскую, Тульскую областные парторганизации, в другие регионы страны

Нововведения Черненко хоть и были связаны в основном с бумажным водоворотом, нельзя назвать формально-бюрократическими. Они не были оторванными от жизни, скорее наоборот, сама жизнь диктовала необходимость их осуществления. Они упорядочивали работу всей партийно-государственной машины, повышали ее эффективность, не позволяли ей крутиться вхолостую. Все это, безусловно, положительно сказывалось на работе и центрального аппарата, и местных партийных органов. Можно сказать, что *стиль* партийной работы при Черненко начинал идти в ногу со временем. Вот только отставало, к сожалению, ее содержание.

Кабинет Черненко на Старой площади в последние годы жизни Брежнева стал настоящим штабом ЦК. Сюда приходили секретари ЦК, члены Политбюро, чтобы решить оперативные, не требующие отлагательств вопросы. Министры, руководители отделов ЦК, заместители председателя Совета министров обращались к Черненко за помощью по крупным межведомственным вопросам, докладывали о ходе подготовки вопросов к заседаниям Секретариата или Политбюро.

Без лишней суеты, спокойно, порой, казалось, даже флегматично, он давал распоряжения, советы, сводил друг с другом исполнителей, иногда, что бывало крайне редко, жестко требовал Но во всех случаях дело двигалось в нужном направлении. Недаром в руководящих кругах ходило негласное правило: чтобы дело двигалось наверняка, пробейся к Черненко И шли на прием к нему, «пробивались» к руководителю Общего отдела и добивались с его помощью принятия решении.

Это же в своих воспоминаниях подтверждает и бывший крупный партийный и государственный деятель В. И. Воротников (Кого хранит память / Константин Установил Черненко. М.: ИТРК, 2007). «С годами, — пишет он, — К. У. Черненко приобретал все большее влияние в "коридорах власти". Где-то с 1972 года в ЦК все больше складывалось мнение: если хочешь решить какую-либо серьезную проблему, надо заручиться поддержкой К. У. Черненко.

Он настойчиво повышал роль общих отделов в обкомах. В 1973 году прошло большое трехдневное совещание заведующих

общими отделами ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС. На совещании выступил Л. И. Брежнев. Говорилось о большой роли общих отделов, о том, что от них зависит четкость работы партаппарата, качество подготовки вопросов на бюро и секретариат. Контроль за делопроизводством — это не только форма, но необходимая мера, обеспечивающая своевременное использование партийных решений».

Довольно точно передает Воротников атмосферу, которая окружала Черненко: «Я работал в это время в Воронеже. Раза два-три, бывая в ЦК, заходил по каким-то вопросам к К. У. Черненко. Принимал он вежливо, но сдержанно, как-то даже безразлично. Правда, все вопросы решал. Столы в его кабинете всегда были завалены бумагами. Столбом стоял сигаретный дым, он курил беспрерывно, а на столе — неизменный стакан крепкого чая».

Воротников подчеркивает необъяснимое с первого взгляда влияние Черненко на решение важнейших государственных вопросов, твердость его обещаний, четкость и исполнительность. И иллюстрирует это одним ярким примером:

«В 1974 г. я лишний раз убедился в том, каково место К. У. Черненко в аппарате ЦК. Тогда активно обсуждались проблемы совершенствования структуры управления в сельхозорганах. Было много претензий к сельхозтехнике. У нас в Воронеже возникла идея передачи снабженческих функций из Сельхозтехники в Госснаб, организации там Сельхозснаба. Кроме того, были разработаны предложения об углубленной производственной специализации и реорганизации сельхозорганов в Центре и на местах. Упор делался на повышение самостоятельности районного и областного звеньев, передаче им функций Центра.

Я подготовил соответствующую записку, расчеты, схемы и привез эти материалы к Ф. Д. Кулакову. Он внимательно все прочел, задал много вопросов. Предложения ему понравились. Я говорю: "Хорошо, Федор Давыдович, тогда доложите об этом Л. И. Брежневу". Он задумался: "Нет, так не выйдет".

Снял телефонную трубку, позвонил К. У. Черненко и стал объяснять ему, что-де в Воронеже подготовили интересные предложения, разработали схему управления сельскохозяйственным комплексом. "Надо с ними познакомить Л. И. Брежнева, а лучше, если б Леонид Ильич принял Воротникова". Что ответил К. У. Черненко, я не знаю. "Давай, — говорит Кулаков, — иди к Черненко, тот все устроит". Я удивился. Секретарь ЦК, член Политбюро звонит заведующему отделом и просит! Почему бы ему самому не позвонить, не зайти к Л. И. Брежневу и все объяснить?

Поднялся на 6-й этаж к К. У. Черненко, передал материал.

Тот не стал ничего смотреть. "Оставь, я все сделаю". Действительно, прошло несколько дней, и меня вызвали к Л. И. Брежневу. Материалы у него. Я рассказал о наших предложениях. Брежнев начал читать документы, но вскоре отвлекся от текста, заговорил о текущих делах. Вспомнил, что раньше был так называемый ГУТАП (Главное управление тракторно-автомобильной промышленности. — *В. П.*), который занимался снабжением сельского хозяйства техникой. И дела тогда шли хорошо.

Мои материалы были разосланы по Политбюро с положительной резолюцией Л. И. Брежнева…»

Когда-то считалось, что главная функция Общего отдела — это исключительно обслуживание высших органов партии и других отделов Центрального комитета. Никто при этом и не думал, что роль отдела выйдет за привычные рамки «партийной канцелярии». Черненко, упорядочивая текущую работу, добился того, что практически *все документы* проходили через его отдел. При такой постановке дел от него зависело очень многое. Он мог привлечь внимание генерального секретаря к тем или иным вопросам. Или, наоборот, освободить его от решения проблем, которые, по мнению Черненко, не носили принципиального характера.

Даже материалы КГБ шли через заведующего Общим отделом. Только в исключительных случаях председатель КГБ докладывал лично генсеку. Но Андропов появлялся в кабинете Брежнева, может быть, раз в неделю, а Черненко — каждый день и не один раз. Черненко сам докладывал Леониду Ильичу о всех важнейших документах, поступавших в Центральный комитет, сопровождал их своими комментариями и рекомендациями.

Присутствие рядом Черненко избавляло Брежнева от черновой работы. Тот все помнил, все знал, всегда был готов исполнить любое указание. Между ними установились весьма доверительные отношения, и Леонид Ильич часто поручал Константину Устиновичу дела самого деликатного свойства, с которыми он не обратился бы ни к кому другому.

Брежнев доверял Черненко полностью и безоговорочно. Поэтому он и возлагал на него решение многих, самых сложных вопросов, особенно после того, как здоровье его резко пошатнулось и, по совету врачей, ему пришлось заметно ограничить себя в работе.

В последние годы, когда Брежнев чувствовал себя совсем больным, Черненко стал ему особенно нужен. Как мне помнится, Брежнев ко всем членам Политбюро обращался по имени-отчеству и лишь Черненко называл Костей. Я чувствовал, что

тому это не нравилось, но генсек есть генсек. «Ты, Костя, погляди, — мог сказать Брежнев, — ну во что ты меня втягиваешь? Ты сам с ним поговори». «Костя», как правило, все делал, все улаживал, проявляя при этом терпение и покладистость.

* * *

В течение девяти лет мне пришлось исполнять нелегкие, порой весьма непривычные, а то и вовсе странные обязанности помощника Черненко — и в то время, когда он был просто секретарем ЦК КПСС, и когда стал генсеком. Постоянное общение с людьми, выполняющими те же функции, что выпали и на мою долю, дало мне возможность составить довольно полное представление об этой интересной категории партийных работников — особой и своеобразной, в какой-то мере позволило изучить их психологию. Когда-то давно сама по себе должность помощника какого-либо крупного руководителя предусматривала в первую очередь техническую работу. Но такие времена давно ушли в прошлое. К тому периоду, который я описываю, их деятельность приобрела действительно *особый* характер — и в силу их приближенности к высокому руководству, недоступному простым смертным, и в силу содержания выполняемой ими работы.

Я не случайно останавливаю внимание читателя на их работе, потому что институт помощников генерального секретаря, членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС имел, как показывала практика, огромное влияние на руководителей партии, а зачастую и «делал» политику КПСС. Я вполне допускаю, что у меня могли сложиться о моих коллегах довольно субъективные суждения. Но все они основаны на моих личных наблюдениях и выводах.

Как показывала многолетняя история формирования верхних эшелонов власти, состав команды партийного или государственного лидера, как правило, не ограничивался официальными должностными лицами — людьми, облеченными его доверием и занимающим на вершине властной пирамиды ключевые посты. В эту команду всегда входила сравнительно небольшая группа людей, способных подсказать и разработать ту или иную идею, четко оформить мысли и предложения руководителя, облечь их в удобоваримые формы, будь то текст доклада, публичного выступления или интервью для газеты.

На первый взгляд их права были довольно ограниченными,

находились они в «тени» своих высоких руководителей и на «свет» старались не показываться. Но они были незаменимы, без них редко принималось какое-либо значимое решение, особенно если оно требовало теоретического обоснования То, что у людей несведущих вызывало нередко ироничную или язвительную реакцию, сомнения в способностях первых лиц делать самостоятельно что-либо серьезное, на самом деле было очень важной и неотъемлемой частью политической «кухни» высшего руководства партии и государства. Каким бы способным и талантливым ни был лидер, он физически не в состоянии обойтись без аналитиков, квалифицированных специалистов в экономике и общественных науках, способных верно оценить внутренние и внешнеполитические проблемы.

Такие помощники необходимы для анализа наиболее важных сведений, составления справок, сравнительных статистических данных, для аккумулирования всевозможных материалов, дающих руководителю возможность находиться в курсе всех текущих событий, способность видеть завтрашний день. И конечно же их первоочередная обязанность — подготовка проектов речей, докладов, выступлений. Совершенно немыслимо себе представить, что, скажем, все свои выступления от начала и до конца какой-нибудь лидер возьмется формулировать и оттачивать сам — времени, требуемого для этого, у него просто нет. Будь он даже человеком гениальным, семи пядей во лбу, он не может, да и не имеет права, обойтись без группы высокоинтеллектуальных людей, специалистов своего дела. Но за ним — окончательное слово, он обладает незыблемым правом принять или отвергнуть те или иные постулаты, выводы, формулировки. Важно только одно условие: по своему уровню мышления настоящий руководитель не может быть ниже своих помощников.

Несомненно, что в правильном подборе помощников, в грамотном укомплектовании аппарата — важная предпосылка успеха любого лидера. Роль помощников генерального секретаря ЦК партии невероятно возросла при Брежневе. При этом было заметно, что они осознавали свою близость к высокому руководству и не прочь были при случае дать понять это другим, знали своему положению цену. Некоторые из них в силу своих больших амбиций и честолюбия с помощью различных, отработанных в аппарате, приемов в умении преподнести руководству свою значимость достигли настоящего искусства. Они знали, каким образом можно незаметно обернуть в свою пользу поток поступающей и обработанной ими информации, чтобы в конечном итоге генсек искренне поверил в недюжинные

способности своих помощников, оригинальность их мышления, неиссякаемость их прогрессивных идей, организаторские способности и похвальное трудолюбие. Другими словами, они обладали всеми качествами, необходимыми для быстрого карьерного продвижения. А безграничное доверие со стороны главного руководителя, свобода и бесконтрольность в действиях порождали у отдельных помощников явно завышенное мнение о своих собственных достоинствах. Что, впрочем, не мешало им идти по партийной лестнице уверенной и размашистой походкой. Но это, как говорится, издержки профессии.

У многих работников аппарата ЦК того времени своеобразным эталоном надежного помощника высшего партийного руководителя еще со сталинских времен оставался А. Н. Поскребышев. По отзывам старейших работников Общего отдела ЦК, этот помощник И. В. Сталина был человеком-машиной, безотказно действовавшей днем и ночью. Он никогда не отягощал себя пухлыми папками с бесчисленными сводками, или, по крайней мере, как утверждали очевидцы, с собой их не носил. В своем маленьком блокноте он не делал записей — вносил в него только какие-то короткие пометки. На вызов «самого» Поскребышев входил к нему не с папкой, а с «корочкой», в которую был вложен один-единственный, но нужный именно в эту минуту документ.

Подавляющее большинство поручений «самого» по широкому кругу вопросов партийной, государственной, военной, экономической, социально-культурной, международной и иной деятельности он запоминал и контролировал по памяти. У него в голове умещалось колоссальное количество данных, цифр, показателей, фамилий партийных, советских, хозяйственных работников. Его личная дисциплина, его четкость, исполнительность, работоспособность поражали даже в то время, когда формы и методы, да и режим партийной и государственной работы были своеобразными — если и не военными, то максимально приближенными к чрезвычайным условиям.

Одно время в кулуарах ЦК КПСС ходили упорные слухи о том, что Поскребышев якобы написал мемуары о периоде его работы со Сталиным и они где-то хранятся. Я как-то спросил об этом у Черненко. Однако, по его твердому убеждению (он сам это подчеркнул), никаких воспоминаний Поскребышев не писал, дневников не вел и не мог вести как в силу особенностей своего характера, так и специфики работы у «самого». По крайней мере, после смерти Поскребышева каких-либо его воспоминаний или дневниковых записей не было обнаружено.

Рост влияния помощников генерального секретаря ЦК на

Брежнева и партийный аппарат, их поведение, демонстрирующее собственную исключительность, были связаны, конечно, с личностью генсека, который не мог буквально шага сделать самостоятельно. Все переговоры, встречи, беседы с зарубежными деятелями проходили при обязательном участии помощников. Все поездки внутри страны и за рубеж были немыслимы без их участия.

Ну и, конечно, святая обязанность помощников — подготовка выступлений. Как правило, сами они имели неограниченные возможности привлекать к их написанию широкий круг авторов любых рангов и должностей: известных ученых, редакторов центральных газет и журналов, крупных специалистов, военных, работников аппарата ЦК.

В качестве тех, кто делал первичные заготовки, приглашались молодые, способные журналисты или работники аппарата, владеющие пером. Затем работали именитые ученые и редакторы, которые, «причесав» свежие, порой небезынтересные мысли и оригинальные концепции малоизвестных создателей, представляли их уже в качестве своего, в муках выпестованного детища тому помощнику генсека, который возглавлял бригаду по написанию той или иной будущей речи или статьи. К написанию объемных работ и книг, регулярный выпуск которых при Брежневе стал как бы неотъемлемой и обязательной частью деятельности генсека, привлекались и крупные писатели. Например, при их непосредственном участии готовилась трилогия «Малая Земля», «Возрождение», «Целина».

Так в общих чертах выглядела технология этого немаловажного дела, которое являлось одним из наиболее ответственных участков работы помощников генсека. Каждый из них за долгие годы работы обрастал своим, практически постоянным составом «писателей». На многие недели, а то и месяцы они отвлекались от основной работы, вывозились в загородные резиденции, напоминавшие санатории высокого класса, и там корпели над своими разделами доклада или статьи. При этих бригадах постоянно работала группа машинисток.

С годами статус помощников генерального секретаря — этой, повторюсь, внешне, в общем-то, должности невысокого ранга — возрос до такого уровня, что они стали избираться депутатами Верховных Советов СССР и РСФСР, входить в состав руководящих органов партии, пользоваться льготами и привилегиями руководителей высшего эшелона. Например, автомобилями «Чайка» обслуживались в ЦК только заведующие отделами и помощники генсека. Нередко помощники оказывались и в списке лауреатов Государственной премии.

Так, со временем этого звания были удостоены все помощники Брежнева, а А. М. Александров-Агентов получил к тому же и Ленинскую премию — за участие в качестве консультанта в создании многосерийного фильма «Великая Отечественная». Так что непомерно щедрые награды и высокие звания, которыми удостаивало себя в то время высшее руководство страны, не обходили стороной и институт его помощников.

Надо сказать, что статус помощника генерального секретаря был довольно своеобразным. В подчинении у него никого не было, даже технический секретарь не был ему положен. Нередко при срочной работе он в поте лица сам вычитывал отпечатанные материалы, вносил поправки в текст, бегал в машинописное бюро, до глубокой ночи просиживал в кабинете без перерыва на обед, довольствуясь на ходу перехваченными бутербродами и чаем. И в то же время помощник не был никому подконтрольным, кроме, естественно, генсека, ни перед кем больше не отчитывался, выполнял только задания генерального. Поручения, которые он нередко давал работникам отделов ЦК, министерств и ведомств, расценивались последними как исходящие от «самого», исполнялись точно и в срок. Вопросов, для чего или для кого такой материал нужен, как правило, не задавалось.

Были и другие особенности в работе помощников. Так, например, для составления речей генсека старались привлекать людей, обладающих бойкостью и нарочито выпуклой смелостью суждений, внешней эффектностью предложений. Ценились те, кто с учетом особенностей характера генсека был способен к сверхмерной откровенности, мог ввернуть в текст солдатский юморок. Их выводы, суждения, теоретические обоснования вкладывались в уста генерального в готовом виде. После опубликования того или иного доклада, выступления многие изречения переносились в качестве цитат в многотомные труды, пространные редакционные статьи. Но за красивыми публицистическими оборотами иногда трудно было понять смысл того или иного высказывания. Часто речи генсека отличались не глубиной содержания, а витиеватостью языка. Лозунги вроде брежневского девиза «Экономика должна быть экономной» у людей думающих вызывали одни недоумения. Интересно, что подобный стиль выступлений с видимым удовольствием будет потом использоваться Горбачевым — неутомимым строителем «социализма с человеческим лицом». Один из авторов подобных изречений как-то под хорошее настроение не без гордости сказал: «Это мои лозунги читает народ на улицах Москвы». Да, и такое было.

Формально помощники генерального были приписаны к Общему отделу ЦК: здесь получали зарплату, состояли на партийном и профсоюзном учете. И только. Но постепенно, с приходом Черненко, многие вопросы и позиции они вынуждены были согласовывать с отделом, в котором раньше числились только по штату. Это стало особенно заметно после того, как Константин Устинович был избран секретарем ЦК КПСС. К тому времени за ним окончательно закрепилась уникальная роль организатора всей деятельности аппарата, способного дирижера сложного документального потока внутри ЦК, главного диспетчера по подготовке и проведению пленумов, заседаний Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Помощники генерального секретаря все больше оказывались в сфере влияния Черненко, ибо Брежнев, как уже отмечалось, в последние годы не утруждал себя (да и физически уже не мог многим заниматься) решением конкретных и сложных государственных дел. Нелегкое бремя согласований и утрясок многочисленных вопросов ложилось на Черненко. Поэтому через него помощники Брежнева нередко получали задания и поручения, ему же и докладывали о их выполнении. Иногда он спрашивал с них строго, хотя до серьезных конфликтов, в силу терпимого и лояльного характера Черненко, дело не доходило.

Глава пятая. На взлете

XXV съезд КПСС. Секретарь ЦК. У дверей Политбюро. Рядом с Брежневым

Известно, что в день своего избрания генсеком Брежнев произнес знаковую фразу: «При Сталине люди боялись репрессий, при Хрущеве — реорганизаций и перестановок. Народ не был уверен в завтрашнем дне, поэтому советский народ должен получить в дальнейшем спокойную жизнь для плодотворной работы».

С тех пор минуло более десяти лет.

Если в тот далекий октябрьский день 1964 года Брежнев делился мыслями, которые действительно должны были определить главный смысл его правления, то своей цели он достиг. «Спокойную жизнь» страна получила, только спокойствие это у людей не вызывало особого вдохновения.

К середине семидесятых годов окончательно угас мощный толчок, который был дан стране в начале деятельности Брежнева, и постепенно в формах и методах его правления возобладала инерционность. В 1979 году он заявил на Политбюро, что намерен уйти в отставку, однако услышал в ответ категоричные возражения. Отпускать Брежнева никто из членов Политбюро не собирался. Что это было? Боязнь наступления перемен в размеренном течении жизни или чьи-то опасения взять на себя ответственность за судьбу страны? Версиям на этот счет несть числа, а результат один: Брежнев остался.

Убедить его в правильности такого решения не составляло труда, ибо поток славословий в адрес генсека получил невиданные ранее масштабы. А при такой «всенародной поддержке» волей или неволей станешь верить в свою исключительность и незаменимость. Культом это назвать, конечно, нельзя, но непременным атрибутом каждого более или менее значимого мероприятия — от районного до всесоюзного, каждого выступления в средствах массовой информации на политическую тему стало обязательное провозглашение выдающихся заслуг Леонида Ильича перед партией и Советским государством.

На этой почве начал прорастать формализм. За трудовыми ударными вахтами и неделями, посвящавшимися знаменательным датам, выхолащивались глубинный смысл социалистического соревнования, ленинская концепция социализма как результата живого творчества масс. Страна прозевала рывок, осуществленный ведущими

капиталистическими странами на основе применения новейших достижений научно-технической революции. И если сырьевая и тяжелая промышленность, военно-промышленный комплекс развивались еще довольно успешно, то в других отраслях народного хозяйства наметилось резкое отставание, вызванное устаревшими технологиями, низкой наукоемкостью производства. Особенно ярко это проявлялось в выпуске предметов народного потребления: количество и качество товаров для населения не соответствовали нуждам людей. Достижения в экономике по-прежнему оценивались валовыми показателями отраслей, не имеющих определяющего значения для высокоразвитой страны.

Уже позднее, в горбачевское время, объявилось немало людей, обладавших удивительной, но почему-то не проявлявшейся при Брежневе прозорливостью и проницательностью. Послушаешь или почитаешь их рассказы о том, как они якобы давно предвидели крушение советской власти, — и создается впечатление, что по меньшей мере каждый второй был тогда «инакомыслящим». Но в те годы далеко не все было столь очевидным, как это выглядит сейчас. Одно лишь бесспорно: на смену безраздельному доверию людей к партии приходили разочарованность, охлаждение к тем целям, которые она декларировала. А тем временем в партийной печати укоренялись закоснелые догмы и шаблонные истины, подменявшие серьезную науку, творческие идеи, живое слово.

Наступал 1976 год — «год XXV съезда КПСС». Съезд тогда считался главным событием в жизни советского народа. Именно считался, так как миллионы простых людей гораздо больше волновали другие события, как правило, личного плана — они стали уставать от политической трескотни, стереотипы официальной пропаганды набивали оскомину. Число «25», заполнившее печать и эфир, стало притчей во языцех. Именно тогда исчезла одна из самых популярных развлекательных передач «Опять двадцать пять», которую вела радиостанция «Маяк». Кто-то испугался (и, видимо, не напрасно), что ее название не так истолковывается.

И все же расхождение между словом и делом тогда еще можно было преодолеть, а проблемы, с которыми начинала сталкиваться партия, не выглядели роковыми препятствиями.

Прошло более десяти лет и с другой памятной даты — с той поры, как Константин Устинович стал во главе Общего отдела ЦК КПСС. Прямо скажем, солидный стаж руководящей работы в аппарате ЦК был у него за плечами к моменту проведения XXV съезда партии, сыгравшего большую роль в его судьбе.

За это время отдел документационного обеспечения из

технического подразделения по управлению потоком входящих и исходящих документов и охране государственных и партийных секретов в аппарате превратился, как мы уже говорили, в подразделение с особым статусом. Его задача формулировалась четко и лаконично: обеспечение надлежащих условий нормальной и эффективной деятельности высших партийных органов. А это означало на практике, что без непосредственного участия Общего отдела не могли проводиться заседания Секретариата и Политбюро ЦК КПСС, пленумы Центрального комитета и съезды партии. Важнейший атрибут партийной деятельности — документ, будь то решение Секретариата или Политбюро, постановление пленума ЦК или резолюция партийного съезда, — оформлялся и окончательно выходил в свет только из Общего отдела ЦК.

Прерогативой отдела было оформление протоколов заседаний Секретариатов и Политбюро, стенограмм пленумов, съездов. Под его неусыпным оком находились все документы, в том числе секретные, совершенно секретные, особой важности и «Особая папка». Сотрудники Общего отдела систематизировали их и после исполнения и снятия с контроля отправляли на хранение в Архив ЦК.

Четко отшлифованная под руководством Черненко система работы с документами — от момента их возникновения и постановки на контроль до снятия с контроля и направления в архив — стала строго обязательной не только для всего аппарата ЦК, но и для республиканских и областных парторганизаций.

Уже отмечалось, с помощью каких рычагов создавалась такая система и каких личных усилий это стоило Константину Устиновичу. Решающую роль при этом сыграл вдумчивый подход Черненко к комплектованию своего отдела квалифицированными кадрами. Наряду с опытными сотрудниками, «асами» работы с документами, которые начинали свою деятельность еще при Сталине в Особом секторе ЦК, Черненко сумел привлечь в отдел свежие силы. В основном это были партийные работники низовых звеньев, чаще всего — из райкомов партии Москвы. И особо следует отметить большой «комсомольский призыв», во время которого по рекомендации бывшего тогда первым секретарем ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова около полутора десятка человек пришли под начало Черненко из аппарата ЦК ВЛКСМ. Это были люди с большим стажем аппаратной работы: Борис Мышенков, Василий Минайлов, Борис Наместников, Платон Осокин, Геннадий Павлюков, Виктор Лобусов, Владимир Бутин, Анатолий Попов и другие, пополнившие различные подразделения Общего отдела. В их числе был и автор этих строк. Надо сказать, что за

все годы работы под руководством Черненко «комсомольцы» оправдали его доверие и ни в чем не подвели его.

К этому времени окончательно утвердился авторитет Черненко как опытного и пытливого руководителя одного из ведущих подразделений аппарата ЦК. Он был членом ЦК, в состав которого был избран еще на XXIV съезде КПСС, избирался депутатом Верховного Совета СССР. Ему шел 65-й год. Конечно, и ему, и окружающим казалось, что в этом возрасте трудно думать о дальнейшем продвижении по служебным ступеням. Никто тогда и предположить не мог, что «звездное» время Черненко еще только наступало. Однако XXV съезд КПСС внес в партийную карьеру Константина Устиновича неожиданные коррективы: он избирается секретарем ЦК КПСС, и в этом же году за отличную подготовку и проведение съезда ему присваивается звание Героя Социалистического Труда. При этом он остается во главе своего «стратегического объекта» — Общего отдела.

Вообще, пока Брежнев находился у руля, Черненко не выпускал отдела из своих рук. Никто даже помыслить не мог, чтобы Общий отдел возглавил кто-то другой — настолько Константин Устинович считался компетентным и организованным человеком, к тому же близким и преданным Брежневу. Только Черненко! В этом, кстати, видится мудрость Брежнева, которого иногда недооценивают, пытаются представить в его поздние годы чуть ли не выжившим из ума стариком.

Взлет Черненко, безусловно, связан с тем, что Брежнев приблизил его к себе, хотя их отношения касались в основном только служебной сферы и были связаны с потребностью Леонида Ильича опереться в своих делах на верного человека. Их сближение, как мне кажется, заметно ускорилось после того, как Брежнев серьезно заболел. Несчастье это произошло с ним в конце декабря 1974 года, сразу после встречи с президентом США Фордом во Владивостоке. Болезнь была настолько серьезна, что, по свидетельству людей из его окружения, все последующие восемь лет Брежнев испытывал ее последствия и фактически больше «восседал на троне», нежели осуществлял реальное руководство в качестве первого лица в партии и государстве.

Однако сложившаяся к тому времени в стране структура политической власти, унаследованная, главным образом, от сталинских и хрущевских времен, не позволяла принимать решения по сколько-нибудь важным вопросам без участия «верховного». Для лидера с ограниченной дееспособностью, каковым стал Брежнев, самым удобным выходом было держать рядом с собой человека, который смог бы взвалить на себя все бремя подготовки решений, а также улаживания конфликтов и

споров, возникавших при их обсуждении и принятии. При этом важно было не дать кому-то усомниться в компетентности генсека, сохранить его престиж, сберечь лавры мудрого и прозорливого руководителя. Что Константин Устинович и делал, исполняя возложенные на него и официальные, и негласные обязанности ревностно и бдительно.

В тех условиях справиться с такой работой мог, пожалуй, только Черненко. И дело не только в том, что он прошел многолетнюю школу нелегкой штабной работы и был исключительно опытным бойцом. Ведь в придачу ко всему он прекрасно знал Брежнева, его требования, сильные и слабые стороны, мог прогнозировать его поведение в тех или иных ситуациях. И с этой точки зрения выдвижение Черненко на роль самого близкого помощника генсека тоже выглядело логично. Константин Устинович за годы совместной работы ни разу Брежнева не подвел, а вот выручал его неоднократно. Уместно привести цитату из мемуаров личного охранника Брежнева, генерал-майора КГБ СССР Владимира Тимофеевича Медведева:

«Одним из близких людей, соратников Брежнева являлся Константин Устинович Черненко. Они работали вместе в Молдавии, и с тех пор Черненко сопровождал его до конца жизни… Я застал его еще в ту пору, когда он заведовал Общим отделом… Обращаясь ко многим на "ты", Брежнев тем не менее называл соратников по имени-отчеству, к Черненко же всегда при всех: "Костя, ты…" Черненко свое дело знал и успевал переваривать огромный объем информации, отличался трудолюбием, добросовестностью, исполнительностью».

Вскоре после XXV съезда особое место Черненко в высшей сфере партийного руководства почувствовало и ближайшее окружение Брежнева. Воспринималось это неоднозначно, больше с настороженностью, иногда с завистью, а то и с едва скрытым пренебрежением. Довольно неприязненное отношение к себе Суслова, Кириленко, Тихонова и некоторых других партийно-государственных руководителей Черненко чувствовал и воспринимал болезненно, но терпеливо, с поразительной выдержкой. Думаю, что такая обстановка придавала ему больше решительности в той весьма кропотливой работе по перегруппировке сил вокруг Брежнева, которую он проводил медленно, но последовательно. Этот незримый для посторонних глаз процесс активизировался после того, как Черненко стал секретарем ЦК.

Где это было нужно, Черненко был хорошим стратегом и тактиком: он знал многие партийные тайны, и не было никакого смысла увеличивать число людей, к этим секретам допущенных.

Черненко — и в этом не раз мог убедиться Брежнев и его окружение — вполне предан, умеет держать язык за зубами и не способен на предательство.

По моему твердому убеждению, в уникальном положении Черненко, игравшем ключевую роль при Брежневе, никогда не присутствовали чинопочитание, карьерные расчеты или какая-то иная корысть. Между ним и генсеком сложились отношения, проверенные временем и испытаниями, в них было много настоящей искренности, уважения друг к другу и большой мужской дружбы.

И вот — новое восхождение по служебной лестнице. Для людей завистливых — лишний повод завести никчемные разговоры о невероятных способностях Черненко к интригам и его раболепии, для людей думающих — вполне объяснимые и закономерные назначения.

1977 год — в октябре на пленуме ЦК КПСС Черненко избирается кандидатом в члены Политбюро, оставаясь при этом заведующим Общим отделом.

Ноябрь 1978 года — Константин Устинович становится членом Политбюро. И снова сохраняет при себе Общий отдел. Он был единственным членом Политбюро, который продолжал заведовать отделом. Это давало ему особые права — он мог входить, звонить напрямую Брежневу, минуя помощников и секретарей, обращаться к генсеку в любое время дня и ночи. Подобной привилегией обладали далеко не все секретари ЦК.

Совмещая членство в Политбюро с должностями секретаря и заведующего отделом ЦК, Константин Устинович является центральной фигурой в координации работы аппарата ЦК и его высших органов.

Но главное заключается в том, что после избрания в Политбюро Черненко становится полноправным членом «брежневского ядра». В него входило шестеро — Брежнев, Суслов, Громыко, Устинов, Андропов, Черненко, — и до 1982 года они прочно держали в своих руках все ключевые позиции внутренней и внешней политики нашего государства. Один принципиальный момент хочется выделить особо: люди, входящие в «верховную» шестерку, исповедовали принципы коллективного руководства партией и страной и всегда придерживались этой линии, во всяком случае до смерти Суслова и Брежнева. Поэтому и неуместными выглядят всевозможные разговоры о возрождении культа личности в поздние годы правления Брежнева — этого не было.

Несмотря на любовь к почестям, всевозможным наградам и званиям, Брежнев, в силу своего мягкого, демократичного

характера, не допускал авторитарности в руководстве Политбюро. Ни одного решения из этого партийного органа не исходило без обсуждения и голосования. Таких принципов Леонид Ильич неукоснительно придерживался с того самого дня, когда он в 1964 году возглавил партию и противопоставил свой стиль руководства волюнтаристским методам Хрущева. Демократия в Политбюро не только выглядела правдоподобной, но и была вещью вполне реальной. Без этого, кстати, трудно понять механизм борьбы за власть, которая развернулась в высших властных эшелонах после смерти Брежнева.

Сразу же сделаю одну оговорку. Демократичные порядки в Политбюро не отражали состояние дел в партии, в которой ценилась не столько демократия, сколько исполнительская дисциплина. Большая часть членов ЦК, партийных работников центрального звена, не говоря уже о местных парторганизациях, пребывала в полном неведении, что творится наверху, какое очередное «блюдо» готовится на кремлевской кухне. Жесткая иерархия, установившаяся в верхних эшелонах власти, распространялась на всю партийную вертикаль. Члены Политбюро и Секретариата ЦК КПСС представлялись для других коммунистов чем-то вроде небожителей и были отгорожены от основного партийного аппарата непроницаемой стеной. Пленумы ЦК и даже съезды были «запрограммированы» сверху и работали по сценариям, утвержденным «наверху».

Неслучайно, что подавляющее большинство кадровых партийцев поддержали перемены, обещанные Горбачевым после его прихода к власти. Но все свои надежды коммунисты связывали в первую очередь с демократизацией партии, с восстановлением ленинских норм партийной жизни. Их ожидания оказались обманутыми. «Архитекторы» перестройки, объявив себя на словах приверженцами демократии, сумели сохранить свое положение в партии незыблемым, что позволило им безнаказанно осуществить развал КПСС и демонтаж великой державы.

…После того как здоровье Брежнева серьезно пошатнулось, и он уже не мог лично участвовать в решении всех сложных общественно-политических проблем, коллективное руководство для него стало наиболее приемлемым, а может быть, даже удобным методом руководства.

Судите сами. Например, под руководством Черненко был установлен такой порядок подготовки решений Политбюро. Сначала проект документа тщательно прорабатывался в отделах ЦК КПСС и ведомствах, затем он направлялся на предварительное знакомство всем членам Политбюро. Они представляли свои замечания и поправки, которые концентрировались у Черненко, и

только после этого готовился окончательный вариант постановления. Как правило, к проекту будущего решения разрабатывались и прилагались мероприятия по его реализации. Чаще всего генсеку оставалось лишь дать добро на принятие такого документа, если, конечно, по нему не было принципиальных возражений. Но такое бывало крайне редко, а если и случалось, то в ход пускались «дипломатические» способности Черненко, умевшего улаживать самые сложные дела и примирять самые непримиримые стороны.

Таким образом, весь комплекс проблем по принятию и реализации решений руководящего органа партии — Политбюро ЦК КПСС сосредоточился в руках Черненко, который искусно управлял подводной частью этого, пожалуй, самого крупного айсберга в неспокойном океане партийной жизни, уводя его от случайных столкновений. Последние три-четыре года при жизни Брежнева Черненко был, по сути, аккумулятором деятельности Политбюро, организатором его работы.

Обстановка, которая сложилась в ЦК КПСС в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов, не оставляет никаких сомнений в том, что положение Черненко в высшем партийном руководстве страны упрочилось и стало практически незыблемым. Возрастал его вес в большой брежневской «шестерке», фактически обладающей всей полнотой власти в стране. Можно говорить о том, что к этому узкому, замкнутому кругу лиц в разное время приближались иные деятели, к примеру Кириленко или Тихонов. Но они так и не смогли перешагнуть заветную черту, оставались в стороне, у порога, или и вовсе отдалялись от всесильного сообщества. Черненко же вошел в этот круг спокойной, но уверенной походкой и сразу стал в нем полноправным членом, заняв место возле Брежнева.

Как это нередко бывает в жизни, ухудшающееся здоровье сужает круг общения, а отношения с близкими людьми делает еще более доверительными. Леонид Ильич постоянно нуждался в Черненко, чаще советовался с ним, подключая его к решению весьма сложных, в том числе и щепетильных вопросов. И нужно сказать, Константин Устинович все это прекрасно понимал, искренне сочувствовал Брежневу и никогда не бравировал его расположением к нему, а выполнив то или иное поручение, старался без необходимости больше не вспоминать о нем.

Вот один из примеров их доверительных отношений. Как-то в квартиру Черненко позвонил Брежнев. Звонил он, видимо, из машины, так как был в этот день на охоте и еще в Москву не возвращался.

— Слушай, Костя, у меня предстоит разговор с Мазуровым.

Об отставке… Как лучше — пригласить к себе или?..

Вопрос возник в связи с тем, что намечалось некоторое обновление и омоложение состава Политбюро, и Брежнев посчитал Мазурова подходящим кандидатом для замены. К тому времени он был уже не первым, а лишь «простым» зампредом Совмина, но оставался в составе верховного партийного органа. К тому же часто болел.

Но Леонида Ильича беспокоило, что Мазуров — человек немолодой, но авторитетный, вдруг откажется уходить. Это могло повлечь за собой некоторые нежелательные сложности.

— Ты побеседуй с Кириллом Трофимовичем с глазу на глаз. Он человек умный, прозорливый, тебя он должен понять. Чтоб об этом никто не знал, вроде он сам пришел к этому выводу… Лучше, если прямо перед пленумом! А?..

Все прошло гладко. Мазуров на очередном пленуме попросил освободить его от работы.

И снова хочется поделиться некоторыми соображениями о принципе коллективности руководства. Известно, что успехи, эффективность совместных действий высшего руководящего органа правящей партии всегда находились в руках первого лица, лидера, в решающей степени обусловливались его личными способностями. От его инициативы, компетентности, динамичности во многом зависело направление коллективной воли и действий. Но Брежнев к тому времени такими качествами уже не обладал. В последние годы своей жизни он работал по инерции, не утруждая себя ни физическими перегрузками, ни напряжением ума. Коллективное действие, принятие коллективного решения становилось во многих случаях формальным актом. По сути дела, это было обычное утверждение разработанных аппаратом ЦК документов, как правило, без существенных изменений. И все эти документы сосредоточивались в руках «хранителя партии».

В результате на высшие органы — съезд, пленумы, Политбюро, Секретариат, — огромное влияние стал оказывать аппарат, а во многих случаях судьба тех или иных вопросов целиком и полностью находилась в его власти. Аппарат существенным образом предопределял ход развития событий.

При Брежневе почти все вопросы на заседаниях Секретариата или Политбюро проходили оперативно, гладко, как правило, без длительного обсуждения. Это считалось высшим достижением и означало, что в ходе подготовки всё было предусмотрено и учтено. Задачей коллективного органа оставалась лишь беспрекословная констатация того, что предлагалось. И, напротив, если обсуждение неожиданно пошло по иному руслу, а

проблема вызывала противоборство мнений, то это в конечном итоге вменялось в вину тому или иному отделу ЦК. В таких случаях фраза: «Вопрос сырой, плохо и не до конца проработан» для некоторых сотрудников аппарата иногда звучала как приговор.

Руководящая «шестерка» во главе с Брежневым была представлена людьми весьма почтенного возраста. Самому молодому из них, Андропову, в 1982 году исполнилось 68 лет, а всем остальным было за 70. Особого желания расширить свой круг хотя бы за счет действующих членов Политбюро у них не было. После смерти Суслова в 1982 году его место в руководстве занял Андропов, который в конце этого же года после кончины Брежнева был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. Все передвижения пока происходили внутри этого руководящего, теперь уже еще более узкого, круга.

Размышления по поводу почтенного возраста лидеров партии и государства того времени приводят к весьма невеселым мыслям. Конечно, старость — это мудрость, трезвость ума, богатый жизненный и профессиональный опыт, политическая дальновидность. Многие крупные руководители, убеленные сединой, до конца своих дней обладали этими замечательными качествами и после ухода из жизни на долгие годы оставляли о себе в народе добрую память. И все же годы порой воздействуют на человека не лучшим образом. У некоторых людей развиваются властные амбиции, они уже не считают нужным справляться с недугом растущего тщеславия, начинают значительно переоценивать свои личные достоинства, все почести воспринимают как само собой разумеющееся, а главное — не сомневаются в своем единоличном праве владеть истиной в последней инстанции. И уж совсем беда, когда такие лидеры попадают в окружение армии подхалимов и приспешников.

Состояние человека под названием «старческий эгоизм» известно давно. Если ему подвержены люди, облеченные властью, то они и думать не хотят о том, что кто-то может их заменить на высоком посту, что пора уступать дорогу более талантливым и молодым, что им уже самим не под силу тащить тяжелейший воз государственных забот. Мало кто из них помышляет и об уходе на пенсию. «А как же без меня?» — по их мнению, на этот вопрос нет ответа.

В большом спорте есть такое понятие: «Уйти вовремя». Это означает стремление уйти с арены до того, как тебя начнут покидать необходимые для достижения высоких результатов физические кондиции, а вместе с ними — и твои победы. Жаль, что эта замечательная идея так и не нашла отклика среди

отечественных политиков. А в итоге нежелание расстаться со своими постами до глубокой старости многих из них приводило к бесславному угасанию на высоких креслах. Биографии многих видных в свое время государственных мужей это только подтверждают. Не в этом ли одна из причин печальной традиции, известной по советскому периоду и подхваченной в современной России — вспоминать об ушедших из жизни крупных политических деятелях только плохое?

Еще одна чисто возрастная и чисто советская болезнь — утрата иммунитета к всевозможным почестям, неуемное влечение к званиям и наградам. Такого уникального явления, которое я бы назвал «наградной эпидемией», пожалуй, не было больше нигде в мире.

Нет слов, трудно переоценить огромное значение различных форм морального стимулирования трудящихся, которые широко использовались в Советском Союзе. Страна не скупилась на государственные награды, которые вручались людям за высокие достижения в социалистическом строительстве. За проявленное мужество, героизм и самоотверженный труд орденами и медалями награждались военнослужащие и самые широкие слои трудящихся: рабочие, труженики сельского хозяйства, ученые, врачи, представители народного образования и культуры, партийные работники. Как правило, награждения чаще всего приурочивались к завершению пятилеток, крупным мероприятиям общесоюзного и республиканского масштаба, знаменательным датам. Но в какое-то время в работе по использованию наград в целях повышения трудовой и политической активности людей было утрачено чувство меры. Это, с одной стороны, привело к девальвации, обесцениванию государственных наград, а с другой — к настоящей погоне руководителей всех мастей за орденами и «звездами» Героев.

Наградная эпидемия среди высоких чинов началась и стала быстро распространяться при Хрущеве. Сам горе-реформатор закончил свое «великое десятилетие» трижды Героем Социалистического Труда и с «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, которой он был удостоен спустя почти двадцать лет после войны. Естественно, свое ближайшее окружение он тоже не забывал поощрять соответствующим способом.

О званиях Героев Советского Союза разговор особый. Видно, не давали нашим руководителям мирного времени лавры настоящих боевых героев Великой Отечественной войны, которые нашли себя и на политической ниве. Например, выдающийся политический деятель Белоруссии П. М. Машеров «Золотую Звезду» Героя получил в 1944 году — за *реальные* заслуги в

борьбе против фашистских оккупантов, будучи руководителем крупнейших партизанских отрядов. В 1978 году он был к тому же удостоен золотой медали «Серп и Молот» — тоже заслуженно.

А вот пять звезд Героя Брежнева вызывали у людей только раздражение и горькую иронию. Но зато Леонид Ильич догнал по высшим наградам и званиям самого Г. К. Жукова. Правда, четырежды Герой Советского Союза маршал Жуков три золотые звезды получил в сталинские времена, когда цену таким наградам хорошо знали. Первую — за Халхин-Гол, две другие — как выдающийся полководец Великой Отечественной войны.

Подхалимствующая часть окружения Брежнева, почувствовав его неравнодушие к получению наград и званий, с великим рвением организовывала для генсека любые мыслимые и немыслимые награды и звания. Но ведь те, кто с упорством, достойным лучшего применения, добивались очередных званий для генсека, хорошо понимали всю абсурдность этого «соревнования» и пагубность его влияния на авторитет высшего руководства страны. Но, видимо, однажды запущенный процесс остановить уже было невозможно.

При Брежневе практически все высшее партийное и государственное руководство получило золотые медали «Серп и Молот», а многие стали и дважды Героями Социалистического Труда. А любимец Леонида Ильича первый секретарь Компартии Казахстана Кунаев был удостоен этого звания трижды. Существовало даже неписаное правило: к шестидесятилетию — звание Героя. В Политбюро только Горбачев не имел этого звания — не потому, что не заслуживал или скромничал, а просто «не дорос»: шестьдесят ему исполнилось, когда партию вовсю громили изнутри и снаружи, и до полного ее уничтожения оставалось всего несколько месяцев.

Ну а что же Черненко?

Помню, как все сотрудники, работавшие под началом Константина Устиновича, с искренней радостью восприняли в 1976 году известие о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда за успешную подготовку и проведение XXV съезда партии. Все были уверены: заслужил! А потом были еще две медали «Серп и Молот», которыми награждался он, к сожалению, по уже обкатанному сценарию — одна была вручена в связи с семидесятилетним юбилеем в 1981 году, другая — через три года, в обычный день рождения в 1984 году, когда Черненко уже был генсеком.

Стоит ли в этом случае повторяться, что такие «звезды» не красят высоких руководителей и не делают им чести?

Глава шестая. Страницы личной жизни

Почему сибиряки не мерзнут. Надежный тыл. О подарках, подношениях и Щелокове. Посетители и просьбы. Как поднимали «Спартак». Охота или неволя? Пропавший Горбачев. «Так победим!».

Глядя на Константина Устиновича, я почему-то часто вспоминал одну давнюю шутку. Речь в ней идет о таком почти легендарном и широко известном свойстве сибиряков, как их «морозостойкость». Как говорят балагуры, больших секретов здесь нет: сибиряки не мерзнут в самую лютую стужу, потому что они тепло одеваются. В этой шутке, которую не раз приходилось слышать от тех, кто родился и вырос в Сибири, видится не только здоровый сибирский юмор, но и некоторая снисходительность жителей сурового края к тем, кто привык к жизни в тепличных условиях и поэтому склонен к легкомысленному поведению. То, что допустимо на «материке», в Сибири не прощается. В этой истине берет начало одно из важнейших качеств сибиряков, которое помогает им преодолевать житейские трудности, связанные с суровыми климатическими условиями края, — основательность.

Основательность эта, которая проявлялась и в большом, и в малом — от решения государственных вопросов до бытовых проблем, — была, пожалуй, главной характерной чертой Константина Устиновича. Она и позволила ему создать в ЦК стройную систему аппаратной работы, которая действовала как хороший часовой механизм, без малейших изъянов. Впрочем, и все другие дела, за которые он брался, отличали продуманность и последовательность.

Сибирским здоровьем в свои зрелые годы Черненко, увы, не отличался — растратил его за время многолетней работы на пределе человеческих сил, без полноценного сна и необходимого отдыха. Но все основные качества, свойственные сибирякам — порядочность, доверие к людям, неторопливость, — в его характере проявлялись на каждом шагу. Меня он всегда удивлял какой-то особой житейской мудростью, присущей людям, не понаслышке знающим, почем фунт лиха. Он обладал той неспешной рассудительностью, которую можно приобрести только в самой гуще народной жизни, общаясь с простыми людьми, среди которых не особенно почитаются философские умствования, а высший смысл жизни видится в том, чтобы сеять

хлеб, растить детей и иметь прочную крышу над головой.

Мне казалось, что именно из самых глубин народной жизни берут начало и другие качества Черненко, которые замечали в нем окружающие. На мой взгляд, жила в нем здоровая крестьянская жилка, которая проявлялась в его нелюбви к необдуманным действиям. Даже когда он находился на самом высоком партийном посту, его никогда не покидали сомнения и осторожность, стремление перестраховаться, чтобы не загубить решение того или иного важного вопроса. Речь здесь идет, естественно, только об интересах дела, поскольку Константин Устинович каких-либо меркантильных или иных «попутных» целей никогда не преследовал.

Что вызывало особенно глубокое уважение к Черненко, так это его бережное и заботливое отношение к жене Анне Дмитриевне и семье. Принято считать, что семья — тыл. Прямо скажу: я мало кого знал в своей жизни, кто имел бы такой крепкий тыл, какой был у Черненко. В семье царили любовь и полное взаимопонимание, которые, насколько я знаю, сопровождали всю сорокалетнюю супружескую жизнь Анны Дмитриевны и Константина Устиновича.

Первый брак у Черненко не задался. Ему было 33 года, когда он повстречал Анну Дмитриевну, которая работала в Москве, в наркомате заготовок. Между ними завязалась крепкая дружба, и вскоре они поженились.

Что касается детей Анны Дмитриевны и Константина Устиновича, первое, что хотелось бы отметить, — это то, что вели они себя достойно и не позволяли вольностей, подобных тем, какие так часто и вызывающе демонстрируют теперь отпрыски высокопоставленных вельмож, так называемая «золотая молодежь». Хотя справедливости ради следует отметить, что стремление детей крупных партийных и государственных руководителей, как теперь говорят, к «гламурной» жизни нередко проявлялось и в советское время. Как бы то ни было, дочь Черненко Елена и его сын Владимир отличались скромностью и не кичились своим происхождением.

Елена Константиновна Черненко, историк по образованию, долгое время работала в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма. В ее облике не было ничего кричащего, вызывающего, надменного. Она была проста в общении, довольно скромно одевалась. Вообще, ей всегда и во всем было свойственно чувство меры. Уйдя на пенсию, она целиком отдала себя заботе о здоровье матери, Анны Дмитриевны.

Сын Владимир Константинович после окончания ВГИКа

длительное время работал помощником председателя Госкино СССР, затем был переведен на должность заместителя начальника управления Госкомитета. Те работники, которые долгие годы соприкасались с ним по службе, отзывались о нем с уважением, говорили как о добром, уравновешенном и скромном человеке, знающем свое дело специалисте. После упразднения Госкино СССР Владимир Константинович работал в фирмах, связанных с производством кинофильмов, был некоторое время безработным и умер от острой сердечной недостаточности, не дожив до пятидесяти пяти лет.

При жизни Константина Устиновича Анна Дмитриевна была для него надежной опорой и как бы цементировала в семье все отношения, умело сглаживая возникающие противоречия и недоразумения. Это ведь только говорится, что если хочешь оберечь своих близких от лишних волнений, оставляй все свои служебные проблемы на работе и не неси их в дом. Но разве мыслимо следовать таким советам, если эти проблемы не оставляют человека 24 часа в сутки? Мудрая и добрая женщина, Анна Дмитриевна прекрасно понимала, какой тяжелый груз нес на своих плечах ее супруг, и, как могла, старалась облегчить эту ношу.

Мне самому очень часто приходилось с ней советоваться, как лучше поступить в том или ином случае, чтобы не отвлекать внимания Константина Устиновича на второстепенные вопросы и не вызывать у него нежелательной реакции. И все же иногда оплошностей избежать не удавалось. Приведу один довольно типичный пример.

Как известно, в стране, особенно в последние годы жизни Брежнева, получили большое распространение проведение пышных застолий и угощений начальства, подношение руководителям подарков, сувениров, всевозможных «праздничных наборов». Были и другие способы проявления к людям, находившимся у власти, небескорыстных знаков внимания. В те времена такие явления наблюдались и в районных звеньях, и в самых высших эшелонах власти, в ее центральных аппаратах. Об этом в свое время говорилось достаточно подробно, многое стало достоянием гласности и в ходе ряда сенсационных судебных процессов и читателю хорошо известно.

С проблемами подобного рода сталкивались и в аппарате ЦК КПСС, хотя здесь они считались из ряда вон выходящими, что, в общем-то, так и было на самом деле. К тому же если кого и уличали в нескромности, принятии подарков и подношений, то выяснялось, как правило, что их финансовая составляющая была незначительной и не «тянула» на взятку. Но независимо от

размеров «сувениров» партийная кара за злоупотребление служебным положением была самой жесткой. Впрочем, немногочисленные любители поживиться чем-либо за государственный или чужой счет тогда и думать не могли, что их поступки будут выглядеть детскими шалостями в сравнении с фантастическими масштабами взяточничества, тотальной коррупцией современного чиновничества. Несмотря на все меры, которые в последнее время принимаются в качестве противодействия этим явлениям, думается, что они обречены на провал: нельзя рассчитывать на эффективность борьбы с коррупцией, если стяжательство в нынешнем российском обществе нередко рассматривается как допустимое явление.

Мне как помощнику секретаря ЦК на первых порах работы в этой должности перед праздниками поступали звонки от некоторых местных руководителей, в основном из постпредств союзных республик в Москве, с настойчивыми просьбами посодействовать в передаче Черненко и его семье тех или иных сувениров. Однажды я по неопытности откликнулся на один такой звонок — не хватило решительности отказать одному крупному руководителю, который конечно же «искренне и от всей души» хотел поздравить Черненко с какой-то датой. О своем согласии помочь ему сразу же пожалел, но было уже поздно. Пришлось ехать на вокзал к южному поезду, где и получил из вагона-ресторана ящик дорогих спиртных напитков. Но что же с ними делать? Решил посоветоваться с Анной Дмитриевной. Звоню ей и по ее словам понимаю, что она серьезно озабочена случившимся: «Виктор Васильевич, только, ради бога, не говорите об этом Константину Устиновичу, а я постараюсь как-то уладить это дело». Уладила она его просто: охрана получила к празднику в подарок коньяк и вино, что были в ящике.

Получив урок, содержание которого могло дойти до Черненко и имело бы тогда более серьезные последствия, я стал в подобных случаях отвечать звонившим решительными отказами — без лишних разговоров и невзирая на лица. Поскольку звонки продолжались, решил доложить об этом Константину Устиновичу. Выслушав меня, он нахмурился, чувствовалось, что разговор ему на эту тему неприятен. Сказал: «Знаешь что, у тебя много работы, не занимайся этим, не бери на себя эту обузу. Будут звонить, скажи, чтобы со мной связывались». Таким образом, Константин Устинович оградил меня от перспективы быть втянутым в исполнение малоприятных обязанностей, и я искренне был благодарен ему за это. Как я понял потом, самому Черненко звонить никто не отважился.

И все же иногда случалось, что Константину Устиновичу и

Анне Дмитриевне приходилось буквально отбиваться от тех, кто стремился всеми средствами облагодетельствовать их своим вниманием. Мне запомнился такой сюжет из жизни Черненко. В 1981 году к семидесятилетию со дня рождения Константина Устиновича — а к тому времени он был уже очень влиятельным членом Политбюро, секретарем ЦК, получившим вторую звезду Героя Социалистического Труда, — пришло, естественно, много поздравительных телеграмм, адресов и конечно же памятных подарков. Они поступали отовсюду — из партийных комитетов, министерств, ведомств, творческих союзов, из-за рубежа. Многие подарки были уникальными произведениями искусства. Среди них были и дорогостоящие образцы аудио- и видеотехники, и изделия кубачинских и унцукульских мастеров Дагестана, народных умельцев других республик.

Мы упросили Черненко выставить эти подарки, чтобы ознакомить с ними узкий круг работников аппарата, в большой комнате на четвертом этаже в здании на Старой площади. Эта «персональная выставка» продолжалась всего несколько дней, а потом все ее экспонаты — подарки Черненко по его настоянию были переданы на склад Управления делами. Для себя и семьи он не стал брать ничего. Правда, как истинный охотник от одной вещи он не смог отказаться — это был прекрасный охотничий карабин, изготовленный тульскими оружейниками. Не знаю, успел ли он опробовать в деле это оружие или нет, только после смерти Константина Устиновича, как утверждает его супруга Анна Дмитриевна, компетентные товарищи этот карабин изъяли.

Мне бы не хотелось дальше распространяться на эту тему, поскольку личная скромность Черненко была хорошо известна в аппарате ЦК. Лишь позволю себе в подтверждение этого обратиться к свидетельству человека, которому в гораздо большей степени были известны корни и существо затронутой нами проблемы. Я имею в виду бывшего в те годы секретарем ЦК, ведавшим кадровыми вопросами, Егора Кузьмича Лигачева. Вот что он пишет в книге своих воспоминаний:

«Особо обязан сказать о том, что Черненко, который был необычайно близок к Брежневу и обладал в ту пору колоссальным влиянием, умудрился не запачкать свое имя коррупцией. Вокруг Брежнева фактов злоупотреблений было немало, а Черненко возможности имел на этот счет немыслимые, он мог грести не только пригоршнями, но и ворохами. Только мигни, только намекни, — и его завалили бы "сувенирами", отблагодарили бы за помощь. Но Константин Устинович был человеком весьма скромным в быту и в житейских делах. Я, честно говоря, даже удивляюсь, как он сумел, находясь под сильнейшим давлением

любителей делать подарки, не только устоять против соблазнов, но и сохранять свое влияние: коррумпированной среде свойственно отторжение чужаков. Потому-то я и использовал слово "умудрился". Чтобы не оказаться втянутым в злоупотребления, Константину Устиновичу действительно надо было проявить твердость».

Это — слова человека, который сам обладал, как хорошо было известно в ЦК КПСС, кристальной честностью.

Для меня Черненко был и остается эталоном подлинной, не показной, щепетильности и бескорыстия. Вопреки расхожему в либерально-демократической среде мнению, замечу, что в эпоху Брежнева не перевелись люди подлинной большевистской закалки, которые считали своим партийным долгом бескорыстное служение Родине. К ним можно отнести не только Черненко или Лигачева, но и сотни, тысячи других партийцев — от сотрудников ЦК до работников районных комитетов, — следовавших этому принципу. Да и обычному советскому человеку был значительно ближе идеал служения высшим целям, чем стремление к выгодной продаже своих способностей и желание заработать любым способом.

Некоторые могут возразить: мол, не трудно выказать себя в выгодном свете на службе, а вот дома… Для того чтобы узнать, каким все же Черненко был в домашней обстановке, в быту, обратимся к выдержкам из интервью Анны Дмитриевны, которое она сравнительно недавно, в 2007 году, давала «Экспресс-газете»:

— Долгие годы мы жили в небольшой, хотя и отдельной, квартире всей семьей, с детьми. Когда поженились, жили в коммуналке. Переехали в Москву, получили небольшое жилье. И так было все время. То, что ему выделяли, он не оспаривал и сразу соглашался. Положено — так положено…

— Семейную машину нам выделили, когда он (Константин Устинович. — *В. П.)* стал генсеком. Все последние годы он жил на даче за Барвихой, в Усове. Потом на даче в Огареве. А в магазины я ходила сама. Конечно, в цековских магазинах выбор продуктов был лучше. Но с Константином Устиновичем всегда были проблемы. Когда, скажем, ему полагался новый костюм, то с великим трудом удавалось его уговорить поехать на примерку. Всего костюмов у него было пять-шесть: летние, повседневные и праздничные…

— Очень любил пельмени, мясо по-домашнему. Сам его и готовил на чистой воде. Получалось очень вкусно с картошкой. Я прошла с мужем целую школу лепки пельменей. Когда был жив его папа, Устин Демидович, то мы при готовке чинно, как на параде, выстраивались в ряд и делали до четырехсот пельменей.

Один раскатывал тесто, другой его готовил, кто-то вырезал стаканчиком, кто-то клал фарш.

— Зарплату всегда приносил всю, и ею распоряжалась я. Я знала, что и кому надо купить. Предпоследняя его зарплата на посту секретаря ЦК была 400 рублей, а когда стал генсеком, стал получать 600.

Зная об образе жизни Черненко, не трудно представить, с какой горечью, болью и отвращением воспринял он перерождение и предательство генерала армии, бывшего министра внутренних дел СССР Щелокова. Я был свидетелем его реакции на «дело Щелокова», поэтому позволю себе напомнить о некоторых событиях, с ним связанных.

Сначала расскажу о финальной части истории, которая продолжалась несколько лет. На июньском (1983 года) пленуме ЦК КПСС по Щелокову было принято решение: «Вывести из состава ЦК за допущенные ошибки в работе…» С Николаем Анисимовичем Щелоковым как раз перед этим пленумом пришлось разбираться Черненко. И сложность этого разбирательства, в частности, заключалась в том, что родной брат Константина Устиновича — Александр Устинович — ходил у Щелокова в подчинении, заведовал в то время Управлением учебных заведений МВД СССР.

Естественно, сложившееся положение вещей — с проворовавшимся «начальником всей милиции» — создавало для Черненко определенные морально-этические трудности. И если Брежнев не мог (или не хотел) наказывать Щелокова лишь по той причине, что когда-то давным-давно они вместе работали в Молдавии, то Черненко (тоже работавший с Щелоковым в Молдавии) дополнительно был отягощен родственной связью с системой МВД.

Но не только эти факты характеризовали отношение Брежнева и Черненко к Щелокову — оно, судя по всему, было куда сложнее. Однажды — было это в период, когда одно за другим вышли массовым тиражом произведения Брежнева «Малая Земля», «Возрождение», «Целина», «Молдавская весна», — я задал неосторожный вопрос Константину Устиновичу:

— Не понимаю… Брежнев описывает молдавские годы, а про Щелокова ни слова. Видимо, есть тому причины?

Черненко, тоже работавший в те годы в Молдавии вместе с Брежневым и Щелоковым и не только читавший книги Леонида Ильича, но и принимавший самое активное участие в их публикации, внимательно посмотрел на меня и ушел от прямого ответа:

— Есть кое-какие обстоятельства…

На этом разговор и кончился. Прошло довольно много времени (не месяцы — годы!), и однажды, незадолго до того самого июньского пленума, Черненко неожиданно вызвал меня к себе:

— Ты, Виктор, интересуешься, вопросы задаешь… Вот, почитай! — он положил передо мной добрую дюжину скрепленных машинописных листков.

— Я могу взять их с собой? — наивно осведомился я, полагая, что в кабинете ознакомлюсь с документом более обстоятельно.

— Здесь читай! — сказал Черненко, а сам, чтобы не мешать, вышел в комнату отдыха.

Это было заключение Военной прокуратуры СССР, направленное в адрес ЦК КПСС. В документе скрупулезно перечислялись все прегрешения министра внутренних дел: и то, что он «захапал» в личное имущество несколько служебных «мерседесов», и то, что не брезговал забирать к себе домой и на дачу, а также раздавать ближним родственникам арестованные милицией вещественные доказательства и конфискованные произведения искусства и антиквариат. Но это было далеко не все, о чем говорилось в том документе. Помню, меня поразили два факта. Во-первых, это организация подпольного магазинчика «для своих», в котором реализовывались те вещи, которые не приглянулись самому «шефу всей милиции». А во-вторых, члены семьи Щелоковых были замечены в том, что меняли в банках огромные суммы в потертых, захватанных, довольно ветхих рублях. Я понял это так, что Щелоков и его семья не гнушались деньгами, которые следователи ОБХСС вытряхивали из чулок и закопанных в землю бидонов своих «криминальных подопечных». Деньги, изъятые в «теневой экономике» у созревших раньше перестройки «цеховиков» и «рыночных воротил», менялись на новые, более крупные купюры, обращались в личный доход и без того небедного министра.

Перед пленумом Щелоков решил обратиться в ЦК, естественно, ко второму человеку в партии, знакомому с молдавских времен, — Черненко. Разговор в кабинете с глазу на глаз продолжался у них несколько часов. О чем они там говорили, я не знаю. Но как выходил Щелоков из кабинета Константина Устиновича, помню отчетливо, как будто это было вчера. Столкнулись мы с ним в приемной нос к носу потому, что Черненко решил показать мне его «живьем» и вызвал меня в кабинет тогда, когда тот еще не ушел. Щелоков был в мундире, увешанном наградами. Медали и ордена тонко тренькали при каждом его, как мне показалось, неуверенном шаге. Лицо Щелокова, хоть и покрылось после разговора с Черненко

багровыми пятнами, все равно было землисто-серым…

— Вот, полюбуйся! — гневно воскликнул Черненко, как только я подошел к столу. — Он принес справку, что оплатил через банк два «мерседеса». Этим он хочет сказать, что не надо рассматривать его вопрос на пленуме.

Черненко говорил с одышкой — его душила не столько астма, сколько гнев. И этот гнев его можно было понять. Он многие годы знал Щелокова не понаслышке. Видел его в работе и в Молдавии, и в МВД СССР — энергичного, инициативного, умного и опытного организатора и умелого руководителя. Его большой личный вклад в укрепление органов внутренних дел, повышение авторитета работников милиции несомненен и был высоко оценен. И вот такой позорный итог. Черненко не мог охарактеризовать поведение Щелокова иначе чем предательским.

— Как он мог? — несколько раз повторил Черненко один и тот же вопрос, горько качая головой.

Похоже, Черненко решил поделиться со мной своей болью и досадой. Надо было его знать: как все искренние люди, он был вспыльчив, нередко «заводился» (особенно выводило его из себя двуличие людей), но быстро отходил, умел взять себя в руки.

— Ладно, Виктор, иди, — ворчливо произнес Константин Устинович под конец и принялся за бумаги. — Работай…

Через некоторое, весьма короткое время поступила информация о том, что в ожидании обыска, находясь в собственной шикарной квартире, Щелоков, облаченный в полный генеральский мундир, при орденах и медалях, в белой рубашке и брюках с широченными лампасами, застрелился из имевшегося у него коллекционного дорогостоящего ружья «зауэр». На Черненко это известие не произвело никакого впечатления. Похоже, он давно уже мысленно вычеркнул этого человека из своей жизни. После всего, что тот успел натворить, безудержно пользуясь властью, он для него уже не существовал.

Была у Черненко одна слабость, которой многие пользовались — кто по крайней нужде, а кто и зная, что Константин Устинович наверняка не откажет. И обращались к нему с различными просьбами, в том числе и личного характера. Он действительно почти никогда не отказывал людям — не в его правилах это было. Он искренне полагал, что уж если человек дошел до него, то это вынужденный шаг, следствие его отчаянного положения. И если он мог чем-то помочь, то помогал без всякой волокиты и разных бюрократических проволочек.

Работники аппарата ЦК считали это качество Черненко его «пунктиком» и шли к нему чередой во все времена — и когда он был заведующим Общим отделом, и когда стал секретарем ЦК и

особенно в бытность его генсеком. К нему прорывались через Секретариат и помощников, через знакомых руководящих работников. Шли министры, первые секретари крайкомов и обкомов, председатели Совминов республик, другой чиновный люд, деятели литературы и искусства — с надеждой протолкнуть вопрос, выбить резолюцию, сдвинуть дело с мертвой точки…

Часто у него в кабинете бывали известные художники и артисты, мечтавшие получить внеочередное звание заслуженного или народного. Просились на прием и приходили космонавты — «гражданские» хотели быть приравнены по льготам к «военным».

В приемной Черненко всегда сидели посетители: ветераны, дети именитых людей (например, сын Валерия Чкалова — Игорь), сами именитые люди (такие, как легендарные герои, советские летчики Александр Беляков и Георгий Байдуков), — все приходили решать свои проблемы, всем Черненко был нужен.

В одно время буквально зачастил в гости к Черненко широко известный поэт и общественный деятель, автор и главный редактор знаменитого журнала «Фитиль» Сергей Владимирович Михалков. Приходил он вроде бы по делам Союза писателей РСФСР, который возглавлял, но при каждой встрече обязательно проталкивал какой-нибудь свой личный вопросик. У Михалкова даже сложился свой особый, «писательский» почерк, призванный расположить к себе влиятельных работников: появлялся он в ЦК КПСС с пухлым портфелем и начинал обходить секретарей и помощников — вручал им и передавал их домочадцам свои книги с дарственными автографами.

Не раз приходили на прием известные уже в то время художники Александр Шилов и Илья Глазунов. Были и другие посетители из мира искусства — например кинорежиссер Владимир Наумов и его супруга актриса Наталья Белохвостикова. У них в квартире взорвался телевизор. Дочка, присутствовавшая при этом, к счастью, физически не пострадала, но нервное потрясение было сильным. Последствия оказались настолько тяжелыми, что девочка боялась подходить к двери собственной квартиры. Надо было менять жилье, а в Москве это решить не так-то просто. Черненко позвонил в Моссовет Промыслову, и вопрос, конечно, был решен положительно.

Или был вот такой случай. Известный советский скульптор Лев Кербель как-то пожаловался Константину Устиновичу на состояние своего здоровья и попросил помочь с прикреплением к Первой поликлинике — так называемой «кремлевке». После их встречи Черненко в разговоре со мной высказал удивление: почему народный художник СССР, академик не обслуживается в этой поликлинике? Мне было поручено поправить это положение.

Но как выяснилось, и этого Черненко даже не знал, что люди, имеющие такие высокие звания, как Кербель, не подлежали медицинскому спецобслуживанию. Для этого надо было непременно входить в номенклатуру. Скажем, инструктор ЦК или референт Совмина имели такие льготы, а Кербель — нет. Если бы Кербель, положим, был президентом или вице-президентом Академии художеств — тогда, пожалуйста, не было бы никаких проблем. А вот «простой» академик и народный художник, без соответствующей официальной должности, на «кремлевку» права не имел.

Пришлось Черненко писать записку М. С. Смиртюкову — управляющему делами Совмина, председателю комиссии по контингентам. И только после того, как комиссия рассмотрела просьбу Черненко, Смиртюков прислал ему ответ о том, что действительный член Академии художеств СССР скульптор Кербель был прикреплен к Первой поликлинике. На ответе Смиртюкова Черненко написал мне примечательную резолюцию: «Прибыткову В. В. Сообщите Кербелю. Пусть он подумает, что все решилось само собой. К. Черненко».

Среди просителей был и внук Сталина Евгений Яковлевич Джугашвили. Сын Якова Джугашвили, он в то время был инженер-полковником, кандидатом исторических наук, доцентом и преподавал в Академии бронетанковых войск. Он просил Черненко дать ему возможность преподавать в Академии Генерального штаба, которую в свое время окончил. Эта просьба, направленная Черненко маршалу Н. В. Огаркову, начальнику Генштаба, вскоре была удовлетворена — Евгений Джугашвили был переведен в Академию Генштаба преподавателем кафедры «История военного искусства».

Подобные примеры можно перечислять очень долго. Все они подтверждают существовавшее в ЦК правило: «Хочешь решить вопрос — пробивайся к Черненко».

* * *

Конечно, работа по обеспечению бесперебойной деятельности высших органов партии отнимала у Константина Устиновича львиную долю времени. Как мы уже говорили, огромного труда требовала организация повседневного контроля за непрерывным конвейером документооборота. Много сил уходило на подготовку еженедельных, по вторникам и четвергам, заседаний Секретариата и Политбюро ЦК КПСС. Значительная часть каждого рабочего дня уходила на приемы людей и решение их проблем, о

чем мы только что постарались дать читателю представление.

Но, конечно, не следует думать, что за большими и малыми заботами у него совсем не оставалось времени на личные увлечения, хотя оторвать его от напряженной ежедневной работы было очень трудно. В моей памяти сохранилось несколько интересных фрагментов, хронологически совпадающих с периодом, когда Константин Устинович был уже секретарем ЦК КПСС и членом Политбюро. Характеризуют они разные стороны личности Черненко, но я постарался собрать их в одной главе, чтобы читателю легче было дополнить представление о том, что за человек был Константин Устинович.

Ниже — несколько таких историй.

— …Ты, Виктор, как относишься к футболу? — несколько издалека начал Константин Устинович. — Болеешь?

— Нормально отношусь.

— Тогда у тебя нагрузка прибавится. — В голосе шефа появились шутливые интонации. — Будешь моим помощником по «Спартаку»! Без прибавки к жалованью, естественно…

Так началась моя многолетняя эпопея, связанная с известнейшим футбольным клубом страны. К счастью, мои симпатии и пристрастия шефа совпали. Случись иначе — болей я, к примеру, за «Динамо» — пришлось бы туго.

1976 год выдался для «Спартака» тяжелым: он с позором провалился в первенстве высшей лиги страны. Его тренер Галимзян Хусаинов — в прошлом хороший и авторитетный игрок, выступавший и за сборную СССР, — оказался слабым организатором и наставником и «уронил» команду ниже критической черты. Достигнув к концу сезона «дна» турнирной таблицы чемпионата, она отправилась из высшей лиги в первую. Дальше падать было некуда, если учесть, что за «Спартаком» много лет сохранялся статус «народной команды». Действительно, за него всегда болела значительная часть населения страны. Но тогда наиболее преданные почитатели «красно-белых» начали волноваться не на шутку, сравнивая состояние команды и ее поблекшую игру с той, которую она показывала раньше. Ведь не случайно двадцать лет назад игроки «Спартака» были героями Олимпийских игр в Мельбурне.

Но дело было не только в тренере. «Спартак» находился в кризисе еще и потому, что не имел приличной материальной базы, мощных шефов (теперь бы сказали — спонсоров), не складывались отношения между руководством «Спартака» и руководством Спорткомитета страны.

Были, конечно, хитроумные попытки оставить «Спартак» в высшей лиге путем увеличения в ней числа команд. При этом

проигравшийся в пух и прах «Спартак» как бы автоматически оставался среди клубов высшего эшелона. Но эти намерения были шиты белыми нитками и вызывали лишь у настоящих болельщиков горькую иронию.

Нужно было кому-то срочно решать целый комплекс проблем: от вопроса с тренером до укрепления состава команды молодыми и талантливыми игроками, финансового и материально-технического обеспечения коллектива.

Было заметно, что Черненко всерьез переживал неудачи любимой команды и незаметно, исподволь он влез в ее дела. В первую очередь он обратился к ветеранам команды — непререкаемым авторитетам для молодых. Ими, конечно, были братья Старостины.

Первое заседание «тайного общества» по спасению «Спартака» состоялось на квартире Андрея Петровича Старостина. В числе приехавших к нему домой «спасателей» был и я — «помощник по "Спартаку" без прибавки к жалованью». Встречаться раньше с ним не приходилось, поэтому я волновался — как-никак, кумир юности!

— Я буду говорить без обиняков, — сразу же сказал решительно Андрей Петрович. — Прошу моих гостей (следует взгляд в мою сторону) не обижаться! Футбол — дело серьезное!

— Раз серьезное, — передаю я ему озабоченность Черненко, — то надо решать главное: кого вы можете предложить на должность нового тренера?

— Бескова! Константина Ивановича Бескова! И никого иного. Только он может быть старшим тренером. А начальником команды — Николая.

— Брата? — догадался я. — Николая Петровича?

— Да, брата, — кивнул Андрей Петрович.

— Но Бесков верный «динамовец»! — возразил я, владевший положением дел в футбольном закулисье. — Действующий офицер МВД, активист Центрального совета общества «Динамо». Захочет ли он поменять команду?

— Да, он однолюб, — вздохнул Старостин. — Прикипел он к «Динамо». Но, думаю, должен согласиться! Хотя бы потому, что любит футбол вообще, а не только игру одной команды. Разговор с ним я беру на себя! С Николаем тоже побеседую — тут легче. Но остальное ложится на вас, передайте это Константину Устиновичу. Помощь будет нужна солидная, не копеечная.

Разговор закончился, мы поднялись.

— Ладно, решим. Но вы сначала с Бесковым и братом поговорите, — напомнил я на прощание Андрею Петровичу.

В целом я остался доволен этой встречей. Похоже, дело

сдвинется с места. Как хорошо, что Старостин понял меня правильно, и мне не пришлось передавать ему горькие слова Черненко, которыми он меня напутствовал: «Нужно поднимать "Спартак"! Нехорошо это… Стыдно!»

Чтобы решить все вопросы разом, требовалось партийное вмешательство на высоком уровне. Болельщик Константин Черненко обладал самыми широкими возможностями. По его просьбе приказом министра внутренних дел подполковника Бескова откомандировывают в гражданское общество «Спартак» — естественно, с его согласия, которое удалось получить с помощью Старостина. При этом его оставляют в кадрах Вооруженных сил. Здесь МВД немного схитрило: в звании Бескова оставляют, но выводят, как говорится, за штаты, а платить зарплату обязывают команду «Спартак».

Люди, знакомые с судьбой команды «красно-белых», наверное, помнят, что Константин Иванович Бесков задержался в «Спартаке» надолго. Благодаря хлопотам Черненко он, будучи на службе в гражданской организации, стал полковником, а затем, когда подошло время, ему была надлежащим образом оформлена неплохая военная пенсия.

Черненко время от времени приглашал к себе его и братьев Старостиных. Патриархи футбола видели неравнодушное отношение партийного «вождя» к «Спартаку» и умело играли на его чувствах. Константин Устинович при встречах с ними оттаивал, глаза его начинали искриться, лицо смягчалось. Он был счастлив, что сидел рядом со своими кумирами, мог напоить их чаем, угостить печеньем. Руководители «Спартака» охотно рассказывали ему о житье-бытье команды, сообщали новости, припоминали из своей прошлой футбольной жизни смешные случаи и истории. Отдадим должное их такту: растопив сердце кремлевского собеседника, они никогда и ничего не просили у него напрямую. Все просьбы высказывались потом — через «помощника по "Спартаку" без жалованья». Даже если просьбы эти были не очень скромными, они все равно выполнялись. Черненко был задет за живое, и это давало свои результаты.

Бесков энергично принялся за подъем команды, возглавив учебно-тренировочный процесс, а всю организационную работу в команде взял на себя, как и обещал Андрей Петрович, Николай Старостин. Первым делом они положили на стол Черненко специальный, тщательно расчерченный лист миллиметровки. На нем были фамилии игроков команды с указанием года рождения, членства в ВЛКСМ и потребности в жилье.

По просьбе Черненко (и не только Черненко — первый секретарь МГК КПСС Виктор Гришин тоже болел за «Спартак»)

Моссовет сделал все, чтобы быстро решить жилищные проблемы футболистов. Благодаря выделенным значительным средствам база в Тарасовке преображалась на глазах: она пополнилась новым оборудованием и инвентарем, в жилых помещениях запахло свежей краской, улучшился сервис.

В качестве шефа «Спартаку» был определен могучий и конечно же сказочно богатый «Аэрофлот». Решение об оказании помощи «красно-белым» принималось на уровне Черненко и министра гражданской авиации Бориса Бугаева. Помимо прочих материальных благ «Спартак» избавлялся от проблем с перелетами по стране и всему миру.

В сезон 1977 года «Спартак» вошел полностью обновленным. Ключевые места в команде заняли молодые парни из глубинки. Сперва придирчивые и ироничные московские болельщики кривили губы: «Докатился "Спартачок" — из лесов костромских набирает игрочков!» Но вскоре новые имена стали произносить с большим уважением, и о них взахлеб заговорили спортивные издания. Напомню, что это были за футболисты: Юрий Гаврилов, Георгий Ярцев, Сергей Шавло, Вагиз Хидиятуллин… А вратарь, двадцатилетний астраханец из «Волгаря» Ринат Дасаев, вытянутый в Москву с помощью того же Черненко, со временем станет не только кумиром всех отечественных болельщиков, но и капитаном сборной СССР. Позднее, в 1988 году, он станет серебряным призером чемпионата Европы и будет признан лучшим вратарем мира. Впрочем, для истинных любителей футбола все упомянутые игроки в рекомендациях не нуждаются.

Вот так тайная любовь Черненко к «Спартаку» в 1977 году вернула команду в высшую лигу, а в 1979-м помогла ему стать чемпионом СССР. В знак благодарности Константину Устиновичу была вручена специальная спартаковская ваза — высокий бокал с золотым ободком. Ниже ободка — эмблема команды и медаль победителя чемпионата. Их обрамляют миниатюрные портреты игроков, тренеров и микроскопические автографы тех и других. Получил такую же уникальную, выпущенную всего в нескольких экземплярах вазу и «помощник по "Спартаку" без жалованья». Она и сейчас стоит у меня в комнате и напоминает о днях мытарств на футбольном поприще и борьбы за «Спартак»…

Конечно, Черненко не ограничивался общим руководством, а влезал и во всякие мелочи команды. Руководители команды, естественно, понимали, что высокий уровень покровителя позволяет решать почти все проблемные дела, при этом легко, почти без сопротивления оппонентов.

К примеру, надо вызволить хорошего футболиста из ЦСКА или «Динамо». А какой тренер отдаст хорошего игрока

добровольно? Ясно, нет таких. Сценарии операций походили на лихо закрученные детективные романы. Вот один из них. Спартаковец Вагиз Хидиятуллин в связи с призывом в армию «уводится» в ЦСКА. Со стороны «Спартака» сразу же предпринимаются попытки отозвать его назад из армейского строя. Сам Хидиятуллин бурно, насколько это позволительно в его положении, протестует. Его, согласно уставу воинской службы, отправляют за строптивость в Закарпатье.

Черненко набирает номер министра обороны Устинова:

— Дмитрий Федорович, твои ребята в ЦСКА того-этого… Надо бы отдать Хидиятуллина «Спартаку». Проси, что хочешь, но верни…

И футболист вскоре возвращается в родные пенаты.

Или другой случай: возникли проблемы у динамовца Александра Бубнова. Не сложились у него отношения с тренерами «Динамо», хочет перейти в «Спартак», а на плечах погоны внутренних войск, вот его и не отпускают. Он — парень с гонором, начинает нарушать спортивный режим, пропускать тренировки. В наказание его выводят из основного состава и он подолгу сидит на скамейке запасных. Но не сдается.

Бесков торопится к Черненко:

— Выручайте, Константин Устинович! Нужен мне Бубнов позарез. Это ж такой игрок! А у них мокнет с тоски, что осиновый пень под дождем.

Черненко поднимает трубку связи с министром МВД:

— Слушай, тут твои динамовцы хорошего парня гноят! О ком, о ком — о Саше Бубнове. Знаешь что, давай его ко мне в «Спартак», а? Очень Бесков, понимаешь, за него хлопочет… Ладно, ладно, потом сочтемся… Спасибо!

И, поворачиваясь к Константину Ивановичу:

— Завтра будет у тебя. Доволен?

Вот такие тайные страсти были у «хранителя партии».

И несколько слов, как говорится, вместо эпилога. После того как «Спартак» стал чемпионом страны, сравнительно быстро оправившись от столь глубокого падения, дела в клубе пошли в гору. В этом, конечно, была немалая заслуга и Черненко, и тренеров, сумевших укрепить команду и ее материальное положение. Акции Бескова поднялись в цене — в конце 1979 года он возглавил сборную СССР по футболу и начал ее подготовку к чемпионату мира 1982 года. А за двенадцать лет руководства «Спартаком» Константин Иванович провел огромную работу по воссозданию доброго имени, приумножению чести и славы всенародно любимого футбольного клуба.

С тех пор прошло много времени. Давно ушел из жизни шеф

«Спартака» из ЦК КПСС, нет вместе с нами Бескова, братьев Старостиных. Другой стала страна, другим стал спорт в ней, иным стал футбол. Хотя и слышится на трибунах знакомое: «Спартак — чемпион!» — любимый лозунг болельщиков красно-белых, — команда эта сейчас совсем другая. Другие игроки и тренеры, другие принципы ее организации, иные мотивации в борьбе за место под солнцем у футболистов. Ведь футбол ныне — это откровенно рыночная структура, с огромным финансовым оборотом, с хозяевами — денежными воротилами, с торговлей игроками — живым товаром, с покупкой зарубежных игроков. Смотришь сейчас встречу извечных соперников — ЦСКА и «Спартака» и трудно понять, кто с кем играет: у одних — бразильцы и хорваты, у других — смесь из двунадесяти языков. О каком патриотизме здесь может идти речь? Известна цена его — сотни тысяч и миллионы долларов. Или евро.

Но это уже другая песня.

А прежняя, которую исполняли «наши ребята за ту же зарплату», ушла в невозвратное прошлое.

Наверное, не было в Советском Союзе такого человека, который бы не знал, что главное увлечение Брежнева в часы досуга — охота. При нем она стала основным видом отдыха и развлечения руководителей самого высшего ранга, на нее приглашались самые почетные зарубежные гости.

Это, конечно, было занятие не в его традиционном, «классическом» виде, не таким, каким его понимают тысячи любителей этого прекрасного вида спорта, развивающего любовь к природе, воспитывающего в человеке мужество, делающего его физически сильным и выносливым.

Для верхушки ЦК всё было просто: существовали государственные заказники, а в специально созданных охотхозяйствах содержался, подкармливался и охранялся зверь. Приличный штат егерей и обслуживающего персонала был всегда начеку, готовый в любое время к приезду высоких гостей. В охотничьей резиденции всегда было все необходимое для традиционных застолий. На лесных полянах и опушках были установлены соответственно оборудованные вышки, с которых высокопоставленные охотники из ружей и винтовок с оптическими прицелами отстреливали кабанов, лосей и других диких животных. В общем, скорее это была не охота, а хорошо отрежиссированное театральное действо, во главе которого стоял «сам».

В Завидово — охотхозяйство в Тверской области Леонид Ильич приглашал лишь очень близких людей. (По соседству, кстати, находилась и резиденция генсека. Там сегодня

располагается загородная резиденция президента России.) Для высшего руководства участие в брежневских охотах стало признаком принадлежности к тому или иному клану в руководстве страны. Каждый из них понимал: приглашение на охоту — знак особого расположения, и не все удостаиваются такой чести. Случалось, даже будучи больными, приглашенные не могли отказаться от оказанного им доверия — поохотиться в компании генерального — и мужественно скрывали свое недомогание. Исключением был, пожалуй, лишь Суслов, панически боявшийся простуды. Говорят, не любил охотиться в Завидове и Косыгин, который ездил туда с Брежневым только в «протокольных» случаях — вместе с руководителями других государств. При этом, будучи настоящим охотником, Алексей Николаевич в сопровождении лишь охраны да егеря предавался своему увлечению в охотхозяйстве «Барсуки», что в Калужской области. Не поощрял он и выездов своих подчиненных на охоту в компании с Брежневым.

…В квартире Черненко раздался телефонный звонок. К телефону подошла жена. Звонили от Брежнева, кажется, кто-то из охраны, передавали приглашение на охоту.

— Вы знаете, — отвечала Анна Дмитриевна, — Константин Устинович плохо себя чувствует. Вы как-то скажите Леониду Ильичу…

Но услышав, с кем говорит супруга, трубку взял сам Черненко:

— Да, чувствую себя неважно. Но вы про это не говорите Леониду Ильичу. Скажите, что допоздна работал, очень устал…

Просьбу Черненко передавали в точности, в этом не приходилось сомневаться. Но Брежневу был позарез нужен Черненко — для совместного отдыха. Без него ему было скучно.

Чуть позже следовал звонок от самого Брежнева. Звонил он, минуя своих помощников, похоже, с телефонного аппарата в машине, несущейся в Завидово:

— Костя, бросай работу! Тебе надо отдохнуть. Приезжай, жду!

«Косте» ничего не оставалось делать, как вставать и ехать. И это повторялось из раза в раз, как только Леонид Ильич собирался в Завидово. Частенько Черненко возвращался домой простуженным и с температурой. Но отказываться от подобных предложений было не в его правилах.

Я, конечно, вместе с ним на эти охоты не ездил — нечего на них помощникам делать, там работа в основном для охраны. Но трофейного мяса довелось отведать, и не раз.

Как-то воскресным вечером в дверь моей квартиры позвонили. На пороге стоял офицер фельдсвязи, но только не с

привычным кожаным портфельчиком в руках, а с объемистым бумажным свертком.

— Вам от Черненко… — загадочно произнес посыльный и передал довольно тяжелую посылку. Беру сверток, вношу его в кухню и разворачиваю. В пакете — шикарный кусок свежей кабанины (бывала и лосятина, всё зависело от того, на кого охотились, или кому как повезет).

— Ну как мясо? — спрашивает меня утром Черненко, пытаясь спрятать довольный взгляд. — Сам подбил… Здоровая животина была!

— Вы знаете, Константин Устинович, — признаюсь я ему, — пулю в куске обнаружил.

— Я же тебе говорю, что сам подбил, — смеется Черненко. — Вот тебе и свидетельство…

Конечно, сегодня любой желающий может насмехнуться над людьми, которые участвовали в этих охотах — мол, вот до чего дошли подчиненные Брежнева в своем подхалимстве: больные, с температурой, а отказать Леониду Ильичу не могут. Думаю, что в случаях с Черненко это было не так: Константин Устинович тоже любил побродить по лесу с ружьишком, и азарт охотника, тяга к природе брали верх, даже когда он неважно себя чувствовал.

Ну а что же касается обвинений в «подхалимстве», то полагаю, каждый из читателей может вспомнить не один случай из собственной жизни, когда нельзя было отказаться от выезда на природу или застолья, потому что на них было получено приглашение от начальства. И не следует строго судить верхние эшелоны власти, так как их представители — такие же живые люди, со своими слабостями и пристрастиями. Константин Устинович не был здесь исключением.

Когда вспоминаешь прошлое, невольно думаешь о том, можно ли было избежать трагического надлома в жизни партии после кончины Черненко, связанного с приходом к власти Горбачева. Речь идет не об обновлении, не о демократизации, не об омоложении руководства КПСС (что давно уже назрело и чего все ждали), а именно надлома, поскольку с высоты нынешнего времени отчетливо видно: ломали «архитекторы» и «прорабы перестройки» всё «до основанья», ломали не только бездумно, но и осознанно.

Понятно, что все это ушло в историю, к которой, как хорошо известно, нельзя применять сослагательного наклонения, но всё же… Всё же в критические моменты нашей истории, к сожалению, судьбы партии и страны очень часто зависели от воли случая. И поэтому невольно думаешь о том, что могло быть, если бы…

Если бы, например, преждевременная смерть не настигла

секретаря ЦК и члена Политбюро Федора Давыдовича Кулакова, который скоропостижно скончался в 1978 году в возрасте шестидесяти лет. А ведь Горбачев был избран именно на его место. Но разве сопоставимы эти две фигуры? Талантливый и перспективный, самоотверженный руководитель, Кулаков не только досконально знал все проблемы сельскохозяйственного производства — он унаследовал и привносил в работу партийной верхушки страны здоровый дух родной земли, которой посвятил всю свою жизнь. Более тринадцати лет он возглавлял в ЦК ответственный участок — осуществлял партийное руководство агропромышленным комплексом и отдал этой работе много сил, знаний и опыта.

Помню, как Черненко искренне сожалел об этой утрате. Ведь они были знакомы еще по Пензе, где в сороковых годах более трех лет вместе работали заведующими отделами обкома. Затем их пути разошлись. Черненко направили в Молдавию, а Кулаков остался в Пензе, возглавил облисполком. Позже он был заместителем министра сельского хозяйства, министром заготовок России, а позднее стал первым секретарем Ставропольского крайкома партии. Их добрые отношения продолжились и в годы совместной работы в ЦК КПСС.

И вот Кулакова нет. Но свято место, как известно, пусто не бывает. На очередном пленуме ЦК предстояло избрать нового секретаря. И, естественно, вся подготовительная работа, как было и всегда, когда дело касалось ответственных кадров, была поручена Черненко.

Весьма неожиданно для себя я оказался действующим лицом небольшой пьесы, в которой одновременно участвовали три генеральных секретаря: в то время действующий — Брежнев, будущий — Черненко и следующий за ним — Горбачев. Роль мне выпала эпизодическая, но, тем не менее, вспоминая тот эпизод, я снова думаю, что могло получиться, если бы… Но обо всем по порядку.

Как правило, накануне каждого пленума ЦК приходилось засиживаться в ЦК допоздна. Поручения могли последовать в любое время, и были они самые неожиданные.

Вот и на этот раз раздался звонок от шефа.

— Слушаю, Константин Устинович!

— Виктор, ты сможешь быстро найти Горбачева? Леонид Ильич ждет. Я должен идти с ним к Брежневу и представлять его.

— Постараюсь…

Из услышанного мне стало понятно, что Горбачева, первого секретаря Ставропольского крайкома, хотят избрать секретарем ЦК вместо недавно умершего Кулакова. Видимо, решение пришло

неожиданно, и Черненко получил распоряжение «представить» претендента «пред светлые очи», сам того не ожидая.

Но где искать Горбачева? Обычно секретари крайкомов и обкомов останавливались в гостинице, что на Арбате, в Плотниковом переулке. Звоню туда:

— Горбачева Михаила Сергеевича можно попросить к телефону?

— В город вышел, — отвечает дежурный. — Куда пошел, не сказал.

— Пусть сразу позвонит, как придет, — говорю я в трубку. — Черненко или мне.

Проходит 15–20 минут. Во второй раз звонит телефон шефа.

— Ты нашел Горбачева? — В голосе Черненко уже чувствуется недовольство.

— В гостинице нет. Ищу.

— Плохо ищешь.

Снова звоню в гостиницу. Отвечают, что Горбачев не появлялся. Обзваниваю несколько отделов ЦК — сельскохозяйственный, организационный, пропаганды…

— Нет.

— Не был.

— Не появлялся. Звоню Черненко:

— Нет его нигде, Константин Устинович. В ответ слышу раздраженное ворчание:

— Зайди!

Захожу. Сидит туча тучей.

— Где же твой Горбачев?

— К сожалению, Константин Устинович, не могу найти.

— Все проверил? У тебя больше нет каналов? Тогда так! Если за тридцать минут не найдешь его, то… То у нас есть и другие кандидатуры на секретарство.

Получается, что из-за меня человек может не стать секретарем ЦК! Бегом возвращаюсь в кабинет, хватаю аппарат ВЧ, звоню в Ставрополь — там вторым секретарем крайкома у Горбачева работает мой давний приятель по комсомолу:

— Привет, Виктор! Как дела? Давно не виделись… Слушай, есть просьба! Говорить некогда! Где найти твоего шефа в Москве? Дай все телефоны, какие можешь…

Тот смеется:

— Много не нужно. Дам один, но стопроцентный. — Диктует быстро, по памяти, я едва успеваю записать эти несчастные семь цифр. Бросаю на место трубку, хватаюсь за обычный городской, накручиваю номер, сообщенный знакомым:

— Алло!

— Здравствуйте, — отвечает женский голос.

— Можно попросить Михаила Сергеевича?

— Минуту… — Пауза продолжается несколько секунд, трубку берет мужчина.

Это не Горбачев. Голос принадлежит другому моему знакомому — Марату Васильевичу Грамову — хорошему приятелю Горбачева. Узнав, кто звонит, он подзывает его.

— Михаил Сергеевич, срочно приезжайте к Черненко. Очень важное дело…

Снова звонок от Константина Устиновича.

— Нашел?

— Нашел. Сейчас будет. Из-за стола поднял.

— Из-за стола? — не понял Черненко. — Он что? Того-этого? Везти-то его к Брежневу можно?

— Не знаю, — сказал я. — По голосу вроде ничего.

Так Горбачев, не без моих забот, стал секретарем ЦК. Кто знает, не догадался бы я позвонить на Ставрополье, поискал бы его чуть дольше — и стал бы секретарем ЦК КПСС совсем другой человек.

Конечно, все эти мои рассуждения, наверное, не очень серьезные и, во всяком случае, давно уже не имеют никакого значения. А тогда… Перед уходом домой я заглянул в приемную Черненко, и секретарь Зинаида Ивановна, многозначительно посмотрев на меня, с укором сказала:

— Вы где же, Виктор Васильевич, Горбачева такого веселенького нашли? Наверное, долго искали?

— В чем дело, Зинаида Ивановна?

Но она только улыбнулась и ничего мне не ответила.

В одном из именитых московских театров — МХАТе был подготовлен спектакль о революции по пьесе известного драматурга, но комиссия его не приняла. Камнем преткновения стал выведенный в этом спектакле образ Ленина — слишком далекий от общепринятых канонов и поэтому слишком непривычный. Выходило, будто бы и у Ленина были серьезные ошибки, а его последователи их только усугубили. Да и поднятые в пьесе другие проблемы наталкивали на определенные размышления, прямо скажем, не очень веселые. Слишком далекой оказывалась наша реальная жизнь от авторской трактовки того, что завещал Ленин своим наследникам и потомкам. Кроме того, впервые со сцены прозвучали некоторые ленинские характеристики его ближайших соратников.

Речь шла о спектакле по пьесе М. Шатрова «Так победим!», поставленном О. Ефремовым.

Сначала попытался прорваться к Брежневу обиженный

режиссер, а следом за ним — и драматург. Лично хотели объяснить Леониду Ильичу, что спектакль хороший и предложить ему самому в этом удостовериться.

Но работа аппарата выстроена так, что к Брежневу с подобными «пустяками» не прорвешься. Для приема подобных посетителей с такими вопросами есть Отдел культуры. В крайнем случае, «начальник штаба» — секретарь ЦК КПСС, он же заведующий Общим отделом Константин Устинович Черненко.

Встреча с Шатровым и Ефремовым была назначена не сразу, а через несколько дней. За это время нужно было получить о пьесе необходимую информацию, посоветоваться с людьми опытными, компетентными — как же иначе?

В назначенный срок гости из МХАТа были у Черненко, рассказали ему о спектакле и, естественно, пригласили в театр. Константин Устинович от приглашения не отказался, но идти в театр сам не собирался. Тут все дело в «политике»: приди он в театр лично, там сразу многие скажут (больше того — в газетах напишут), что на спектакле присутствовал член Политбюро, секретарь ЦК КПСС и т. д. А это, считай, уже почти что одобрение спектакля, путевка в жизнь для него.

— Ты, Виктор, как к театру относишься? — хитро спрашивает меня Черненко, когда гости ушли, и, не дожидаясь ответа, говорит: — Вот и отлично! Свяжись с Ефремовым. Известный драматург Шатров пьесу написал, «Так победим!» называется, а Ефремов ее поставил. Сходи посмотри, потом доложишь.

Не успел я вернуться в свой кабинет, как уже звонит телефон. На проводе сам Шатров:

— Виктор Васильевич, ждем вас непременно. Билетик в партер приготовлен. Четвертый ряд устроит?

Прихожу на спектакль. Шатров радуется, сажает меня рядом со своей родственницей, чтоб приглядывала, что ли? Сижу, смотрю на сцену.

Очень понравилось тогда, как Александр Калягин играл Ленина: сильно, мощно, с напором! Помню, особенно мне понравилась сцена встречи вождя революции с Армандом Хаммером.

После спектакля меня взяли под локоток и повели в режиссерскую, где был накрыт небольшой столик — немного спиртного, закуска из буфета. Кроме драматурга Шатрова и режиссера театра там никого больше не было, так что разговор, по планам его организаторов, намечался быть доверительным.

— Ну как? — спрашивает Ефремов, разливая по рюмкам коньяк.

— Мне понравилось, — честно говорю я. — Александр

Калягин хорош. Мне вообще нравится этот артист…

Ефремов довольно кивает.

— Конечно, Ленин у вас не канонический, не иконный, — продолжаю я. — Но ничего оскорбительного нет. Не знаю, что там такого страшного товарищи от культуры углядели? Похоже, перестраховываются.

Тут и Калягин в комнату заглянул. Веселый. Выпили еще по рюмке. Поговорили вчетвером, все обсудили. На следующий день прихожу к шефу, докладываю:

— Понравился мне спектакль, Константин Устинович. Особенно сцена с Хаммером. Там Ленин с молодым капиталистом очень здорово разговаривает. Да вы сами сходите как-нибудь, посмотрите.

— Как-нибудь схожу… — неопределенно отвечает Черненко и на этом считает тему исчерпанной, больше к ней не возвращается.

Сам на спектакль он не пошел, но, видимо, кому надо — сказал, что надо — сделал, на кого надо — надавил, и спектакль был выпущен. О нем в то время много писали в газетах, так как он стал заметным явлением в театральной жизни Москвы. А в 1983 году за эту пьесу М. Шатров был удостоен Государственной премии СССР.

Лишь с годами меня стали преследовать сомнения: прав ли я был тогда, может, не усмотрел что-нибудь важное? Но ведь для меня, как и для многих других партийных функционеров, только со временем стало ясно, что для либеральных кругов «очищение образа Ленина» стало лишь началом подготовки к открытию шлюза, через который на народного вождя обрушился огромной поток лжи, не ослабевающий и поныне. Тогда же все мы, жаждущие оздоровления и обновления партийно-государственной системы, верили в искренность намерений людей, обратившихся к поиску «исторической правды». Я не хочу поставить под сомнение деятельность тех или иных мастеров культуры — многие из них заблуждались искренне и только потом поняли, кому на руку их творческие искания. Но до этого всем нам пришлось пережить страшное время крушения светлых надежд, которые зарождались в начале восьмидесятых.

Как-то, уже в наши дни, мне на глаза попалась одна из поздних рецензий на пьесу «Так победим!». Ее автор, подводя итог своим размышлениям о ней, заканчивал статью словами: «Тьма сгущалась перед рассветом». Наверное, никуда не денешься от того, что для кого-то развитие событий через несколько лет после выхода спектакля, прежде всего «перестройка» и крах великой державы, воспринималось как «рассвет». Но, по-моему,

более точно передают смысл происходившего тогда другие слова: «Тьма сгущалась перед закатом».

…Черненко все же привел на спектакль Брежнева, только гораздо позже. Тогда сразу все газеты захлебнулись в восторге: «Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР..» и т. д. В общем, почтил МХАТ своим присутствием выдающийся деятель современности.

— Ну, как спектакль? — осторожно спросил я на следующий день Константина Устиновича. — Не ошибся я тогда?

— Хороший спектакль. Не ошибся.

— Леониду Ильичу понравилось? — поинтересовался я. Черненко нахмурился и довольно неприветливо буркнул:

— Мне кажется, он не понял, куда его привели. Перепутал что-то…

Глава седьмая. После Брежнева

Смена главных идеологов КПСС. Противостояние в Политбюро. Читая западных аналитиков. Время Андропова. «Хранитель партии» в опале.

Для руководства ЦК КПСС 1982 год стал особенным — в, казалось бы, монолитном Политбюро появилась трещина, возник дисбаланс сил. Все началось со смерти Суслова, который скончался в начале года, в феврале, на восьмидесятом году жизни. Идеолог-ортодокс, он 35 лет был у руля теоретической деятельности партии, всей партийно-пропагандистской работы. Свою карьеру Суслов начал еще при Сталине, став секретарем ЦК в 1947 году, и не случайно похоронили его у Кремлевской стены рядом с могилой Иосифа Виссарионовича. Преданно и старательно обосновывал он идейную непогрешимость сталинского курса. А после этого без всяких сомнений воспринял новую линию партии, проводимую Хрущевым, и внес весомый вклад в пропагандистское обеспечение его «великого десятилетия». С неменьшим рвением Михаил Андреевич руководил идеологическим фронтом в годы Брежнева.

Можно сказать, что с уходом из жизни Суслова завершалась целая эпоха в идеологической работе КПСС, характерными чертами которой стали догматический подход к освоению марксистско-ленинского наследия, стремление приспособить теорию к нуждам и прагматическим целям первых лиц партии и государства, начетничество и цитатничество.

Вставал вопрос: что же будет дальше происходить в этой важнейшей сфере деятельности КПСС, которая в конечном счете определяет всю политику и практические шаги партии? Ход развития событий пытались предугадать не только широкие круги партийных функционеров, но и работники печати, деятели искусства и культуры, творческая интеллигенция. Вполне понятен проявлявшийся ими живой интерес к тому, что будет предложено гражданам страны в качестве мировоззренческих ценностей, главных задач общественного развития и основных стимулов поступательного движения, которое на глазах теряло свои темпы. Однако со сменой главного идеолога, роль которого была возложена на Андропова, избранного после смерти Суслова секретарем ЦК и членом Политбюро, ясных ответов на этот вопрос так и не последовало.

Дело, конечно, не только в том, что бывший председатель КГБ еще не имел того веса и положения в партии, какими обладал Суслов, и некоторое время его в Политбюро заслоняла фигура

Черненко, который стал там фактически вторым лицом. Было ли Андропову по силам преодолеть инерцию представлений и мышлений его предшественников на идеологическом поприще — вот в чем главный вопрос. И однозначно на него ответить очень трудно. Во всяком случае, позднее, когда он был избран генсеком, стало ясно, что в качестве конструктивного направления движения была избрана главным образом работа с кадрами и политика «закручивания гаек».

Безусловно, была сделана попытка переосмыслить сложившиеся представления о социалистическом обществе, о сохраняющихся в нем противоречиях. Было ясно, что важнейшая работа Андропова — «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» — возникла не на пустом месте, а в результате серьезных размышлений. Но пока в ней можно было обнаружить лишь постановку задач, но не пути их решения, которые были только обозначены. Иными словами, статья, несомненно, подталкивала к размышлениям, порождала какие-то надежды и смутные ожидания, но не давала ощущения определенности. Это в полной мере относится и к выводу о том, что переворот в отношениях собственности при социализме — не одновременный акт, а превращение «моего», частнособственнического, в «наше», общее — дело непростое, длительный и многоплановый процесс.

Не было еще четкой программы действий в этом направлении и после июньского пленума ЦК КПСС 1983 года, на котором Андропов подчеркнул, что мы еще до сих пор не изучили должным образом общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Там же отмечалось, что партия вынуждена действовать эмпирически, нерациональным способом проб и ошибок, однако образ ее действий по-прежнему оставался прежним.

…Брежнев в последние месяцы своей жизни из-за плохого здоровья был вынужден работать в щадящем режиме, по два-три часа в день. Но половина даже этого времени уходила на отдых. Средства массовой информации неустанно поддерживали у народа веру в трудоспособность генсека, все время публиковали его фотографии, не исчезали со страниц центральных газет его интервью и беседы с корреспондентами, направлялись приветствия трудовым коллективам по всяким, приличествующим вниманию Леонида Ильича, случаям.

Мне кажется, что работу Политбюро не миновал бы полный паралич, если бы не Константин Устинович Черненко, а для Брежнева — по-прежнему «Костя». В этот период «Костя»

составляет распорядок дня своего шефа, планирует график его работы и отдыха. Каково состояние генсека, таков и график.

Но было бы ошибочным считать, что жизнь в стране стала замирать, наступал какой-то «застой». Страна жила в напряженном трудовом ритме. На полную мощь работали заводы и фабрики, не утихала трудовая страда на полях и фермах, строились дома и объекты соцкультбыта, не стояла на месте наука, а система народного образования по праву считалась одной из лучших в мире.

Отлаженная схема управления страной, опирающаяся на стабильность и предсказуемость любого своего звена, находилась в работоспособном состоянии и была достаточно эффективной. Как бы либеральные демократы ни порочили в конце восьмидесятых годов работников партийных и государственных органов, всё созданное позднее на руинах насильственно разваленной советской системы руководства напоминало жалкую пародию на то, что было. Консолидированные вокруг идеи разрушения, новые «управленцы» созидать что-либо так и не научились. Да и сегодня мало что изменилось к лучшему, а о масштабах невиданной в истории России коррупции мы уже упоминали.

Хочется отметить главное: что бы ни говорили, прежний партийно-бюрократический аппарат *умел работать.* Аппарат ЦК КПСС в период Черненко стал настоящим мозговым центром страны, в котором накапливалась и хранилась, в том числе и в электронной базе данных, важнейшая информация. А в наши дни, даже при самых современных информационных технологиях, вряд ли управленческий аппарат обладает такими доскональными знаниями о положении дел в стране, которыми располагал раньше главный штаб партии. Тогда при необходимости можно было в кратчайшие сроки составить детальное представление о ситуации во всех отраслях экономики, в науке и образовании, социальной жизни, вплоть до каждого района и населенного пункта, завода, совхоза, учебного заведения. Не составляло никакого труда проследить и динамику развития той или иной сферы за несколько лет или даже пятилеток.

Я далек от мысли идеализировать что-либо из прошлого. Но не дают покоя отказ от огромного опыта, накопленного в советское время, варварское к нему отношение. Несмотря на огромные проблемы, страна тогда развивалась поступательно, и тот, кто знаком с реальным положением вещей, никогда не назовет эти годы «застойными». Особенно нелепо говорить о «застое», сравнивая это время с крутым обвалом экономики и культуры в стране, случившимся в результате бездарного

правления Горбачева.

«Демократические» пропагандисты выдвинули версию, будто советская экономика жила на «нефтедолларовой игле», но такое утверждение совершенно не соответствует действительности. В 1980 году экспорт в страны, не входившие в экономическое сообщество государств социалистического лагеря, составил 34,9 миллиарда долларов, а импорт — 32 миллиарда. Потом цены на нефтяном мировом рынке стали падать, и в 1986 году экспорт в связи с этим снизился до 30 миллиардов, а импорт упал до отметки 29,4 миллиарда долларов. Для сравнения: в этот же период валовой национальный продукт СССР составил 799 миллиардов рублей, произведенный национальный доход — 587,4 миллиарда, а доходы государственного бюджета выразились в сумме 419,5 миллиарда рублей. Можно ли на этом фоне считать экспорт в 30 миллиардов рублей (заметим, что курс доллара тогда практически был равен рублю) чем-то весьма существенным, чтобы сравнивать его с иглой, держащей на себе всю экономику?

Так рассуждать, конечно, по меньшей мере, наивно. И без экспорта нефти Советский Союз снискал себе славу мощнейшей экономической державы, чей потенциал смог выдержать впоследствии много ударов, в том числе и перестройку Горбачева, и беззастенчивый грабеж страны в девяностые годы. За счет его и поныне еще держатся на плаву инфраструктура экономики, добыча нефти и газа, обороноспособность России, ее ракетно-ядерный щит. Мировой кризис со всей полнотой обнажил, что за последние два десятилетия в стране, по сути дела, ничего путного не создано — вот теперь-то она и живет только за счет торговли нефтью и газом, сидит на пресловутой «нефтедолларовой игле».

Поэтому-то ничего и не остается нынешним кремлевским идеологам и пропагандистам, кроме как искажать историю и рассказывать молодым людям байки об очередях в советских магазинах — за продовольствием, водкой, товарами первой необходимости. Да, было такое. Но не было ни одной семьи, которая бы недоедала, страдала от нехватки мясных, молочных и рыбных продуктов, потребление которых сейчас даже в сравнении с «голодными» восьмидесятыми снизилось в полтора раза и более. Итог? От дефицита качественных и натуральных продуктов питания, употребления огромного количества суррогатов, наконец, элементарного недоедания людей из малоимущих слоев население России медленно вымирает: численность ее жителей менее чем за два десятилетия сократилась на десять миллионов человек. Страна находится на пороге демографической катастрофы, наступление которой нынешний кризис может

только ускорить.

…Спокойно-размеренная жизнь в стране и стиль аппаратной работы в ЦК КПСС были нарушены смертью Брежнева. Умер он неожиданно — уснул и не проснулся. Охранники его 40 минут пытались реанимировать, но безуспешно. Если принять во внимание состояние здоровья и возраст Леонида Ильича, то выглядит странным, даже невероятным, тот факт, что в злополучную ночь на даче не оказалось даже дежурной медицинской сестры. И это притом что после обширного инфаркта в 1975 году его чудом вытащили с того света и он мог в принципе умереть в любой момент. А ведь как мне потом рассказывали люди из окружения Брежнева, опасные симптомы начали проявляться с вечера — поужинал Леонид Ильич и на боль в горле пожаловался: «Тяжело глотать…» Его спросили: «Может, вызвать врача?» Он в ответ: «Нет, не надо!» Телевизор смотреть не стал, а поднялся из-за стола и пошел спать. Утром охранники обнаружили его тело еще теплым. Умер!

В стране эту новость еще долго не сообщали. По передачам радио и телевидения можно было, конечно, догадаться о том, что произошло: музыку по всем каналам передавали торжественно-печальную, из классического репертуара. Вечером 10 ноября министр внутренних дел Щелоков, поздравляя работников милиции с профессиональным праздником, имени Брежнева ни разу не упомянул. Случай беспрецедентный. А концерт эстрадных звезд, который всегда давали по случаю праздника, не состоялся. Опустился гнетущий занавес неопределенности, хотя, конечно, многие подозревали о случившемся несчастье.

Помню, на всякий случай я позвонил в приемную и поинтересовался, не нужен ли.

— Константин Устинович тобой не интересовался, — ответил дежурный.

Я знал, что началось заседание Политбюро. Что там происходит — тайна за семью печатями! Правда, довольно скоро выяснилось, кто назначен председателем «похоронной комиссии», а он, по традиции, всегда будущий генсек. Встретил в чуть ожившем коридоре коллег — они и рассказали.

А по радио из-за рубежа свои версии спешат изложить:

«…Борьба за власть началась не в это хмурое ноябрьское утро 10 ноября, а гораздо раньше — еще при Брежневе. И рвался к ней, конечно же, Андропов. По "закону" он стать Генеральным не может — слишком далек от Брежнева. Перед ним длинная очередь секретарей ЦК, а под первым номером — Черненко. Но за Андроповым стоит не очередь из претендентов, за ним стоит Комитет государственной безопасности, который имеет досье на

каждого претендента и в нужный момент может припомнить все прегрешения перед Богом, Царем и Отечеством!..

На Черненко, похоже, в КГБ ничего нет — его нельзя опорочить! Он один из немногих членов ЦК не вовлечен ни в какую коррупцию, не берет взяток, не прелюбодействует…»

Вот такие сообщения понеслись тогда в эфир из-за рубежа, и в них уделялось тогда выигрышным качествам Черненко немало времени. Но последуем за дальнейшими рассуждениями западных комментаторов:

«Для Андропова эта черненковская "чистота" — неважное качество. Его трудно опорочить. А ведь с Брежневым, проживи он чуть дольше, эта операция прошла бы успешно: в самом начале 1982 года вокруг имени Брежнева закрутился целый ряд интригующих событий и фактов. Начали интенсивно распространяться слухи о том, что генсек резко и бесповоротно "впал в маразм", потом была произведена "утечка информации" о незаконных валютных операциях детей генсека, при этом говорилось, что они чуть ли не бегут за границу».

И пошло-поехало в том же духе. Интересно было послушать, как зарубежные голоса нагоняли страх на обывателя:

«…Еще не успело остыть тело покойного, как на отдаленных улочках Москвы загремели траками танки гвардейской Кантемировской дивизии, из кузовов крытых брезентом грузовиков посыпались на заснеженный московский асфальт солдаты дивизии госбезопасности имени Дзержинского. Их присутствие служит как бы катализатором для работы Политбюро в правильном направлении на этот час; как нам сообщают из Москвы, Политбюро расколото как минимум на два лагеря. Тихонов и Кунаев голосуют за Черненко. Устинов, Громыко и Романов — за Андропова. Кузнецов и Рашидов никак не могут занять определенной точки зрения. Кириленко и Пельше постарались отсутствовать по уважительным причинам. Щербицкий, Демичев, Пономарев и Горбачев, сперва бывшие на стороне Черненко, быстро сориентировались и встали на сторону солдат и танков, то есть Андропова…»

Нужно отдать должное западным журналистам: они умеют быстро соорудить правдоподобную информацию, да еще с множеством подробностей. Солдаты, танки, дивизии… Ничего этого, конечно, не было, хоть кого угодно в Москве спросите — никто не видел в эти дни танков, они гораздо позже в столице появились, в августе 1991-го… в октябре 1993-го. Но кое-что в этих сообщениях было похоже на истину. Например, противостояние Андропов — Черненко и анализ расклада сил. Все это было. В Политбюро активизировалась борьба за власть,

наметилось противостояние, цель которого — если не выдвинуться на самый верх, то хотя бы всеми силами попытаться сохранить свои личные позиции. Но, тем не менее, голосование на внеочередном пленуме прошло единогласно: генсеком избрали Андропова.

Юрий Владимирович, совсем недавно вырвавшийся из аппарата КГБ на простор идеологического фронта (это произошло, как мы уже знаем, менее года назад — после смерти Суслова), не был настолько сведущ во всех тонкостях аппаратных игр, чтобы свободно ориентироваться во всех их хитросплетениях. Здесь зубр — Черненко, который почти 20 лет находится в самом сердце партийной бюрократии. Конечно, вокруг Андропова много новых, свежих сил, молодых кадров, но им тоже было бы неплохо хоть немного «повариться» в этом высшем партийном котле, набраться опыта. Как ни крути, но Андропову на первое время был нужен человек, который *знал аппарат,* который умел работать и смог бы управлять деятельностью Центрального комитета. Хотя после внезапной кончины Брежнева Черненко не стал первым человеком в партии, но лишать его сразу же положения второго лица в Политбюро не имело смысла — на первых порах он был нужен как опытнейший *аппаратчик.*

Пожалуй, с самого первого дня прихода Андропова к власти ему, как свежеиспеченному генсеку, стали самое пристальное внимание уделять западные политологи-«кремленологи», а также специалисты-«советологи» из ЦРУ. Я знакомился со многими аналитическими материалами, подготовленными по зарубежным публикациям тех лет, авторами которых были известные специалисты по Советскому Союзу: Роберт Дэниелс, Северин Биалер, Джерри Хав, Стивен Коэн, Мартин Эбон, Уолтер Дакар, Арчи Браун, Роберт Сервис и ряд других. В свое время соответствующие службы КГБ постоянно анализировали и систематизировали подобные исследования и периодически информировали об этом ЦК КПСС. Эти материалы поступали к руководству ЦК через Общий отдел и конечно же мне, помощнику Черненко, были хорошо известны.

Все западные авторы, во-первых, скрупулезно наблюдали за первыми и последующими шагами Андропова как во внутренних, так и в международных делах. И это было, конечно, не случайно. Запад ждал серьезных перемен в СССР после Брежнева и конечно же определенные надежды возлагал на то, что новый генсек возглавит движение за либерализацию советского строя.

Во-вторых, знакомые нашим спецслужбам зарубежные аналитики сосредоточили внимание на биографии Андропова, на страницах его прошлой службы. Своими многочисленными

публикациями они как бы исподволь и ненавязчиво ориентировали нового руководителя партии и его «команду» на поворот политики КПСС в сторону либерально-демократических ценностей. Для примера я приведу несколько выдержек из таких публикаций, обратив внимание на то, что в них нередко упоминается и Черненко.

Так, в феврале 1983 года появилась статья в американском журнале «Харперс». В ней, в частности, говорилось, что «в ходе своей успешной борьбы за власть Андропов продемонстрировал умелое и очень циничное использование развединформации, что почти наверняка сделало его намного более серьезным противником с точки зрения Запада, чем был Брежнев».

Западные советологи отмечали быстроту, с которой Андропов сосредоточил в своих руках те должности и посты, которых так долго и трудно добивался Брежнев. Он стал Генеральным секретарем партии, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Председателем Совета безопасности и Верховным главнокомандующим вооруженными силами. Легкость, с которой он все это приобрел, была показателем не только его способности использовать власть, но и желания руководства страны и политической элиты быстрее пройти переходный период и приступить к решению накопившихся проблем.

В книге Б. Л. Прозорова «Рассекреченный Андропов: взгляд извне и изнутри» (М.: Гудок, 2004) также есть ссылки на мнения западных аналитиков. «Преимущество Андропова, — указывали они, — состояло в том, что у него была репутация сильного руководителя и человека, квалифицированно разбирающегося в сложных проблемах, — сочетание, бывшее в дефиците у других членов Политбюро. Коалиция, приведшая Андропова к власти, вероятно, включала как старых членов Политбюро, так и самых молодых членов Секретариата ЦК КПСС. Пожилые члены Политбюро, вроде министра обороны Дмитрия Устинова, из-за возраста не претендовали на высший пост в государстве, чувствовали себя более комфортно при Андропове, который имел за плечами определенный и более независимый послужной список, нежели Черненко, чья карьера заключалась в том, чтобы быть только помощником Брежнева. Позиция Устинова имела решающее значение, так как за ним были и поддержка армии, и близость к КГБ. Наиболее вероятно то, что этот фактор привел в конечном счете к полной победе Андропова».

По мнению Роберта Дэниелса, успех Андропову обеспечила не только поддерживавшая его коалиция, которая включала несколько старых членов Политбюро. Для них Андропов был человеком, сделавшим карьеру самостоятельно, в отличие от

Черненко, долгое время бывшего тенью Брежнева. Кроме того, Андропов пользовался поддержкой и более молодых членов Секретариата, которые искали такого кандидата, который, опять-таки в отличие от Черненко, хотел бы отойти от политики Брежнева и ассоциировался как со сменой стратегии, так и с сильным руководством. Дэниелс утверждал, что, по его данным, многие руководители, включая министра обороны Устинова и министра иностранных дел Громыко, были недовольны брежневской политикой безучастной констатации копившихся проблем, отсутствием действенных мер по их разрешению, что, в конце концов, и привело к экономической стагнации и повсеместной коррупции. Эти люди в Политбюро считали, что избрание Черненко было бы в русле сохранения прежней негативной тенденции. Все эти обстоятельства, безусловно, помогли Андропову сломить оппозицию со стороны Черненко. Предопределило успех борьбы Андропова за высший пост в партии и государстве его пятнадцатилетнее пребывание в КГБ.

Даже по отдельным высказываниям западных наблюдателей (а подобных публикаций в западной печати было немало) создается впечатление скоординированного выступления Запада против Черненко — «хранителя партии», которого они в обозримом будущем все-таки видели возможным кандидатом в генсеки.

Сразу же после своего избрания Андропов развернул довольно бурную деятельность. Каждую неделю — встречи, совещания, беседы на высоком уровне. До сентября 1983 года не проходило ни одной недели, ни одного дня, чтобы Андропов не встретился с кем-нибудь из партийных и государственных руководителей, директоров крупных предприятий, представителей общественности. Он все время находился на людях, все время — за столом переговоров. Стоит упомянуть и знаковую встречу с рабочими станкостроительного завода им. Орджоникидзе, на которой он изложил свою программу действий на ближайшее время и, естественно, получил полное ее одобрение со стороны трудящихся.

Но мало кто в то время знал, что Андропов был тяжело и неизлечимо болен. Выглядел он неважно, хотя на встречах с зарубежными делегациями неизменно улыбался, держал себя в руках. Его графики работы свидетельствуют о кипучей энергии — не успевала отъехать одна делегация, как наезжала другая. Все должны были обратить внимание, что к рулю государства и партии наконец-то пришел новый человек — энергичный, сильный и у него большие планы по преобразованию страны и общества.

С самого начала своего правления Юрий Владимирович решил встряхнуть страну, добиться роста показателей развития в разных сферах хозяйства, задумал ряд реформ. Надо было активизировать ЦК, расшевелить правительство, привести в действие новые силы. Но чтобы достичь всего этого, Андропову нужно было рано или поздно «задвинуть в угол» достаточно сильного, но, как он полагал, консервативного аппаратчика и бюрократа Черненко.

В чем же была сила Черненко и почему его опасался новый генсек? Константин Устинович к тому времени в значительной мере сконцентрировал в своих руках руководство экономикой и идеологией, осуществлял всеобъемлющий контроль над проводимой в партии кадровой политикой и обладал разнообразными и прочными связями внутри самого аппарата ЦК, связями, которые нарабатываются годами. Не следует забывать, что знал Черненко всевозможных тайн и секретов ничуть не меньше бывшего председателя КГБ СССР, а иногда и располагал гораздо большей, чем он, информацией. Такая уж была у него обязанность как заведующего Общим отделом ЦК — быть в курсе всех закулисных дел, в том числе и по линии КГБ. Тут уместно напомнить, что Андропов редко обращался к Брежневу напрямую, чаще действовал по официальному каналу — через Общий отдел, и лишь изредка — через подчиненную ему охрану, телохранителей Леонида Ильича.

Что надо было сделать, чтобы лишить Черненко, еще остававшегося вторым человеком в партии, той опоры, какую он имел в аппарате ЦК КПСС? Прежде всего обновить кадры, омолодить их — ведь в этом была и объективная потребность. Это Андропов прекрасно понимал, это и определило его линию на смену кадров, которую он проводил в ЦК решительно и последовательно. Из кандидатов полноправным членом Политбюро становится Гейдар Алиев, бывший руководитель КГБ Азербайджана, а значит, проверенный, свой человек. Секретарем ЦК избирается Николай Рыжков, а по степени доверия со стороны Андропова, пожалуй, всех превосходит молодой Горбачев.

Второе, и не менее важное — необходимо было лишить Черненко руководства Общим отделом. И это было сделано. Константин Устинович, став вторым человеком в партии, возглавил идеологический участок работы.

За 15 месяцев, в течение которых Андропов был у власти, Черненко появляется на людях всего несколько раз, причем такие случаи в буквальном смысле можно пересчитать по пальцам. Вот он встречает и провожает в аэропорту мозамбикскую делегацию (но в самих переговорах, кстати, не участвует). Его можно было

встретить на торжественном собрании, посвященном 165-летию со дня рождения Карла Маркса, однако на вечере в честь дня рождения Ленина, где собрались все деятели партии и государства, он отсутствует. Черненко участвует в похоронах Пельше, выступает с докладом на июньском пленуме…

На этом перечислении можно было бы поставить точку, если бы не еще одно событие. Связано оно было с избранием Андропова на президентский пост, хоть и назывался он тогда иначе. Так уж сложились обстоятельства, что без Черненко Юрий Владимирович обойтись не мог. 17 июня 1983 года на открытии сессии Верховного Совета СССР Константин Устинович выступил с очень короткой рекомендацией: «Предлагаю избрать товарища Андропова Юрия Владимировича Председателем Президиума Верховного Совета СССР..» И Андропов получает то, что ему крайне не хватает, — должность номинального руководителя государства. В этот момент он выглядит физически немощным и выступает буквально через силу. Но факт остается фактом — отныне он обладает всей полнотой власти в стране.

После этого Черненко был настолько надежно «упрятан» Андроповым, что даже не получил приглашения на проведенную с огромной помпой торжественную встречу руководства ЦК с ветеранами партии. На ней присутствовали, помимо Андропова, секретари ЦК Романов, Зимянин, Капитонов, Рыжков. За столом президиума — одна «молодежь», а открыл встречу самый молодой член Политбюро Горбачев. Именно он представил участникам встречи генсека, который стремился заручиться поддержкой ветеранов и хотел подчеркнуть, что он преемник партийной и государственной власти, наследник лучших традиций КПСС.

Вскоре Черненко и вовсе надолго исчезает из поля зрения. Куда? Он отправляется в отпуск, где так неудачно откушает копченой ставриды и надолго уляжется на излечение. А ведь как хорошо начинался тогда отдых на берегу Черного моря! Вместе с Константином Устиновичем отдыхали его жена Анна Дмитриевна, сын Владимир со своей супругой, внук Костя, которому было два с половиной года. У меня такая поездка была первой, поскольку раньше Черненко помощников «в отпуск» не брал. Сыграло свою роль то, что он собирался приступить к работе над воспоминаниями.

Запомнилось, как постоянно ворчал Черненко на своего охранника Владимира Маркина — уж слишком плотно тот его опекал, мешал вдоволь поплавать.

— Ты чего, Володька, все возле меня крутишься? Я же лучше тебя плаваю, у меня закалка — енисейская. — И снова плывет на

спине за запретные буйки.

Чувствовалось, что теплый и влажный морской воздух пошел ему на пользу: посвежел и будто помолодел Константин Устинович. И все бы хорошо, если бы в один прекрасный летний вечер ему не передали увесистый пакет рыбы. Ставрида была на удивление хороша, и угощалась ею вся семья. А ночью Константину Устиновичу стало плохо — только ему одному.

— Что же с ним произошло? — спросил я по возвращении в Москву у главного медика страны академика Чазова.

— Вирусная инфекция…

Как хочешь, так и понимай. Только здоровье Черненко оказалось настолько подорванным, что оправиться после отравления он полностью так и не смог…

…А в сентябре надолго угодил на больничную койку и Андропов. День и ночь он был связан шлангами с аппаратом «искусственная почка» и навсегда исчез с экранов телевизоров и со страниц газет. Но зато на них поочередно появляются другие — и молодые, и старые: Тихонов, Устинов, Громыко, Алиев, Горбачев, Рыжков… И ни разу не будет упомянут Черненко. Иначе как опалой это не назовешь.

Хочу подчеркнуть при этом, что ни в коем случае нельзя думать, будто Черненко был таким невниманием обижен и настроен против Андропова, из-за чего не видел необходимости изменений в жизни страны и партии, в сложившемся характере управления государством. Вовсе нет. И еще раз повторю то, о чем уже говорил в начале книги: Константин Устинович был прежде всего человеком высокого партийного долга и никогда не выдвигал свои личные амбиции или интересы на первый план — они для него мало что значили. Но его откровенно настораживали некоторые тенденции в стиле руководства Юрия Владимировича, при котором методы работы КГБ все заметнее просачивались в партийную жизнь. Это особенно стало заметно, когда начали появляться громкие дела против прежних сторонников Брежнева, его ближних.

Вызывало беспокойство и другое: многие партийцы новой волны, выдвинутые на работу в ЦК КПСС, больше всего сил тратили на освоение положенных им привилегий и использование широких возможностей для дальнейшей карьеры и безбедной жизни, которые открывали им связи в высших эшелонах власти. Они не вылезали из загранкомандировок, наводили (на всякий случай) личные контакты с различными деятелями внутри страны и лидерами зарубежных государств — короче говоря, с удовольствием примеряли на себя «бремя высокой ответственности».

Но не всё оказывалось им под силу, не всё было так легко и просто. Постепенно выяснялось, что для того, чтобы изменить к лучшему окружающую действительность или хотя бы свою личную жизнь, мало еще занимать высокий номенклатурный пост. *Аппарат,* в который пришли молодые партийцы (часто без опыта работы «на земле», в низовых партийных и государственных звеньях), жил по своим, понятным немногим законам, и его нельзя было перестроить в одночасье по чьему-то, пусть даже самому высокому, желанию. Какой вывод можно сделать из опыта того времени? Если в аппарат слишком быстро, без должного присмотра и осторожности внедряются молодые силы, то начинается их естественное отторжение. Увы, сплав опыта и молодости легко декларировать, в жизни всё гораздо сложнее.

Энтузиазм многих ветеранов Политбюро, наблюдавших за «юной порослью», сменился недовольством. Они вдруг забыли о конкуренции между собой и стали противиться такому «омоложению». Объединившись на такой «платформе», Тихонов, Кунаев, Щербицкий, Гришин, Черненко попытались, на первых порах еще тихо и тайно, а потом все более решительно, воспрепятствовать кадровой политике Андропова. И Юрий Владимирович, которого одолевала болезнь, практически ничего не смог сделать — перетряска кадров по его усмотрению закончилась на полпути к задуманному.

Здесь следует отметить, что сам Андропов, сформировавшийся на работе в КГБ, тоже очень плохо представлял себе психологию партийного аппарата, не мог предположить, что тот имеет обидчивый нрав, капризный, а порой и мстительный характер. Ни Гришин, ни Щербицкий не простили Андропову допущенной в их адрес бестактности: ведь он не пригласил их, как и Черненко, на встречу с ветеранами партии. Это не рядовое по партийным меркам мероприятие призвано было наглядно показать «старикам» и всей стране, из кого дальше будет формироваться аппарат управления партией и государством. Но Андропов забыл, очень скоро забыл о роли влиятельных людей в Политбюро, забыл о том, что получил власть благодаря их поддержке.

Стоило Андропову лечь в больницу, как перед Щербицким и Гришиным встал один-единственный вопрос: кого поддерживать дальше — Андропова? Горбачева? Черненко? Состояние действующего генсека не внушало оптимизма: было ясно, что такие болезни быстро не проходят. Даже если судьба отпустит Андропову еще несколько лет жизни, руководить партией и государством ему будет тяжело. Брежневский вариант — есть

почетный лидер, а правят бал совсем иные — за несколько лет полностью скомпрометировал себя, и его повторение исключалось. Надо было решать, к кому перейдет власть. Горбачев и Черненко были самыми вероятными кандидатами в «управляющие хозяйством».

Черненко, конечно, понятнее — он из их мира. Горбачев — человек пришлый, сравнительно недавно появившийся в Москве. Хотя первые впечатления о себе оставляет неплохие: всегда оказывается в числе тех, кто чутко и быстро реагирует на малейшие колебания атмосферы в партии, вроде бы достаточно искренен, полностью подчиняется вышестоящим директивам, покладистый.

И все же Черненко куда как надежнее — он легко просчитываем, легко прогнозируем, легко узнаваем. И, уж конечно, он бы не стал устраивать «кадровой революции» — еще год не кончился, а по стране заменено 20 процентов первых секретарей обкомов и крайкомов, 22 процента министров и почти все завотделами ЦК.

Примерно таким был расклад сил, когда завершался период короткого правления Андропова.

Глава восьмая. Бремя ответственности

Смерть Андропова. Черненко в должности генсека. Слезы в семье. Что делать с Горбачевым? Генсек без «команды». Еще раз о сослагательном наклонении.

Андропов умер 9 февраля 1984 года в люксовом отсеке кремлевской больницы. С официальными сообщениями власти медлят, и это уже становится похожим на какую-то дурную традицию. «Известия» и «Правда» помещают на первых полосах пространные отчеты о деятельности правительства, материалы подготовки к выборам, зарубежную информацию… Но вся страна о смерти Андропова узнает в тот же день.

Откуда же эта поразительно быстрая и точная информация? В первую очередь, как всегда, из зарубежных голосов, с трудом прорывающихся сквозь установленные по приказу самого Андропова мощные «глушилки». Вот она, жестокая ирония судьбы. Кажется, первой на смерть советского лидера отреагировала «Свобода», за ней — «Голос Америки», а потом эту печальную новость подхватил весь мир.

Официальное сообщение о смерти Андропова появилось в советской прессе только 11 февраля. Но это ничего не изменило в жизни миллионов людей, занятых своими повседневными заботами и делами. Только милиция в Москве была в ночь на 10-е переведена на особый режим патрулирования, да были отменены краткосрочные отпуска и выдано табельное оружие руководящим работникам силовых структур.

В Колонном зале Дома союзов начались приготовления к похоронам. Москвичи к очередным траурным мероприятиям особого любопытства не проявили — к тягостной «пятилетке пышных похорон», или «трем "п"», как окрестили первую половину восьмидесятых в народе, уже начали привыкать. Ведь перед этим, совсем недавно, ушли из жизни Суслов и Брежнев. У людей лишь вызывало некоторую досаду обилие симфонической музыки, передававшейся по телевидению и радио вместо развлекательных передач и спортивных трансляций.

Тем временем в ЦК КПСС готовились к пленуму. На места полетели из ЦК шифровки, одну из них получили в Томске, где в тот момент находился в командировке Егор Кузьмич Лигачев — секретарь ЦК КПСС, бывший в то время в дружеских отношениях с будущим генсеком Горбачевым. Однако он был уже проинформирован о всем, что произошло.

«…Меня застал, — писал Егор Кузьмич в своих мемуарах, — ночной звонок Горбачева:

— Егор! Случилась беда: умер Андропов! Срочно вылетай! Завтра же утром будь в Москве. Ты нужен здесь…»

На мой взгляд, за этим коротким эпизодом из воспоминаний Лигачева кроется весьма многое, прежде всего угадывается напряженная закулисная борьба, которая, как тогда казалось, неминуемо должна была проявиться на предстоящем пленуме. Горбачев надеялся совершить рывок во власть и спешно собирал преданные силы: в этой ситуации даже один голос мог сыграть решающую роль.

Но пленум ЦК прошел на удивление спокойно и гладко. Председатель Совета министров СССР Тихонов представил на рассмотрение присутствующих кандидатуру Черненко, и тот был единогласно избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Иногда, чтобы понять, что происходит на самом деле, гораздо важнее знать реакцию на то или иное событие в жизни государственного человека его друзей и близких, нежели официальных кругов, где всё прикрыто завесой политических условностей и недомолвок. В этом смысле упомянутый уже рассказ супруги Черненко — Анны Дмитриевны является особенно показательным и развеивает многие домыслы, связанные с избранием Константина Устиновича генсеком.

Во-первых, как она вспоминает, муж очень сильно переживал смерть Андропова: «Конечно, Андропов был очень умным человеком и руководителем высокого класса. Константин Устинович относился к нему очень уважительно, а Андропов к Черненко — настороженно».

Во-вторых, «Константин Устинович, — утверждает Анна Дмитриевна, — видел недостатки Горбачева, его скоропалительность, непродуманность в решении вопросов. И он относился к нему сдержанно. Да, помогал, наблюдал за ним, но чувствовал в Горбачеве гонор. Тот выслушает, но сделает по-своему, поэтому близких отношений между ними не было. Я была очень расстроена, когда после смерти Андропова Константина Устиновича избрали Генеральным секретарем. Я очень перепугалась, и когда муж пришел домой, сказала ему: "Что же ты наделал, как ты мог согласиться на это?!" Ведь были и другие кандидатуры — Гришин, Романов… Но больше всех рвался на этот пост Горбачев. И Константин Устинович считал, что Горбачеву еще рановато… Да, он прямо ему и сказал: "Рановато". Дескать, молод еще. В общем, я расплакалась, когда Черненко стал генсеком.

…Для его здоровья это было тяжеловато. Хотя он говорил о

том, что есть у нас молодые силы, которые потом могут стать во главе, но к ним надо присмотреться. Он болел воспалением легких, когда часто выезжал в командировки. То поломка с машиной, то еще что-то в пути, и он здорово промерзал. Да о своем здоровье он вообще не думал! Такая борьба шла кругом. На работу уходил с температурой. "Куда же ты идешь, ты же болен!" — останавливала я мужа. "Я не могу не пойти, людям же назначено". Константин Устинович работал по 14–18 часов в сутки».

…Не очень гладко прошло первое организационное заседание Политбюро. Черненко, понимая, что Горбачев, выдвинутый предшественником на высокие партийные роли, ревностно относится к своей карьере, предложил наделить Михаила Сергеевича весьма большими полномочиями:

— Пусть Михаил Сергеевич ведет заседания Секретариата. Он человек молодой, энергичный, физически крепкий…

В этом предложении Черненко было больше трезвого расчета, нежели хитроумной подоплеки: он планировал сделать из Горбачева союзника, но ни в коем случае не хотел получить в его лице противника. Однако не все члены Политбюро оказались столь благорасположенными к Горбачеву. Возразил тот же Тихонов, который совсем еще недавно, при Андропове, был накоротке с Горбачевым:

— Да Горбачев превратит заседания Секретариата в коллегию Минсельхоза. Будет вытаскивать лишь аграрные вопросы…

Тотчас посыпались и другие возражения. Но их в довольно резкой форме отмел министр обороны маршал Устинов. Он поддержал предложение Черненко, причем сделал это решительно и твердо.

— Лучшей кандидатуры не найти. Прав Константин Устинович: Горбачев молод и энергичен!

После него свои сомнения напрямую уже никто не высказывал. Правда, искусный дипломат Громыко, совсем недавно безоглядно поддерживавший молодого андроповского выдвиженца, проявил осторожность:

— Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться, а позднее к этому вопросу вернемся…

Тут я позволю себе маленькое отступление и попробую описать характер Громыко, которому суждено будет после смерти Черненко сыграть заметную, едва ли не главную роль в избрании следующего генсека. Андрей Андреевич — личность в истории Советского государства легендарная. «Дипломатическая школа Громыко», как в свое время дипломатия Молотова, была своеобразным явлением в мировой международной практике.

Человек образованный, эрудированный, доктор экономических наук, он вошел в историю как «министр-нет», был твердым, жестким, но и достаточно гибким дипломатом еще сталинской кадровой закваски.

Всегда молчаливо-замкнутый, как говорится, застегнутый на все пуговицы, в официальном общении весьма корректный, Громыко в обычной рабочей обстановке был иным — высокомерным, порой слишком упрямым и несговорчивым, нередко проявлял пренебрежение к чужому мнению. Члены Политбюро знали об этих его чертах хорошо, но не всегда умели противостоять им. Как-то я присутствовал при разговоре Брежнева с Черненко по «громкой связи». Леонид Ильич, говоря о предстоящем голосовании «вкруговую» по какому-то срочному и важному документу, наставлял Константина Усти-новича:

— Чтобы *Андруша* не упирался и не ставил «против», ты начни голосование с него. Найди подход, уговори, чтобы он не упрямился…

«Андрушей» за глаза величали Громыко в Политбюро все члены «шестерки». Его белорусское произношение некоторых русских слов так никогда до конца и не выветрилось.

Черненко, как и другие члены Политбюро, относился к нему с почтением и уважением, но особой доверительности и близости между ними никогда не было. Тем не менее они оба были удостоены Ленинской премии за совместную работу — подготовку многотомной истории советской дипломатии. Думаю, читателя может заинтересовать отрывок из книги Громыко «Памятное», чтобы понять, как строились отношения между ним и Черненко.

«К. У. Черненко, — пишет Громыко, — я знал на протяжении двадцати лет. Заслуживает, вероятно, внимания такой факт. Дня за три до кончины, почувствовав себя плохо, он позвонил мне:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо… Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку?.. Советуюсь с тобой…

Замолчал, ожидая ответа. Мой ответ был кратким, но определенным:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить?..

— Да! Спешить не надо, это было бы неоправданно, — ответил я.

Мне показалось, что он был определенно доволен моей реакцией».

Наверное, такой разговор был в действительности. Но,

откровенно говоря, комментировать этот диалог людей, давно ушедших от нас, не хотелось бы, хотя у меня его содержание вызывает горькое чувство. Он проливает свет не только на взаимоотношения Громыко и Черненко, но и дает ключ к пониманию всей атмосферы, царившей тогда в Политбюро. Лидер партии обращается к товарищу со своими сокровенными мыслями, обращается доверительно и ожидает, наверное, понимания, человеческой реакции. И слышит в ответ казенное назидание.

…А на том заседании Политбюро, где решалась судьба еще неокрепшего во власти Горбачева, несмотря на дипломатический ход Громыко, Черненко, производивший впечатление флегматика, проявил недюжинную твердость и крепость характера:

— Я все-таки настаиваю на том, чтобы вы поддержали мое предложение: доверить ведение заседаний Секретариата товарищу Горбачеву…

Произошло в конечном счете все именно так, как предложил Константин Устинович — заметим, сам предложил, никто его не принуждал к этому, и тут уж, как говорится, из песни слов не выкинешь. Возвысил он Горбачева, хотя между ними, по свидетельству многих очевидцев, никогда не было дружбы или близости. Но никто не замечал и никакой вражды, неприкрытой или замаскированной. Да ее и быть не могло в условиях аппарата, где принцип подчинения меньшинства большинству предполагал борьбу и сопротивление до известного предела. Дальше вступал в силу другой известный закон демократического централизма — решение принято, извольте его выполнять.

Естественно, Горбачев, успевший почувствовать значение колоссальной поддержки Андропова, не хотел оказаться при новом генсеке внизу иерархической лестницы, на каком-нибудь аграрно-сельскохозяйственном участке работы. К тому же уж очень ему понравилось представлять СССР в зарубежных поездках, запросто беседовать с лидерами великих государств. Страсть эта у Михаила Сергеевича возникла задолго до его избрания генсеком, да только мало на это тогда обращали внимание. Например, в 1984 году сама «железная леди» — Маргарет Тэтчер оказала ему необычайно теплый прием, явно не соответствовавший тому статусу (руководитель парламентской делегации), в котором он посетил Великобританию. Обласкала она и супругу Горбачева, а фотографию Михаила Сергеевича установила на своем рабочем столе. Этот мало чего значивший по официальным меркам визит неожиданно привлек широкое и пристальное внимание западных средств массовой информации.

Лишь через несколько лет вспомнили и о том, что еще годом

ранее Горбачев посетил Канаду и во время поездки у него были не только официальные встречи. Имел он обстоятельную и доверительную беседу с А. Н. Яковлевым, в ту пору работавшим там послом. О чем? По признанию Александра Николаевича, в Канаде они «очень откровенно разговаривали по всем делам».

Очевидно, уже тогда Запад сделал свои ставки, присмотрел *для себя* будущего генсека и хорошо знал, на каких струнах можно с ним поиграть. Не случайно Горбачев стал так падок до заморских почестей, откровенно заискивал и лебезил перед американскими и западными руководителями.

Лигачев вспоминает, как однажды, будучи уже в должности генерального секретаря, прилетел Горбачев из Италии.

«— Егор, ты знаешь, весь Рим меня провожал.

Я ему:

— Михаил Сергеевич, надо бы на Волгу съездить и в Сибирь.

А он: мол, ты опять за свое, я тебе про Италию, а ты — Сибирь! И так довольно часто бывало».

…Черненко, похоже, читал мысли Горбачева и прекрасно понимал его тревоги — ведь догадаться о том, что у него на душе, было несложно. И он решил не поступать с ним так, как совсем недавно с ним самим поступил Андропов. Он доверил ему — и настоял на этом, что гораздо труднее! — по сути, второй по значимости пост в партии. Отныне и до самой смерти Черненко Горбачев будет его правой рукой. Формально, конечно, так как для Горбачева отношения с Черненко уже не имели особого значения. Судьба Михаила Сергеевича была в значительной мере предопределена, и Константин Ус-тинович своими руками зажег ему зеленый свет: путь наверх, до поста генерального и будущего президентского кресла, был открыт.

Многие потом с удивлением припоминали, что Горбачев при Черненко продолжал успешно делать карьеру и ему никто не чинил препятствий. Действительно, Константин Устинович предпринял все для того, чтобы превратить противника, молодого и энергичного конкурента, в сподвижника, помощника, коллегу. И делал он это довольно искусно — ведь за его спиной была уникальная школа, даже не школа — настоящая академия аппаратной работы, в которой наука о том, как строить свои отношения с коллегами, всегда была одной из главных. Но кто бы тогда мог подумать, что скрывается за образом «своего парня», в котором Горбачев представал перед окружающими.

Стал ли Горбачев членом «команды Черненко», верным соратником человека, сделавшего его вторым лицом в партии? Чувствовал ли он себя, хотя бы чисто по-человечески, признательным или обязанным чем-то Константину Устиновичу?

Конечно же нет! Хорошо известно, что многие люди, которые не без основания рассчитывали на благодарность Горбачева, на его защиту и покровительство, были им преданы. Причем не только из близкого окружения — вспомним хотя бы бывшего руководителя ГДР Хонеккера, которого он сдал властям ФРГ. Черненко — не исключение.

Горбачев спешил стать *первым*. Он понимал, что время больше не работает на Черненко, что, возможно, совершенно скоро мечта его сбудется. Нетерпение овладело не только им — Раиса Максимовна была посвящена в планы мужа и примеряла на себя статус «первой леди». Сошлюсь на опубликованные воспоминания бывшего начальника охраны Брежнева генерала КГБ Владимира Медведева. Как раз в то самое время, о котором мы говорим, он получил незначительную должность (если принять во внимание, кем он был при Брежневе) охранника супруги одного из секретарей ЦК. Этим секретарем был Горбачев.

«Во время поездки в Болгарию (сентябрь 1984 года), — пишет Медведев, — у нее была своя связь с Михаилом Сергеевичем, тем не менее она спрашивала меня каждое утро:

— Какая информация из Москвы?

Она старалась выяснить новости по моим каналам, как будто чего-то ждала. Чего? Можно было лишь догадываться: тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко был неизлечимо болен…

— Все в порядке, все нормально. Ничего чрезвычайного, — отвечал я…

Последнее солнечное утро застало нас в Варне, отсюда мы должны были лететь в Софию: прибывал Горбачев. Снова, как всегда:

— Какая информация из Москвы?

Мои догадки подтвердились. В самолете в этот последний наш совместный с ней перелет Раиса Максимовна интересовалась подробностями моей службы у Брежнева, расспрашивала, как была организована охрана, кто подбирал обслугу, каков был состав обслуживающего персонала — повара, официанты, уборщицы, парковые рабочие… кто еще? Расспрашивала о структуре и взаимоотношениях охраны и обслуги.

— Возможно, к этому разговору мы еще со временем вернемся, — сказала она».

Во второй половине 1984 года Горбачев, пользуясь ухудшающимся состоянием здоровья генсека, начал постепенно брать в свои руки бразды правления не только в Секретариате, но и в Политбюро ЦК КПСС. Заметно активизировал он свое участие в международной деятельности партии, дал волю не покидающей

его страсти к заграничным командировкам. Впрочем, как позднее стало ясно, дело было не только в любви к поездкам в европейские столицы и всевозможным встречам. Он понимал, что произнесенная Маргарет Тэтчер фраза: «С этим человеком можно иметь дело» — это недвусмысленное обещание для него необычной судьбы, которое может сыграть знаковую роль в его жизни. Против покровительства западных лидеров Горбачев не только не возражал, а скорее, наоборот, лез из кожи вон, чтобы продемонстрировать свое подобострастие перед ними. Говорили, что за одну улыбку Тэтчер он готов полцарства отдать. Как выяснилось позднее, напрасно шутили. На встрече с канцлером ФРГ по проблемам воссоединения Германии он сделал поистине царственный жест, установив для немцев в качестве компенсации потерь, понесенных Советским Союзом в результате этого воссоединения, чисто символическую сумму выплат. Осчастливленные немцы за такую щедрость провозгласили его национальным героем и присвоили ему звание «Лучший немец года».

Константин Устинович, несмотря на то, что многие годы был своеобразным аккумулятором всей сложной и многогранной аппаратной работы, которая обеспечивала деятельность самого верхнего партийного эшелона, став у руля партии и государства, оказался в незавидном положении. Дело в том, что состав его команды так и не сложился, позиция ближайшего его окружения была неопределенно-выжидательной.

Ни в коем случае я не хочу брать на себя смелость судить о возможностях и способностях членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК КПСС состава 1984 года, тем более претендовать на глубину анализа их достоинств и недостатков. Хочу только заметить, что у Черненко как лидера не было реальной опоры во властной среде, не было необходимой для первого руководителя надежной группы высокопоставленных лиц, как это было, например, у его предшественников — Брежнева и Андропова. Из брежневского «ядра» к тому времени остались лишь Устинов и Громыко. Об особенностях характера последнего мы уже говорили. А вот с Устиновым у Черненко сложились теплые отношения. Только дружба с ним теперь не играла в Политбюро существенной роли, тем более что судьба уже вела отсчет последних месяцев и недель, отпущенных Дмитрию Федоровичу. Но даже будучи тяжелобольным и находясь у последней черты, Устинов за несколько дней до своей смерти, в декабре 1984 года, находил в себе силы поддержать и хоть немного приободрить больного Черненко. Такое мужество и благородство, безусловно, заслуживают уважения.

Что же касается остальных членов Политбюро, то наиболее влиятельные из них — Тихонов, Алиев, Гришин, Соломенцев, Романов — предпочитали роль, если можно так сказать, сторонних наблюдателей. При этом не нужно думать, что их позиция была следствием душевной черствости или других каких-то отрицательных качеств. Просто многие смотрели на Черненко как на временную фигуру, которой в любом случае не удастся долго удерживаться на шахматной доске, где давно уже разыгрывалась сложная комбинация. Увы, без его участия.

После неудачного летнего отдыха в 1984 году власть действительно начала валиться у него из рук. Но поддержки не было.

Ставшая в конечном счете роковой для страны цепочка ее последних руководителей «Брежнев — Андропов — Черненко — Горбачев» вызывает много вопросов. И главный из них — был ли таким уж неминуемым кадровый провал в верхних эшелонах власти? Почему в столь трудный момент, переживаемый партией, судьба вознесла на вершину властной пирамиды именно Черненко? Была ли в этом логика, и действительно ли только Горбачев мог тогда стать наследником высших партийных и государственных постов?

К сожалению, отвечая на эти вопросы, опять приходится прибегать к сослагательному наклонению — если бы… Безусловно, драматического положения с кадрами в высшем звене партии можно было бы избежать, если бы не была сломана преемственность традиций в управлении страной, обеспечивающая приход к руководству ею людей подготовленных и компетентных. Политбюро не удалось бы огородить себя непроницаемой стеной, если бы в партии не только декларировались, но и чтились ленинские принципы деятельности любых руководящих органов, предполагающие их постоянную отчетность перед широкими массами коммунистов и трудящихся, регулярное обновление, открытость для критики. Только при таких условиях можно было бы обеспечить продвижение наверх людей, действительно пользующихся доверием народа, сознающих свою ответственность перед ним, способных достойно нести бремя власти.

Были такие люди! Были они и в конце семидесятых годов, и в начале восьмидесятых. Но, к несчастью, возобладало традиционное для всей нашей истории явление, когда в трудные, переломные ее моменты будущее нашей страны очень часто зависело от воли случая.

Мы уже упоминали о преждевременной, в 60 лет, кончине талантливого руководителя Ф. Д. Кулакова. А не случись в 1978

году этого несчастья, глядишь, и не получил бы Горбачев тогда пост секретаря ЦК КПСС, а вместе с ним — и золотой ключик к дальнейшей карьере.

Опять приходит на память П. М. Машеров, работавший первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии и трагически погибший осенью 1980 года. Герой партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, он соединял в себе высокую нравственность, широкий кругозор и блестящую эрудицию, стал воплощением представлений людей о настоящем народном руководителе.

Но не только цепь трагических обстоятельств вела к непредсказуемости кадровых решений в верхнем эшелоне власти. Больше всего, конечно, на выдвижении кандидатур на ключевые посты в партии и государстве сказывались субъективизм и групповщина, процветавшие со времен Хрущева. Даже в Политбюро, как мы уже говорили, существовало «ядро», узкий круг, в который «чужие» не допускались. В результате все кадровые вопросы решались келейно, остальным оставалось только проголосовать.

В этом смысле характерны воспоминания В. И. Воротникова, в то время — председателя Совета министров РСФСР и, отметим, члена Политбюро, о том, как вопрос об избрании Черненко был предрешен на заседании Политбюро, собравшемся после смерти Андропова. «Какие и с кем были беседы по кандидатуре генсека, — пишет он, — я не знаю. Но что были — бесспорно. *Никаких контактов с другими членами Политбюро или секретарями ЦК у меня по этому поводу не было* (курсив мой. — *В. П.)*. Конечно, и я, и другие товарищи понимали, что по традиции или, вернее, по фактическому положению вторым лицом в партии реально был К. У. Черненко. В то же время сознавали, что его возраст, состояние здоровья затрудняют, если не сказать больше, активную работу на высоком посту генерального секретаря. Собственно, эти опасения потом и подтвердились. Политбюро при К. У. Черненко сбавило темпы.

Однако и альтернативы ему тогда, по сути, не было (Гришин, Кунаев, Устинов, Громыко, Тихонов, Соломенцев — всем было за 70). Моложе — Горбачев, Романов. Надо честно признать, что в то время не было уверенности, что названные выше товарищи поддержат "молодых". Да и на пленуме вряд ли они прошли бы. Хотя уже и тогда Горбачев своей активностью, напором, умением налаживать контакты с людьми выделялся из всех.

…Все до одного члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК поддержали кандидатуру К. У. Черненко на пост Генерального секретаря ЦК КПСС».

Позднее, когда в марте 1985 года на Политбюро определялась кандидатура на пост генсека после кончина Черненко, по сути дела, наблюдалась та же картина. Как вспоминает Воротников, «до заседания у меня ни с кем из товарищей никаких обсуждений, обмена мнениями о кандидатуре на пост генсека не было. Заседание проходило спокойно… никакой дискуссии не было».

Для многих людей, причастных к избранию Горбачева генеральным секретарем, многое, а может быть, и самое главное, так и осталось за занавесом.

Келейное решение кадровых вопросов приводило к тому, что многие яркие личности, едва успев заявить о себе, отодвигались в тень, на задний план, ибо создавали угрозу благополучию руководителей, нередко — весьма посредственных, но входивших в «ядро», ту или иную команду.

Например, и по своей подготовке, и по человеческим качествам выделялся среди других партийных деятелей В. И. Долгих, ставший в 48 лет секретарем ЦК КПСС, а затем — и кандидатом в члены Политбюро. За плечами у него была прекрасная управленческая школа: он в свое время возглавлял Норильский горно-металлургический комбинат, руководил Красноярским крайкомом КПСС. Но, в конце концов, Горбачев не только сумел его обойти, но и выдавил из Политбюро, отправив на пенсию в расцвете сил — не принял Долгих перестройки по-горбачевски, не мог наблюдать, как обезглавливали производство, рушили промышленность страны.

В самом начале перестройки отправили на пенсию и Г. В. Романова, перед тем беззастенчиво оболгав и скомпрометировав. Правда, проведенное расследование ничего из того, что вменялось ему в вину, не подтвердило, однако умело запущенные сплетни, касающиеся его семьи, сработали — не без помощи западных «голосов». А ведь Романов много лет успешно возглавлял Ленинградский обком партии и до прихода в Политбюро Горбачева был самым молодым его членом.

Остались «за бортом» и некоторые признанные «тяжеловесы». Некоторых из них Михаил Сергеевич сумел обойти на финишной прямой весной 1985 года. Например, В. В. Гришин, хотя и перешагнул к тому времени семидесятилетний рубеж, был для него очень серьезной помехой. Люди из близкого окружения Виктора Васильевича непременно отзывались о нем как о компетентном, порядочном и доброжелательном руководителе. Он сохранял довольно прочные позиции в Политбюро даже несмотря на то, что судебный процесс по делу начальника московской торговли Трегубова подорвал его авторитет:

заговорили о коррупции в органах столичной власти, о вольготной жизни в Москве торговых мафиози и спекулянтов, всевозможных преступных группировок. Ну и, конечно, тягостные впечатления оставила телепередача, в которой Гришин появился рядом с тяжелобольным Черненко, — надо думать, кому-то хотел показать тогда, что он является преемником Константина Устиновича.

Непросто было Горбачеву соперничать и с первым секретарем ЦК Компартии Украины, членом Политбюро В. В. Щербицким, который обладал несравнимо большим авторитетом в стране, огромным опытом управления крупнейшей союзной республикой. Но когда скончался Черненко, Владимир Васильевич оказался — поговаривали, что не случайно — в далекой заграничной командировке, в США. К заседанию Политбюро, избравшего нового генерального секретаря, он вернуться не успевал, тем более что состоялось оно через четыре часа после объявления о кончине Константина Устиновича.

…Человек оказался не на своем месте. Мы часто говорим так в тех ситуациях, с которыми сталкиваемся в повседневной жизни. Но это еще полбеды, так как последствия выдвижений некомпетентных людей на руководящие должности носят, как правило, локальный характер и чаще всего устранимы. Настоящая беда, если речь идет о кресле первого человека в государстве. Каждый такой случай — это результат отсутствия в нашей стране подлинной демократии, какой бы ширмой ни прикрывался этот изъян. Сможем ли мы когда-нибудь свою жизнь устроить так, что судьба государства не будет зависеть от случайного выбора? Вряд ли на такой вопрос кто-нибудь сможет дать вразумительный ответ.

…В последние месяцы жизни Черненко создавалось такое впечатление, что он работал в каком-то вакууме. Уже говорилось, что на посту Генерального секретаря ЦК КПСС он пробыл всего 390 дней. Все они выдались нелегкими, но каждый день из последних трех месяцев жизни Константина Устиновича был просто мучительным. В то же время создавалось впечатление, что ближайшее его окружение в высшем руководстве партии только делало вид, будто ничего особенного не происходит, и что оно с великим рвением, изо всех сил пытается помочь Черненко в ставшей непосильной для него работе. На самом же деле члены Политбюро постепенно отдалялись от него, со стороны наблюдали, как их лидер, мужественно преодолевая свои недуги, участвует всё в новых и новых акциях, которые окончательно подрывают его здоровье.

Неспроста Анна Дмитриевна со слезами встретила мужа

после избрания его Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Глава девятая. Мы и мир до перестройки

Первое испытание. У датских коммунистов. Легенда Греции — Флоракис. До последнего патрона. «Социализм по-французски». На чьей совести Афганистан? Трудный путь к разрядке. Человек, который виделся с Лениным. С открытым забралом.

Первые шаги деятельности Константина Устиновича в роли Генерального секретаря ЦК КПСС по печальной традиции были связаны с международными встречами: на похороны Андропова тогда съехались руководители многих стран. Их цель заключалась, конечно, не только в том, чтобы выразить соболезнование руководителям государства и близким усопшего. Надо было присмотреться к новому кремлевскому хозяину.

Черненко принимал соболезнования… Вице-президент США Джордж Буш, премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, президент Италии Алессандро Пертини, премьер-министр Индии Индира Ганди и многие другие зарубежные лидеры были в эти дни в Москве, почтили траурную церемонию своим присутствием. Конечно, за дипломатическим этикетом человеку, несведущему в таких делах, трудно было разглядеть что-либо, кроме скорби и печали, тем более заметить иронию в глазах особ столь значимого ранга. Но Черненко тем не менее переживал, чувствуя на себе пристальное внимание окружающих, любопытство и настороженность высоких гостей. Он понимал, что уже не молод, понимал, что не очень здоров, понимал, что могли бы стать кандидатами в генеральные секретари люди куда энергичнее его…

Смотреть на него в эти дни было нелегко — Черненко перед каждым выходом к иностранным гостям мобилизовал все внутренние силы, изо всех сил старался показать себя бодрым, энергичным лидером. Давалось ему это нелегко, если учесть, что за очень короткий промежуток времени ему пришлось приосаниваться более ста раз — столько встреч и бесед пришлось тогда провести с иностранными лидерами.

А чуть позже и на меня обрушилась гора неотложных дел. Круглые сутки я по поручению Черненко сидел за анализом зарубежной прессы и составлял подробнейшие отчеты о том, кто и как оценивает нового Генерального секретаря ЦК КПСС. Константина Устиновича интересовало по этому вопросу буквально всё: какие идут разговоры на Западе, что по этому

поводу пишут, что подметили журналисты?

К счастью, в начале 1984 года еще никто не усомнился в том, что у Черненко хватает сил для нелегкой ноши. Более того, во многих газетах писалось, что нужно считаться не только с тем или иным лидером СССР, а с самим государством, которое занимает огромную часть земного шара и при этом неплохо вооружено.

Джордж Буш обнаружил у Черненко потенциал сильного лидера и чувство юмора. Интересно, что ему сказал Черненко такого смешного? Не знаю.

Маргарет Тэтчер увидела в новом генсеке и руководителе СССР отсутствие враждебности к Западу и умение логично излагать довольно сложную советскую позицию.

Канцлер ФРГ Гельмут Коль охарактеризовал Черненко как человека, откровенно отказавшегося от пропагандистского коммунистического подтекста при беседе с ним.

Канадский и французский лидеры — Трюдо и Миттеран — в своих суждениях были очень близки: при этом руководителе возможен дальнейший диалог о разоружении, а в воздухе, наконец, повеяло демилитаризацией.

Все высказывания свидетельствовали о том, что Черненко выдержал первое испытание на прочность. Для него эти позитивные отклики заграничных лидеров имели огромное значение: он, во-первых, почувствовал некую уверенность в себе — мол, принят, не отторгнут, и, во-вторых, узнал, что от него ждут на Западе.

Это было принципиально важно в той сложной международной обстановке, которая сложилась к тому времени. Черненко предстояло вынести на себе груз тяжелых внешнеполитических проблем, который он унаследовал от своих предшественников.

Окружение генерального секретаря, а также и ведомство Громыко не без удивления обнаружили, что Черненко и международная деятельность партии не так уж несовместимы, как могло показаться на первый взгляд. Перед этим не без основания считалось, что, по большому счету, дипломатом Константин Устинович был не особенно искушенным. Да и в самом деле, где, спрашивается, ему было набраться опыта, постичь, как в свое время говорил Талейран, «искусство невозможное делать возможным»? В Общем отделе ЦК? Там он, конечно, собирал, обобщал и анализировал различную международную информацию, наиболее важные документы откладывал для доклада Леониду Ильичу. Но эти обязанности даже с большой натяжкой не отнесешь к занятиям

дипломатического характера.

Однако оказалось, что навыки международной деятельности у Черненко все-таки были. Приобрел их Константин Устинович за годы его работы в ЦК, и их вполне хватило для успешного старта в этой области уже на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.

Раньше он неоднократно выезжал в серьезные командировки за рубеж, правда, чаще — в качестве рядового члена всевозможных делегаций. Были у него и поездки, которые, безусловно, оставили глубокий след в памяти. Например, пришлось ему принимать участие в работе сессии ООН, Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в 1975 году в Хельсинки — тогда он входил в состав советской делегации вместе с Брежневым и Громыко. Он был рядом с Брежневым на крымских встречах лидеров соцстран, на советско-американской встрече в Вене в 1979 году, когда подписывали договор ОСВ-2. Но, повторюсь, в этих поездках и во время встреч он оставался на вторых ролях. В 1982 году Черненко доверили возглавлять комиссию по иностранным делам в Верховном Совете СССР, но там были специалисты и дипломаты, которые прорабатывали все вопросы, оставляя Черненко почетную должность «заседателя у микрофона».

И все же Черненко до избрания генсеком серьезно соприкасался с дипломатической сферой. Правда, впервые это произошло, когда ему было уже 65 лет, после того, как он стал секретарем ЦК КПСС, затем кандидатом в члены Политбюро и, наконец, членом Политбюро ЦК. Изменившийся статус Константина Устиновича позволял ему возглавить ряд делегаций ЦК КПСС, посещавших зарубежные государства. Во всех этих поездках мне довелось сопровождать Черненко в качестве помощника, и последующие заметки основаны на моих личных впечатлениях.

Начну с того, что каждая из зарубежных поездок убеждала меня в том, что Черненко — партийный руководитель высокого класса, умудренный опытом, талантливый организатор. Не раз я ловил себя на мысли о том, что если бы Константину Устиновичу была уготована иная судьба и ему довелось бы заниматься по заданию партии дипломатической работой, он справился бы с ней достойно.

Впервые Черненко возглавил делегацию КПСС, принимавшую участие в работе XXV съезда Компартии Дании в 1976 году. В то время организация датских коммунистов была на подъеме. Численность ее была небольшая, но она твердо и последовательно отстаивала интересы рабочих, активно сотрудничая в этой области с более влиятельными силами в лице

профсоюзов. Боевитость коммунистов в борьбе с представителями частного капитала, хозяевами предприятий импонировала широким кругам молодежи, среди которой авторитет партии был очень высок.

Председателем КП Дании был Кнуд Есперсен — человек чрезвычайно энергичный, веселый, подвижный как ртуть, жизнелюб и оптимист. В юные годы он был участником движения Сопротивления. Свой бойцовский дух он вносил и в датский парламент, депутатом которого был не один год. Вся Дания его называла не иначе как «Красный Кнуд».

Обладая незаурядным ораторским талантом, он умел пламенным словом зажечь любую аудиторию. «Красный Кнуд» на трибуне — это зрелище, какое не часто увидишь. Представьте у микрофона седоватого, спортивного сложения человека с огромными, будто искрящимися, озорными глазами. Его непокорные волосы то взлетают вверх, то прилипают к разгоряченному лбу. На трибуне ему тесно — он отбегает в сторону и вешает пиджак на спинку стула. Все равно жарко! Закатывает рукава рубахи… Энергично жестикулирует, размахивает кулаком. Он всецело отдается своей речи, живет ею, пытается донести до окружающих всесокрушающую силу слова… Так он выступал на партийном съезде с отчетным докладом.

Представлялось, что Кнуд молод и отменно здоров. А в разговоре с датчанами выяснилось, что это совсем не так — он неизлечимо болен, знает об этом и не собирается с этим мириться.

Через год с небольшим лидер датских коммунистов умер. Мне его жаль. Он был, по-моему, человеком искренним и верил в то, о чем говорил на съезде с трибуны. А говорил он о том, что рабочие должны жить достойно и пользоваться благами собственного труда, иметь все права цивилизованного общества — на отдых, труд, свободу…

На съезде коммунистов Дании выступил и Черненко. Делегаты встретили его особенно тепло и сердечно поздравили — день открытия съезда совпал с днем рождения Константина Устиновича. А вечером в советском посольстве по такому случаю был устроен прием, на котором присутствовал и Кнуд Есперсен.

Посол СССР в Дании Николай Егорычев (бывший первый секретарь Московского горкома партии) внес в комнату огромный торт с шестьюдесятью пятью зажженными свечами. Юбиляр, не обладавший мощными легкими, хоть и не с первого раза, но загасил их. Посидели, выпили, закусили, а потом вдруг оказалось, что Есперсен знает много русских песен и прекрасно исполняет их на русском языке. Мне потом рассказали, что Кнуд учился в

Москве в существовавшей когда-то Международной ленинской школе…

С именем Есперсена связана одна любопытная история, которую с позиции сегодняшнего дня можно трактовать по-разному. Было ли это помощью одной компартии другой, проявлением рабочей солидарности или умелой бизнес-операцией? Не знаю. А произошло вот что.

В один прекрасный день советскую делегацию привезли на крупную, но «не без капиталистических трудностей», судоверфь «Бурмейстер ог Вайн». Там Черненко рассказали о том, что предприятие душит капиталистический кризис, в результате чего производство приходит в упадок и всё зримее становится звериный оскал эксплуататоров, который многих рабочих сделает безработными. Профсоюзный комитет верфи совместно с рабочими-коммунистами желал узнать у представителя Коммунистической партии великого СССР господина Константина Черненко, не будет ли в СССР какого-нибудь судостроительного заказчика. Тогда бы не пришлось сворачивать производство, что предотвратило бы несчастье тысяч рабочих.

Черненко воспринял эту просьбу близко к сердцу. По возвращении он лично переговорил с Леонидом Ильичом и, получив от него «добро», вынес вопрос об оказании помощи датским рабочим на Политбюро. «Бурмейстер» получил заказ, рабочие — работу, и вскоре со стапелей в Дании сошли два сухогруза: «Известия» (назван в честь советской газеты) и «Кнуд Есперсен» (получил имя лидера датских коммунистов, к тому времени уже скончавшегося). Как видим, результаты первого серьезного международного визита Черненко в Данию оказались весомыми.

В мае 1978 года состоялась поездка Черненко в Грецию. В ранге кандидата в члены Политбюро и секретаря ЦК он возглавил делегацию КПСС на X съезде Компартии Греции. Съезд стал поистине волнующим событием для греческих коммунистов, и это не газетный штамп. Ведь впервые за 30 с лишним лет он проходил в Афинах легально. Прошедшие годы стали для партии и прогрессивных сил страны временем действительно героических испытаний, и они их достойно выдержали. Греческие коммунисты обсудили деятельность партии в период после ликвидации в стране военной диктатуры, падения семилетней диктатуры «черных полковников».

Для Черненко участие в работе съезда КПГ было памятно и тем, что здесь он познакомился и сблизился с замечательным человеком, легендарным борцом, первым секретарем ЦК КПГ Харилаосом Флоракисом.

Его биография была насыщена яркими страницами, а черты характера, необходимые пролетарскому лидеру, закалялись в смертельной схватке с фашизмом. Впрочем, подобную школу прошли тогда многие руководители европейских компартий. Еще в тридцатые годы Флоракис примкнул к рабочему движению, а коммунистом стал в 1941 году, когда вступил в греческое движение Сопротивления. Сражался он в его рядах вплоть до освобождения страны от фашистов в 1944 году.

В годы гражданской войны в Греции (1946–1949) легендарный генерал Флоракис воюет на стороне народа, командует 1-й дивизией Демократической армии. Этот первый вооруженный конфликт в Европе после Второй мировой войны закончился поражением демократических сил, что в конечном счете привело Грецию к вступлению в НАТО.

В 1954 году Флоракис был арестован и приговорен к пожизненному заключению, но в 1966-м освобожден под давлением народного движения. После военного переворота в апреле 1967 года и установления в стране диктатуры был вновь арестован и находился в заключении до апреля 1972 года.

Никогда не забуду ту атмосферу, которая царила на съезде. Революционный энтузиазм, пафос бескомпромиссной борьбы, оптимизм и вера греческих коммунистов в конечную цель этой борьбы — свою победу — никого не оставляли равнодушным. Они завораживали, передавали мощный заряд энергии не только Черненко, но и всем членам делегации КПСС. И что было особенно заметно, руководители КПГ и рядовые греческие коммунисты искренне гордились тем, что представители Компартии Советского Союза впервые участвуют в работе их съезда. Людей тогда интересовало и восхищало буквально всё, связанное с нашей страной, — и невиданные достижения СССР, и его исторический опыт, у истоков которого стоял великий Ленин.

При встречах и беседах греческие коммунисты всегда подчеркивали, что в годы фашистской оккупации, в тяжелое время гражданской войны их воодушевлял великий пример советских людей, построивших первое в мире социалистическое государство, отстоявших его в смертельной битве и проявивших при этом невиданное мужество, самоотверженность и стойкость.

В памяти у Черненко, да и у всех нас, кто был тогда с ним рядом, запечатлелся эпизод, о котором он не раз вспоминал позднее. На встрече в одной из провинций к нему подошел коммунист-ветеран, который, будучи участником партизанского движения в годы Второй мировой войны, имел несколько тяжелых ранений. В руках у него были полевые цветы.

«Эту долину, где мы с вами находимся, — сказал он, — у нас

называют партизанской. Здесь мы, греческие патриоты, плечом к плечу с русскими, бежавшими из концлагерей, били фашистов. На этой земле пролито немало крови греков и советских людей, на ней и сейчас растут эти цветы. Они нам дороже других цветов. Примите их в дар как символ нашей братской дружбы, скрепленной совместно пролитой кровью».

Такие искренние слова, пусть даже произнесенные, может быть, с излишним пафосом, вызывали у нас волнующее чувство. И, конечно, — гордость за свою великую страну, за тот безусловный авторитет, которым пользовалась КПСС у наших друзей за рубежом.

Участвуя в работе съездов коммунистов Дании и Греции, в многочисленных встречах во время их работы, Черненко, несомненно, приобретал хороший опыт международной деятельности, который со временем оказался востребованным.

То, что этот опыт приносит свои плоды, чувствовалось уже во время следующей поездки Константина Устиновича, которая состоялась в декабре 1980 года. Тогда он посетил Кубу и как глава делегации КПСС участвовал в работе II съезда кубинских коммунистов. Обстановка в мире к этому времени складывалась тревожная.

Уже прошел год, как ограниченный контингент советских войск находился в Афганистане. Молниеносного успеха, на который рассчитывало советское руководство, к сожалению, достичь не удалось, конфликт затягивался. После ввода советских войск в Афганистан администрация США отозвала договор ОСВ-2, подписанный в Вене Брежневым и Картером, из сената, который рассматривал вопрос о его ратификации. Все это порождало чрезмерную напряженность в советско-американских отношениях, с одной стороны, а с другой — стало причиной заметного охлаждения к нам большинства социалистических стран. Значительно возросла напряженность в наших отношениях с Польшей.

В этот период явно ужесточилась американская блокада Республики Куба. Американская администрация обвинила кубинцев в экспорте революции. Делегаты II съезда Компартии Кубы были взвинчены, настроены воинственно и решительно. Все были единодушны в том, что, если понадобится, они будут с оружием в руках защищать кубинскую революцию до последнего патрона. На съезде стихийно возникло движение за создание массовых территориальных формирований народной армии в защиту революции.

В стране курсировали всевозможные слухи о готовящемся покушении на лидера кубинской революции Фиделя Кастро, и

надо сказать, они имели под собой реальные основания. Позднее стало известно, что ЦРУ готовило в разные годы целый ряд покушений на Фиделя, к которым привлекались даже мафиози, например Сэм Джакан — один из бывших подручных Аль Капоне.

Служба безопасности республики принимала необходимые меры по охране лидера. Никто не должен был заранее точно знать место его пребывания. В это время Фидель, как говорили нам кубинские коллеги, не имел постоянного ночлега, систематически менял свои резиденции, а сколько их было у лидера, точно никто из наших собеседников назвать не мог. В одной из таких резиденций в ходе съезда кубинских коммунистов нашей делегации удалось побывать на встрече с Фиделем, которая состоялась глубокой ночью. Помнится, наши машины с потушенными фарами, сопровождаемые джипами и мотоциклистами, долго петляли по зарослям, ветки которых часто скользили по ветровым стеклам. Наконец головной автомобиль остановился, и в свете зажженных с двух сторон фонарей мы увидели решетку ворот и группу солдат с автоматами. Машины пропустили в ворота, и они еще довольно долго, хоть и медленно, продолжали свой путь к цели. Подъехали к невысокому особняку, с наглухо зашторенными окнами, через которые проникал неяркий свет.

Фидель встретил нашу делегацию в небольшой, слабо освещенной прихожей. Он обнялся с Черненко, крепко пожал руки членам делегации. Из официальных лиц с нашей стороны тогда присутствовали секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, посол СССР в Республике Куба В. И. Воротников, секретарь Одесского обкома партии И. П. Кириченко. Бросилась в глаза такая деталь: прежде чем пройти с нами в комнату для беседы, Фидель в прихожей снял с себя и оставил порученцу широкий кожаный пояс, на котором были закреплены две кобуры с пистолетами. Как нам потом объяснили, это был жест большого доверия к собеседникам. Все расселись за небольшим круглым столом. С кубинской стороны, кроме Фиделя и его помощника-переводчика, на встрече был его брат Рауль Кастро.

Впервые мне пришлось наблюдать так близко Фиделя — этого легендарного человека, героя-революционера, кумира молодежи шестидесятых годов. С каким упоением мы — комсомольцы тех лет приветствовали кубинскую революцию. Мы дружно пели тогда «Куба — любовь моя!», с воодушевлением повторяли слова этой песни-марша: «И говорит вдохновенно Фидель: мужество знает цель!»

Я жадно вглядывался в человека, сидевшего напротив. Широкоплечий, заметно погрузневший, с бледным лицом. Резко,

словно напоказ, проступала седина в знаменитой его бороде. И глаза… Мне всегда казалось, когда я слушал страстные выступления Фиделя, что глаза его — это постоянно пылающий пламень, способный всех зажечь вокруг себя. Но в тот раз я увидел глаза бесстрастные, холодные, безучастно смотрящие куда-то вдаль. И я понял, что передо мной человек, страшно уставший, находящийся на пределе человеческих возможностей.

В ходе беседы больше говорил Фидель. Обратили на себя внимание резкость и безапелляционность его суждений по отношению к антикубинской политике Соединенных Штатов, событий в Польше и по другим международным вопросам. Таким же, не допускающим возражения тоном он говорил и о неизменной преданности кубинцев своему верному другу — Советскому Союзу. Причем его просьбы о дополнительной экономической помощи имели такой настоятельный характер, что скорее походили на требования. Черненко в этой беседе выразил полное согласие с позицией кубинского руководителя по всем затронутым вопросам и заверил Фиделя в том, что со своей стороны мы будем и дальше крепить солидарность с кубинским народом.

А тем временем на съезде кубинских коммунистов страсти накалялись. Каждый выступавший делегат горячо поддерживал идею о военной защите кубинской революции, предлагал конкретные практические меры, обращался с просьбами к Советскому Союзу помочь с вооружением народного ополчения. На всё это надо было давать делегатам прямые и ясные, неуклончивые ответы. Но для того чтобы их сформулировать, понадобилась напряженная работа — неоднократно проводили встречи с Фиделем и другими кубинскими руководителями, консультировались с Москвой.

Черненко дважды говорил с Брежневым. И был, в конце концов, найден достойный ответ, который с восторгом встретили делегаты съезда кубинских коммунистов. Его суть заключалась в следующем: «Экспортом революции ни вы, ни мы, ни другие страны социализма не занимаются. Революции рождаются и побеждают на почве каждой данной страны в силу ее внутренних условий, а не привносятся извне. Но и экспорт контрреволюции, вмешательство извне в дела социалистических стран недопустимы. Это империалисты должны знать!»

Долго после этих слов в зале не смолкали оглушительные аплодисменты. Острота вопроса постепенно начала спадать, страсти поутихли.

Потом Черненко мне признавался, что сам он не очень был доволен этим тезисом. «Произношу эту фразу, — говорил он, — а

в голове автоматически возникает воспоминание о вводе наших войск в Прагу в 1968 году».

В феврале 1982 года проходил съезд Французской компартии, и вновь Константин Устинович возглавил делегацию КПСС. Этот факт, по сложившимся негласным канонам, должен был означать, что произошло существенное изменение его положения в руководящем ядре Политбюро ЦК. Как правило, представлять КПСС на съезде одной из крупнейших компартий капиталистических стран, а именно такой являлась ФКП, могло только первое, в крайнем случае — второе руководящее лицо в партии. Брежнев не мог поехать во Францию не только потому, что в межпартийных отношениях были налицо разногласия по ряду принципиальных вопросов. Основная причина крылась в его болезни. Тяжело болел тогда и Суслов, и нелегкая миссия «отдуваться» на съезде ФКП за руководство КПСС была возложена на Черненко. Изначально считалось, что на форуме французских коммунистов будут подняты серьезные и «неудобные» для КПСС проблемы, и эти прогнозы сбылись.

В состав нашей делегации, наряду с членами ЦК П. С. Федирко и В. Н. Голубевой, входил первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин. Он был одним из немногих работников, глубоко и хорошо понимавших процессы, происходящие в ФКП, расстановку сил в ее руководящем ядре. К тому же он был лично и довольно близко знаком со многими членами ЦК французских коммунистов, постоянно общался с ними, в том числе и в неофициальной обстановке. И, конечно, его несомненным преимуществом было свободное владение французским языком. Вот почему для Загладина дни работы съезда стали особенно напряженными. Ему приходилось прикладывать максимум усилий и дипломатического искусства, чтобы «наводить мосты» между руководством КПСС и ФКП не только по вопросам глобального характера. В ходе самого съезда возникало немало недоразумений, касающихся непосредственных контактов с руководителями Французской компартии.

Как правило, на съездах братских компартий хозяева ставили делегацию КПСС в некотором роде в привилегированное положение, относились с подчеркнутым почтением и уважением. Здесь же из 110 делегаций других партий, прибывших на съезд ФКП, отношение к представителям КПСС было довольно ординарное. В аэропорту нас встретил секретарь ЦК ФКП Максим Гремец. Он передал Черненко сожаление Ж. Марше о том, что никто из членов Политбюро ФКП больше не имеет возможности встретить делегацию КПСС, поскольку время ее прилета совпало с

очень важным заседанием.

Наша делегация была также предупреждена и о том, что на самом съезде выступления представителей других партий, в том числе, разумеется, и КПСС, не планируются, а предусмотрены они на митингах солидарности, которые будут проходить в партийных организациях в ходе съезда. Что касается приветствий братских партий съезду, то они будут оглашаться и в порядке поступления публиковаться в «Юманите».

Все эти организационные нормы, естественно, являлись прерогативой хозяев съезда. Для них они были вполне обычными рабочими моментами, можно сказать, достаточно традиционными. У нас же они вызвали определенную настороженность, и казалось, что все они в духе линии ФКП, от политики которой, как считали некоторые руководители и теоретики КПСС, «попахивало ревизионизмом». Но дело было не только в этом. К тому времени у руководства нашего ЦК было особо щепетильное отношение к чисто протокольным вопросам, оно просто благоговело перед порядком проведения всевозможных партийно-государственных процедур и ритуалов.

Правда, справедливости ради заметим, что в последующие дни делегацию КПСС и ее руководителя Черненко постоянно опекал один из старейших деятелей ФКП, член Политбюро Гастон Плиссонье. Они были одного поколения с Черненко, быстро нашли общий язык и темы для неформальных, задушевных разговоров. В то же время Жорж Марше и не пытался выказать хоть какие-то знаки особого внимания к посланцам КПСС, был подчеркнуто официален. Его встречи с Черненко были предельно краткими и носили скорее протокольный характер.

Что греха таить, визиты в такие страны, как Франция, даже на долю первых лиц ЦК КПСС выпадали нечасто. И, конечно, было очень жалко, что предельно ограниченное время той поездки не позволяло ближе и подробнее познакомиться с великой французской культурой, достопримечательностями и знаменитыми музеями страны. Как всякий русский образованный человек, Черненко обладал открытой душой, предрасположенной к восприятию ценностей иной культуры, знал и любил классическую французскую литературу, ее кинематограф.

Но все же в тот раз из жесткой программы удалось вырвать несколько часов на посещение Лувра и Дворца инвалидов, побывать на могиле Наполеона. Разволновало Константина Устиновича посещение улицы Мари Роз и ее главной достопримечательности — музея-квартиры В. И. Ленина, трогательно прошло возложение цветов у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Наш посол во Франции С. В. Червоненко

показал Константину Устиновичу ночной Монмартр. Удалось познакомиться с французской кухней, которую Черненко оценил как превосходную. Он был в общем-то человеком, не очень предрасположенным к кулинарным изыскам, заморским блюдам предпочитал капусту квашеную да пельмени сибирские, однако и устрицам французским отдал должное.

И все же в те дни никто ни на минуту не забывал о главном — о содержании работы съезда, его основных тенденциях, проявлявшихся в дискуссиях и документах. На заседаниях съезда Черненко имел возможность непосредственно убедиться не только в наличии «особой» линии французских коммунистов, которая в последние годы как у нас, так и за рубежом толковалась весьма разноречиво, но и в том, что линия эта за годы, предшествующие XXIV съезду ФКП, получила значительное развитие и углубление. Ее существо четко прослеживалось в докладе Жоржа Марше. Начинался этот доклад с известного лозунга, вывешенного в спортивном зале Сен-Дени, рабочего пригорода Парижа, где проходил съезд, — «Построим социализм всех цветов Франции». В отчетном докладе в качестве главной задачи коммунистов выдвигалось строительство «социализма по-французски» — социализма демократического и самоуправляющегося. Жорж Марше подчеркивал в докладе, что коммунисты Франции выступают против «казарменного социализма», что «социализм по-французски» — это создание такой экономики, которая бы учитывала все передовые достижения научно-технического прогресса, производила всё для французов во Франции, сохраняя и оберегая в то же время ее природные богатства.

Концепция «социализма по-французски» ориентировалась на множественность форм общественного присвоения. Считая необходимым продолжать развитие традиционных форм государственной и кооперативной собственности, французские коммунисты предусматривали создание собственности муниципальной, департаментской, региональной. Кроме того, они заявляли о своем понимании той важной роли, которую играют в жизни Франции мелкие и средние частные предприятия.

Рассуждая о том, что подлинный социализм должен быть непременно продуктом творчества широких масс, Марше заметил: «Счастье народа нельзя сделать без него, тем более вопреки ему».

Далее привожу некоторые записи из своего блокнота, которые представляют собой отдельные выдержки из отчетного доклада Марше:

— Долгое время мы верили в существование «всеобщей

модели» социализма. Но теперь мы решили этот вопрос четко: социализм не должен быть чужеродной прививкой на дереве нации…

— «Социализм цветов Франции» — это не социализм, приготовленный где-то и перекрашенный в цвета Франции…

— «Социализм по-французски» должен сохранить всё, что завоевано во Франции в области свободы… Французский социализм — это общество прав человека…

— Социализм не может быть предметом импорта…

Это, по существу, была полемика с КПСС, и полемика довольно острая. Все высказанные в Париже положения (я их привел не в полном объеме в качестве наиболее ярких примеров) в то время воспринимались в Москве неоднозначно, в основном негативно.

Черненко такую позицию руководства ФКП воспринимал непросто. Она рушила привычную мировоззренческую позицию, взгляды и убеждения, которые он столько лет старался нести в жизнь, передавать другим. Он не был готов к этому. Мешали груз годами выработанных стереотипов, устойчивая ортодоксальность мышления. Я говорю об этом, чтобы читатель понял, как тщательно и с каким волнением готовился он к выступлению на митинге солидарности в рабочем пригороде Парижа Вильжюиф. Помню, как накануне сложно рождалась и формулировалась мысль, которая в его выступлении казалась простой и понятной. «Мы глубоко убеждены, — заявил на митинге Константин Устинович, — что социализм — разумеется, в тех формах, которые соответствуют условиям и традициям каждого народа, — будет завоевывать всё новые рубежи. Будущее принадлежит тому обществу, которое служит человеку труда!» Такая фраза была предложена Загладиным в последний момент перед выступлением, и Черненко согласился с ней.

Вот так, довольно непросто, набирал Черненко необходимый опыт зарубежной деятельности. И важность приобретенных им в те годы навыков решения внешнеполитических проблем трудно переоценить, поскольку его короткое правление страной пришлось на очень сложный и бурный период международной жизни.

Так уж вышло, что поездка во Францию была последней зарубежной командировкой Черненко. В 1983 году болезнь помешала ему выехать в ГДР для участия в работе конференции, посвященной 150-летию со дня смерти К. Маркса. В ранге Генерального секретаря ЦК КПСС и позднее, когда стал он и Председателем Президиума Верховного Совета СССР, ему так и не удалось побывать ни в одной зарубежной поездке. И тем не менее

повторюсь, что предыдущий, пусть и не очень богатый, практический опыт внешнеполитической деятельности помогал найти верный подход к решению многих важных вопросов, в том числе и к проблемам внутренней политики, вырабатывать свой взгляд на многие вещи.

Опыт этот Константину Устиновичу понадобился буквально с первых дней и даже часов вступления его на пост генсека, когда резко изменился весь ритм его жизни. Такого чувства раньше не было — видно было, что он почти физически ощущал, как необыкновенно повысилась ответственность за каждое сказанное или написанное им слово, особенно когда приходилось заниматься международной проблематикой. И все же то, во что пришлось ему вникать в этот период, по своему смыслу было гораздо сложнее и тоньше, чем раньше, потому что лежало главным образом в сфере профессиональной дипломатии. Предыдущие же его зарубежные поездки, как правило, не были связаны с принятием каких-либо ответственных решений. Встречи и беседы, которые до этого проходили с участием Черненко за рубежом, носили в основном общественно-политический характер, а декларирование каких-то принципов, по сути, не влияло на взаимоотношения государств и расстановку сил в мире.

Теперь же всё поменялось. Стремительный темп развития событий требовал быстрого принятия безошибочных решений и одновременно — спокойного обдумывания каждого шага, каждого слова. Нужно было последовательно и строго проводить в жизнь внешнеполитическую стратегию партии, сформулированную ее съездами, уметь находить единственно верную для каждой ситуации тактику, корректировать ее в зависимости от обстоятельств, предвидеть ответные шаги партнеров и отыскивать ответы на них — именно так понимал Константин Устинович свои задачи на международной арене. Но времени, которого и так не хватало, стало еще куда меньше. Поэтому нередко Черненко был вынужден плыть по течению, целиком полагаясь на материалы, подготовленные МИДом, помощниками, экспертами по тем или иным международным проблемам.

Период нахождения у власти Черненко, как и время правления Андропова, отличался исключительно сложной международной атмосферой, которую нужно было как-то нормализовать. И, став генсеком, Черненко терпеливо искал пути конструктивного и реального возрождения процесса разрядки международной напряженности, который оказался под угрозой: все достигнутые соглашения с западными партнерами, казалось, свела на нет афганская война.

А ведь, несмотря на весьма противоречивую обстановку в мире, еще совсем недавно, в конце семидесятых годов, возникли достаточно веские основания надеяться, что путь к углублению политической разрядки, к перелому в сфере военной конфронтации в какой-то мере расчищен. Об этом свидетельствовала известная советско-американская встреча в Вене на высшем уровне, которая проходила в столице Австрии с 15 по 18 июня 1979 года. В состав советской делегации входил тогда и Черненко.

Главным итогом этой встречи стало подписание с Соединенными Штатами Америки Договора об ограничении стратегических и наступательных вооружений — ОСВ-2. Путь к этому событию занял почти семь лет. В результате длительных и непростых поисков взаимоприемлемых, компромиссных решений и было выработано соглашение, построенное на принципе равенства и одинаковой безопасности. Договор ОСВ-2 содержал, как тогда говорили, «взвешенный баланс интересов двух государств». У мировой общественности появились реальные надежды.

Это был важный, без преувеличения можно сказать — исторический, успех политики разрядки, определяющий вклад в который внесла конструктивная, миролюбивая внешняя политика Советского Союза, его союзников по Варшавскому договору. Это был и итог усилий многих здравомыслящих политиков Запада, в том числе американских, общественности различных стран.

Но, к сожалению, уже в самом конце семидесятых — начале восьмидесятых годов положение в мировом сообществе стало меняться не в пользу нашей страны. Наивно полагать, что только война в Афганистане и отказ американцев ратифицировать договор ОСВ-2 перечеркнули итоги советско-американской встречи в Вене и многообещающие возможности, которые они открывали.

Еще при президенте Картере, который пребывал у власти до января 1981 года, были приняты пятилетняя программа разработки новых систем оружия в США и беспрецедентно долгосрочный, рассчитанный на 15 лет, план наращивания и модернизации вооружений Североатлантического блока. При этом предусматривалось, естественно, и ежегодное увеличение военных расходов в течение всего этого периода. А затем последовало решение брюссельской сессии Совета НАТО — всего через полгода после Вены — о размещении в Западной Европе нового американского ядерного оружия средней дальности. И это тоже произошло при президенте Картере, подписавшем венские документы.

Всё это дает веские основания считать, что ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан был не причиной, а всего лишь поводом для внезапного отказа Соединенных Штатов от договора ОСВ-2 и резкого изменения ими своего внешнеполитического курса.

Известно, что только ленивый за прошедшие годы не высказал свое мнение по Афганистану. Продолжают активно обсуждать эту тему и в наши дни, хотя точки зрения на действия советского руководства три десятилетия назад и сейчас высказываются прямо противоположные. Не знаю, будет ли когда-нибудь найден в этом вопросе единый знаменатель, но тем не менее свою позицию тоже изложу.

Мои суждения складывались из той многосторонней информации, которую приходилось по долгу службы анализировать еще задолго до ввода войск и несколько лет после того, как началась эта губительная кампания. Прежде всего, и это необходимо подчеркнуть, огромное число аналитических и документальных материалов свидетельствовали о том, что Апрельская революция в Афганистане, случившаяся в 1978 году, нами не подталкивалась и непосредственного участия в ее подготовке и развитии советская сторона не принимала.

Мы имели самые общие представления о движениях «парчамистов» и «халькистов», о путаных политических платформах Тараки, а затем и Амина. Более детально мы стали вникать в обстановку, когда в Афганистане активизировались мятежные силы, получавшие поддержку извне, а правительство этой страны не однажды настойчиво просило нас о помощи. Мы несколько раз уходили от ответа на эти просьбы, но в конце концов не устояли.

Я солидарен с авторами публикаций, в которых называются конкретные лица, принявшие решение о вводе войск в Афганистан, — это Брежнев, Андропов, Громыко, Устинов. Но, на мой взгляд, здесь важен не просто перечень ответственных за этот шаг членов Политбюро. Трудно обойтись без понимания их степени влияния в этом руководящем органе партии, без знания того, за какие конкретные сферы деятельности они отвечали, на каких материалах и каким образом родилась идея и от кого она исходила. Даже для любого непосвященного человека совершенно ясно: прежде чем принять такое важное решение, необходимо иметь достоверную информацию о политическом положении, о расстановке сил в стране, о подлинном состоянии «революционного духа» афганцев и т. д. Где можно было получить наиболее исчерпывающие сведения по всем этим пунктам? Конечно, в первую очередь в ведомстве Андропова. И подобные

сведения готовились там и представлялись членам Политбюро систематически.

Не обошлось еще без одного ведомства, точнее, подразделения ЦК КПСС, которое возглавлял кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК Б. Н. Пономарев. Речь идет о Международном отделе ЦК, откуда исходили записки и документы о расстановке классовых сил в афганском обществе и о готовности трудящихся масс идти за революцией. Само собой разумеется, соответствующую информацию готовил и Генштаб. Всё это вместе взятое и послужило базой, выглядевшей внешне довольно внушительно, для оценки ситуации в целом. В конечном счете ее признали благоприятной для оказания «интернациональной помощи афганскому народу».

Эта оценка была, как показало дальнейшее развитие событий, далекой от действительности. Но военные восприняли ее как руководство к действию. Под решительным нажимом Устинова, уверявшего, что военная акция в Афганистане завершится в течение нескольких недель, роковое решение в декабре 1979 года было принято.

Без каких-либо колебаний это решение поддержал и Черненко. Впрочем, даже если бы он в то время и занимал другую позицию, то вряд ли бы смог оказать какое-то существенное влияние на мнение других членов Политбюро.

Когда многие решения Политбюро ЦК КПСС были опубликованы в открытой печати, у меня появилась возможность документально подкрепить свои предположения, не разглашая какой-либо государственной тайны.

Вот перед нами решение Политбюро ЦК КПСС № П176/125 «О вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан», которое принято 12 декабря 1979 года. Вернее, это не само решение, а его проект, написанный от руки Черненко:

«К положению в А.:

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на гг. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить тт. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе исполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. И. Брежнев».

А вот запись, сделанная Черненко по итогам обсуждения одного из докладов о ходе выполнения указанного выше постановления Политбюро:

«26 декабря 1979 г. (на даче присутствовали тт. Брежнев Л. И., Андропов Ю. В., Устинов Д. Ф., Громыко А. А, Черненко К. У).

О ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П176/125 от 12 декабря 1979 года доложили тт. Устинов, Громыко, Андропов.

Тов. Брежнев Л. И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченных товарищами на ближайшее время. Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро, тщательно продумывая каждый шаг своих действий…»

И все же, если сам факт ввода советских войск в Афганистан стал только поводом для ответных негативных действий Запада (лично я в этом не сомневаюсь), все равно это было серьезным просчетом нашего руководства во внешнеполитических делах. Последующие годы затяжной афганской войны с огромной тратой материальных ресурсов, с гибелью почти пятнадцати тысяч наших воинов оставили недобрую память о советских руководителях того времени.

Ну а как оценивать действия западных правителей? Главное, пожалуй, заключалось в том, что они шли в фарватере политиков и идеологов своих стран, силившихся доказать, будто оружие во все времена является символом надежности и безопасности нации. Отсутствие же или недостаток современного вооружения — признак слабости и бессилия. Не случайно на рубеже семидесятых-восьмидесятых годов вновь оживились «теоретики» ядерной войны, считающей ее приемлемой, если разрушительную мощь смертельного оружия ввести в какие-нибудь «ограниченные рамки».

«Уважают только сильных!» — это кредо возобладало над другими принципами, которыми руководствовались на международной арене капиталистические страны. И все же совещание в Хельсинки, завершившееся в августе 1975 года, советско-американская встреча в Вене ставили под сомнение безрассудную в ядерный век «философию войны», зарождали у народов мира надежду, что здравый смысл и реализм в конце концов одержат победу.

С первых же шагов Черненко в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС проявилась его приверженность миролюбивому курсу. Например, всего две недели спустя после избрания его генсеком он выступил перед избирателями. И сразу же затронул тему огромной ответственности государственных

руководителей в ядерный век перед людьми планеты и грядущими поколениями. Это было не просто декларирование верности советского руководства идее мира — Константин Устинович выдвинул конкретные предложения, направленные на активизирование процесса разрядки, которые на следующий же день за рубежом назвали «доктриной Черненко».

Генеральный секретарь ЦК КПСС обратился ко всем ядерным державам, приглашая их договориться о соблюдении в отношениях между собой и с другими странами определенных норм поведения, диктуемых условиями и логикой ядерного века. Вот эти «шесть пунктов Черненко»:

рассматривать предотвращение ядерной войны как главную цель своей внешней политики. Не допускать ситуаций, чреватых ядерным конфликтом. А в случае возникновения такой опасности проводить срочные консультации, чтобы не дать вспыхнуть ядерному пожару;

отказаться от пропаганды ядерной войны в любом ее варианте, глобальном либо ограниченном;

взять обязательство не применять первыми ядерного оружия;

ни при каких обстоятельствах не применять ядерного оружия против неядерных стран, на территории которых такого оружия нет. Уважать статут уже созданной и поощрять образование новых безъядерных зон в различных районах мира;

не допускать распространения ядерного оружия в любой форме; не передавать кому бы то ни было ядерного оружия или контроля над ним; не размещать его на территории стран, где его нет; не переносить гонку ядерных вооружений в новые сферы, включая космос;

шаг за шагом, на основе принципа одинаковой безопасности добиться сокращения ядерных вооружений вплоть до полной их ликвидации во всех разновидностях.

Эту программу, конечно, нельзя целиком и полностью ставить в личную заслугу Черненко, поскольку она была выработана коллективным разумом. Но нет никакого сомнения, что она полностью отвечала настроениям Константина Установича и его желанию внести свой вклад в дело разрядки. На него ложилось и основное бремя ответственности за реализацию выдвинутой доктрины.

Увы, времени для этого у него оказалось очень мало. Но все, что он мог, он делал тогда, себя не жалея. У меня сохранились рабочие записи, отражающие напряженный ритм деятельности Черненко на международном поприще. На их основании можно составить представление, насколько широк был круг проблем, которые приходилось решать генеральному секретарю. Сама

логика развития событий отводила новому руководителю партии ключевую роль в этой многогранной и напряженной работе.

Так, до конца 1984 года Черненко встречался с приезжавшими в Москву руководителями практически всех братских социалистических стран, а также компартий Греции, Португалии и Японии. Ему пришлось общаться с лидерами Эфиопии и Никарагуа, с главами государств и правительств Финляндии, Испании, Франции, Австрии, Сирии, ЙАР, Мальты, с Генеральным секретарем ООН, министром иностранных дел Великобритании, с общественными и политическими деятелями ряда стран. Кроме того, он дал несколько интервью советской и зарубежной печати, ответил на письма и послания известных на Западе противников гонки вооружений. И это — помимо повседневных, «обычных» занятий вопросами внешней политики, которые отнимали немалую часть рабочего дня Генерального секретаря ЦК КПСС.

Особое место в рабочем календаре Черненко, как я уж писал, занял февраль 1984 года. Многочисленные визиты политических деятелей Запада в Москву, интервью советским и иностранным корреспондентам по самым острым вопросам внешней политики, публичные выступления и речи на «протокольных» приемах и обедах — лишь малая часть того, чем приходилось тогда заниматься. Важно было не потонуть в этой текучке, продумать порядок и очередность стоящих задач, характер и направленность работы по их решению, конечная цель которой — добиться перелома в развитии международных событий.

Допущенные ранее советским руководством ошибки и просчеты, как бы тяжелы они ни были, не меняли социалистической сути внешней политики Советского государства, которая изначально была гуманистической и миролюбивой. Поэтому в первых же своих публичных заявлениях Черненко сделал акцент на преемственности внешнеполитической линии, которую проводили его предшественники — Брежнев и Андропов. Чуть позже он более детально разъяснил, как понимает эту преемственность. Мы должны, подчеркивал Константин Устинович в своем выступлении перед избирателями, делать все от нас зависящее, чтобы предотвратить ядерную катастрофу. А это значит — двигаться по пути равноправного сотрудничества государств на началах мирного сосуществования. В этом духе надо действовать сообща со всеми политическими и общественными силами, со всеми правительствами, которые преследуют те же цели.

Одним из самых важных элементов преемственности советской внешней политики Черненко считал ее реализм. Суть

его, по его мнению, заключается в том, чтобы побудить все правительства перейти к политике здравого смысла, делового взаимодействия.

Конечно, отдельные его заявления того времени звучали довольно декларативно, и их практическая ценность была не столь высока, как хотелось бы. Но ведь оценивать значение провозглашавшихся внешнеполитических принципов следует с позиций развития событий именно на тот момент. Вспомним начало 1984 года. Обстановка внушала тогда обоснованную тревогу: гонка вооружений вступала в новую фазу. Белый дом, а под его нажимом и многие американские партнеры по НАТО явно стремились не просто заморозить процессы разрядки, но и перечеркнуть их, взяв курс на жесткую конфронтацию с Советским Союзом. Вот почему мировая общественность с большим вниманием встретила публичное заявление нового Генерального секретаря ЦК КПСС, в котором он подчеркнул, что рассматривает восстановление атмосферы международного доверия как острую необходимость. Свою главную задачу он видит в том, чтобы привести в движение процесс разрядки.

В этом смысле большое значение в 1984 году имели переговоры Черненко с президентом Франции Миттераном. Их итоги показали, что существуют реальные возможности для расширения и углубления не только советско-французских экономических связей, научно-технических и культурных обменов, но и всего внешнеполитического сотрудничества наших стран. Это было тем более важно, что создавало предпосылки для дальнейшей активизации политики разрядки, борьбы за укрепление мира и безопасности в Европе и во всем мире.

И раньше, в семидесятые годы, взаимодействие СССР и Франции заметно влияло на благоприятное развитие событий в мире, способствовало утверждению разрядки. Черненко в ходе переговоров откровенно сказал Франсуа Миттерану: «Советский Союз, в том, что касается Франции, руководствуется не конъюнктурными соображениями, а тем, что сближает французский и советский народы. Мы придаем первостепенное значение поддержанию большей стабильности в советско-французских отношениях, ибо помимо взаимной выгоды это может принести сегодня немалую пользу упрочению международной безопасности, способствовать возрождению разрядки». И Миттеран, в свою очередь, выразил полное согласие с позицией советской стороны.

На протяжении всего 1984 года мы делали попытки восстановить деловые отношения, навести мосты с ведущими странами Запада, взяв за основу проблемы обуздания гонки

вооружений. Весьма характерны в этом смысле были беседы К. У. Черненко с Гансом Йоханом Фогелем, председателем Социал-демократической партии Германии, и Нилом Кинноком, лидером Лейбористской партии Великобритании. И в том и в другом случае он старался убедить своих собеседников в том, что как советско-западногерманские, так и советско-английские отношения нельзя рассматривать в отрыве от политики ФРГ и Великобритании в вопросах разоружения.

Постепенно линия на восстановление взаимопонимания с ведущими странами Запада стала приносить свои плоды. До радикального перелома в развитии мировых событий было, конечно, далеко, но результаты визитов в Москву государственных деятелей Запада, их бесед с Черненко обнадеживали, показывали всем, кто хотел это видеть: такой перелом возможен, и Советский Союз делает все ради того, чтобы он стал реальностью.

Выступая за возрождение разрядки, новое советское руководство отдавало себе отчет, что очень не просто будет вернуться к тому, что было начато в семидесятых годах. Следовало извлечь урок из опыта прошедшего десятилетия — и положительного, и отрицательного. А он состоял прежде всего в том, что политическое сотрудничество может успешно развиваться лишь на основе неуклонного, шаг за шагом, сокращения военных потенциалов, реального разоружения. Но вот здесь концы с концами у нас не совсем сходились. Мы всё более и более втягивались в афганскую войну и не предпринимали реальных мер по свертыванию нашего участия в ней. В этом направлении Черненко, к сожалению, решительных шагов не делал, полагаясь во всем на Устинова и Громыко. И в этом, я думаю, была самая существенная слабость его позиции.

Конечно, в любом случае за год работы, пусть даже самой напряженной, нельзя резко переломить тенденцию к росту международной напряженности. И все же в этом направлении было кое-что сделано, если сравнивать с положением, которое сложилось на международной арене к февралю 1984 года. Ведь к тому времени США от разговоров стали переходить к практической подготовке милитаризации космоса, что могло создать новую, чудовищно опасную ситуацию, чреватую самыми непредсказуемыми последствиями. Всего лишь за год до этого президент США Рональд Рейган объявил о принятии долгосрочной программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, известной под названием «Стратегическая оборонная инициатива». Форсированное создание системы СОИ положило бы конец процессу ограничения и сокращения ядерных

вооружений, стало бы катализатором бесконтрольного наращивания военных потенциалов по всем направлениям.

Нужны были выдержка, умение отыскать возможный выход из сложившегося положения, чтобы сдвинуть с мертвой точки решение ключевой задачи — остановить гонку вооружений. Этот выход виделся в новом подходе к советско-американским отношениям. Однако в США еще осенью 1984 года либо не хотели, либо не готовы были понять, что иного разумного пути, чем нормализация этих отношений на принципах равенства, взаимной безопасности, — нет. Правда, первые подвижки в этом направлении все же делались и с их стороны.

В этом смысле определенное значение имела встреча Черненко с известным американским бизнесменом Армандом Хаммером, состоявшаяся 4 декабря 1984 года. Впоследствии доктор Хаммер подробно описал беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС в своих воспоминаниях, вышедших в свет в 1988 году. Эти воспоминания были опубликованы в восьмом номере журнала «Знамя» за 1989 год. Привожу здесь отрывок из них, непосредственно касающийся состоявшейся в Москве встречи:

«…Она была назначена на полдень. Я старался сосредоточиться в ожидании предстоящего разговора. Судьба предоставила мне возможность, которую я не должен был упустить. В течение десяти месяцев со дня смерти Андропова и после короткой встречи Черненко с вице-президентом Джорджем Бушем в день похорон ни один американец, кроме нескольких журналистов, не встречался с новым Генеральным секретарем. Да и их разговоры в основном состояли в зачитывании заранее приготовленных ответов на предварительно полученные вопросы. Сам Черненко не встречался с американцами со времен внушительной победы президента Рейгана на ноябрьских выборах.

В это время отношения между Америкой и СССР были хуже, чем когда-либо в течение шестидесяти пяти лет, с тех пор как я впервые приехал в Советскую Россию. Обе стороны называли друг друга "империей зла". Было необходимо снова начать диалог, без промедления провести встречу на высшем уровне в надежде, что при личном общении Черненко и Рейган проявят теплоту, которая поможет растопить лед в отношениях между нашими странами.

Начиная с Ленина и кончая Брежневым, мои встречи с главами Советского государства всегда проходили в кабинете Генерального секретаря в Кремле. Поэтому я рассматривал как оказанную мне честь тот факт, что Черненко решил встретиться

со мной не в кремлевском кабинете, предназначенном для официальных приемов, а на своем рабочем месте.

Когда двери открылись, я с интересом окинул взглядом огромную комнату, в которой меня ожидал новый руководитель СССР, один из самых влиятельных людей на Земле. Естественно, мне хотелось знать, правду ли говорят, что он больной человек. Он легко поднялся из-за стола, стоявшего в другом конце комнаты, и пошел мне навстречу, улыбаясь и протягивая руку для теплого, уверенного и сильного рукопожатия. Его слегка порозовевшее от волнения лицо и уверенные манеры не имели ничего общего с бледной, немощной фигурой, которую нам показывали по телевизору…

Я принес с собой подарок — письмо в кожаном переплете, которое Карл Маркс написал министру внутренних дел Великобритании лорду Абердеру в июле 1871 года в Лондоне. Это письмо было одним из документов, которые Маркс передал министру внутренних дел для создания штаба Коммунистического Интернационала в Лондоне. Преследуемый во Франции Маркс добивался права жительства в Англии. В письме была ссылка на корреспонденцию между Марксом и Авраамом Линкольном, в которой Маркс поздравлял Линкольна в связи с его переизбранием и освобождением рабов. Мне посчастливилось приобрести это письмо на аукционе "Сотби" в Лондоне в мае 1984 года.

Теперь я подарил это письмо Черненко.

Он похвалил мои усилия, "направленные на развитие сотрудничества", а затем сказал:

— Сегодня важнее всего найти практические пути предотвращения атомной катастрофы во всем мире. Я подчеркиваю — практические пути! В мире достаточно общих заверений о доброй воле… Чтобы действительно добиться разоружения, надо, засучив рукава, браться за дело и подготовить конкретные предложения.

Это прямо касалось меня: я привез с собой конкретные предложения.

Когда Черненко закончил читать свое заявление, он снял очки и отложил в сторону бумагу. Настала моя очередь:

— Господин Генеральный секретарь! В этом году в интервью в "Вашингтон пост" вы сказали, что СССР несколько раз призывал Вашингтон последовать его примеру и обещать, что не применит первым ядерное оружие. Если Вашингтон согласится дать вам такое обещание… готовы ли вы… также обещать не применять первыми ядерное оружие?

— Как вы знаете, — сказал Черненко после весьма

продолжительной паузы, — мы сделали это предложение более двух лет назад… Я повторил его для "Вашингтон пост" и телекомпании "Эн-би-си". Однако каждый раз, как мы даем подобное обещание, мы получаем отрицательный ответ от американского президента…

Я прервал переводчика и заговорил по-русски:

— Господин Черненко! Естественно, Америка будет придерживаться такой позиции, ведь вы обладаете куда большими запасами обычных вооружений…

— Предположим, что было бы наоборот… — прервал он меня. — Предположим, США сказали бы нам: "Мы готовы!", а я бы ответил: "Нас это не устраивает". Представляете, какой шум бы поднялся во всем мире: "Вот, СССР первым хочет применить ядерное оружие…"

Теперь переводчик стал нам не нужен. Мы прекрасно понимали друг друга. Разговор перетек в непринужденное русло. Я почувствовал большую уверенность и заговорил свободнее. Я старался убедить Черненко как можно скорее встретиться с Рейганом и не допускать больше в отношениях между нашими странами никаких проволочек из-за пререканий по поводу количества вооружений.

Черненко слушал меня с большим вниманием, не прерывая и не возражая.

— Мне было бы интересно узнать реакцию президента Рейгана, — сказал он в конце беседы, и я воспринял это как знак того, что при правильной подготовке можно решить и эту очень сложную международную проблему.

Интервью продолжалось уже больше часа, однако Черненко не проявлял признаков нетерпения вернуться к своим делам и его интерес к нашему разговору не уменьшался. Я почти закончил обсуждение вопросов, список которых составил перед встречей. Я выразил надежду на восстановление культурного обмена между США и СССР и сказал, что всё еще надеюсь организовать выставки картин Эрмитажа и Пушкинского музея в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, попросив оказать мне в этом деле помощь. Он обещал ознакомиться с этим вопросом.

Пришло время прощаться. Я заверил, что передам содержание нашего разговора Белому дому. "Я всегда готов немедленно приехать в Москву, если вы сочтете, что я могу быть полезным", — сказал я.

"А теперь я хочу сделать подарок вам", — сказал Черненко. Он обошел стол и подал мне громадный пакет в половину моего роста. Я долго возился с лентами и бумагой, пока, наконец, открыл коробку. В ней находилась великолепная ваза,

украшенная прекрасной пасторальной сценой ручной росписи. Эта ваза была копией вазы, заказанной царем Николаем I на Российской императорской фарфоровой фабрике, одним из тех произведений искусства, которые я покупал в Москве в двадцатые годы.

Видя, как я доволен, Черненко просиял и обнял меня. Отношения между нами становились все теплее и казались началом настоящей дружбы. В то время я не мог знать, что эта моя встреча с Константином Черненко будет последней и ему никогда не доведется встретиться с президентом Рейганом».

Описывая в своей книге эту встречу, состоявшуюся всего за несколько месяцев до смерти Генерального секретаря ЦК КПСС, Арманд Хаммер по-человечески тепло отозвался о Черненко. Но писал-то он эту книгу, отнюдь не движимый желанием угодить кому-нибудь или подсластить горькую пилюлю. Хаммер — американец! Они, как правило, не кривят душой перед читателями — репутация дороже.

И еще: эта книга вышла много позже смерти Черненко, когда в России уже наступило время сноса памятников и бюстов, срыва со стен мемориальных досок.

Значит, сумел американский миллиардер разглядеть в лидере СССР нечто такое, что проскочило мимо доморощенных политиков и журналистов.

Помню, как несколько дней Черненко находился под впечатлением от этой встречи. Он был до некоторой степени очарован Хаммером. Завидовал его бодрости и энергии — в куда более преклонные, нежели у него самого, годы.

Черненко с восхищением говорил о Хаммере: «Надо же, с самим Лениным виделся…»

Перспективы советско-американских отношений в решающей мере зависели от того, будут или не будут за океаном сделаны реальные шаги к подготовке сокращения гонки вооружений, отказу от планов военного превосходства над СССР. Именно поэтому руководство Советского Союза предприняло большие усилия, чтобы склонить США к согласию начать переговоры по космическому и ядерному вооружению.

И реальные сдвиги произошли: в марте 1985 года начались советско-американские переговоры в Женеве. Предметом их стал целый комплекс вопросов, касающихся космических и ядерных (стратегических и средней дальности) вооружений. Цель, к которой стремились стороны, — выработка эффективных договоренностей, направленных на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на Земле, на укрепление стратегической стабильности. Путь к Женевским переговорам был

долог и тернист. Но, думается, не будет преувеличением сказать, что именно тогда в фундамент новых советско-американских отношений были заложены первые камни. К сожалению, после смерти Константина Устиновича его «преемник» на посту генерального секретаря умудрился разрушить и эту важную конструкцию, поставил великую державу в унизительную зависимость от политики США и их западноевропейских партнеров.

Будем реально смотреть на вещи: Черненко как Генеральный секретарь ЦК КПСС, как Председатель Президиума Верховного Совета СССР не внес решительного поворота в ход внешней политики нашей страны. Просто, видимо, не смог за такой короткий срок. Но его кредо было четким и ясным — он был одним из горячих приверженцев советской концепции мира, которую всегда отличал открытый, конструктивный характер. Она никогда не была ни жесткой, ни бескомпромиссной.

Добиваясь радикального оздоровления международной атмосферы, выдвигая конкретные предложения, Черненко настойчиво доказывал, что Советский Союз не ставит ультиматумов, он вовсе не хочет сказать: или так, или никак. Напротив, заявляя о своей искренней готовности обсудить любые проекты и инициативы, СССР готов всегда внести в свои собственные предложения любые поправки и изменения. При этом необходимо соблюдать только одно, совершенно оправданное и естественное условие: наши партнеры также должны исходить из понимания необходимости упрочения всеобщего мира и безопасности, делом способствовать достижению этой цели. Черненко приглашал к диалогу, к честным и разумным переговорам.

Что подкупало всех руководителей западных держав и социалистических государств, провозглашаемые нашей страной внешнеполитические принципы он исповедовал совершенно искренне.

Глава десятая. Вымыслы и действительность

«Застой»: два взгляда на проблему. Противник перестройки. Андропов — Черненко: к вопросу о противостоянии. Планы и возможности. В поисках популярности. Реформа народного образования. Дети должны быть счастливы. К истории «сухого закона». Черненко как публицист. Взгляд Арбатова.

Как многие считают, со смертью Черненко пришел конец эпохе «застоя». По их мнению, иного и быть не могло. При этом нам постоянно напоминают, что возглавил Черненко партию, будучи больным, в преклонном возрасте, да и по своим личным качествам, сформированным на чисто аппаратных должностях, он не мог постичь сложную науку управления огромной державой. К тому же ему трудно было контролировать положение в стране и потому, что к моменту избрания его генсеком атмосфера в обществе якобы была раскалена до предела и в стране сложилось положение, удивительно напоминающее революционную ситуацию, когда «низы не хотят» жить по-старому, а «верхи не могут» больше управлять государством.

Иллюстрациями к такому утверждению, как правило, служат рассказы о пустых полках магазинов и бесконечных очередях за колбасой и водкой. Правда, при этом почему-то не говорится о том, что, несмотря на имевшиеся проблемы со снабжением и работой предприятий розничной торговли, из холодильников самых что ни на есть простых граждан практически никогда не исчезали ни колбаса, ни мясо. Не имели они больших проблем и с другими продовольственными товарами, потому что почти все продукты питания были для них совершенно доступными. И даже попытки Горбачева претворить в жизнь свои путаные планы не помешали к концу восьмидесятых годов тому, что питание населения страны по своим качественным и количественным показателям вплотную приблизилось к международным медицинским нормам, а мясо-молочных продуктов на душу населения употреблялось в полтора-два раза больше, чем в нынешней, «процветающей» России. По этому показателю СССР занимал одно из ведущих мест в мире.

Огромным достижением социализма был равный доступ всех граждан страны к общественным фондам потребления, на которые направлялась огромная часть государственного бюджета в виде расходов на социальное обеспечение, просвещение,

здравоохранение, физическую культуру. С учетом нынешней ситуации уместно напомнить о том, что подавляющее большинство основных видов лекарств производилось внутри страны, и стоили они копейки. Улучшалась обеспеченность людей жильем, которое было бесплатным, так же как были бесплатными образование и медицина: за четыре года пятилетки (1981–1984) жилищные условия улучшили 40 миллионов человек.

А что касается внутриполитической обстановки, то, при всех иронично-критических настроениях населения к руководящей верхушке КПСС, в стране царила стабильность и людей никогда не покидала уверенность в завтрашнем дне, залогом которой выступали предоставленные им государством социальные гарантии.

К сожалению, история конца семидесятых — первой половины восьмидесятых годов, как и весь советский период, была подвержена грубой фальсификации со стороны «архитекторов» и «прорабов» перестройки, которые в первую очередь должны нести ответственность за бедственное положение страны, сложившееся к началу девяностых. Очень быстро они «забыли», что настоящий обвал экономики начался не с тех проблем, которые испытывала социалистическая экономика, а с принятием весной 1988 года под их давлением Закона «О кооперации в СССР». Именно под флагом кооперативного движения развернулось реальное наступление на социализм. Подавляющее большинство созданных кооперативов паразитировало на теле государственных предприятий, не создавая никаких материальных ценностей.

Так начиналась невиданная по своему цинизму и размаху перекачка государственных средств в частный сектор, носившая в большинстве случаев откровенно противозаконный характер. Другими словами, пошел фактически открытый процесс ограбления государства, что привело к созданию над потребительским рынком огромного рублевого навеса — денежной массы, не находящей себе применения ни в сфере обращения, ни в сфере производства. Обрушение этого навеса стало главной причиной возникновения чудовищного дефицита, введения талонной системы, породило безудержную спекуляцию. Предпосылки политического переворота в стране и ее развала создавались умело и последовательно.

Впрочем, современные политологи и историки об этом стараются не вспоминать. Им ближе упрощенный подход к прошлому, создание примитивных стереотипов негативного восприятия советской действительности и их внедрение в общественное сознание. Ну а за массовое недовольство

существовавшим при Брежневе порядком вещей, который по наследству достался сначала Андропову, а затем перешел к Черненко, выдается ими кухонная болтовня диссидентов, прятавших фигу поглубже в карманах.

Мы не намерены скрывать или затушевывать глубину и остроту существовавших тогда проблем. Однако объективности ради следует сказать, что уже в 1983 году у общественности страны возникли ощущения, что ожидания перемен были ненапрасными. У советских людей появились реальные надежды, что есть возможность справиться с трудностями, с которыми столкнулась страна в предыдущие годы. В соответствии с решениями ноябрьского (1982 года) пленума ЦК КПСС Политбюро во главе с Андроповым, государственные органы власти предприняли серьезные организационные меры, направленные на преодоление имевшихся недостатков. В результате улучшались качественные показатели во многих звеньях экономики. Например, национальный доход, использованный на потребление и накопление, медленно, но рос — за год он увеличился на 3,1 процента против 2,6 процента в 1982 году. Объем промышленной продукции вырос на 4 процента против 2,8, сельского хозяйства — на 5 процентов против 4. Главный показатель эффективности экономики — производительность труда — росла более быстрыми темпами, чем раньше: в промышленности она повысилась на 3,5 процента против 2,1 процента в 1982 году, в строительстве — на 3,1 процента против 2,2.

Наметившийся в народном хозяйстве перелом к лучшему подтверждают и данные государственной статистики по итогам следующего, 1984 года. Прежде всего росла производительность труда, за счет повышения которой был получен почти весь прирост национального дохода. По сравнению с 1983 годом увеличилось производство основных видов продовольствия — мяса, молока, яиц, масла животного, сахара-песка, кондитерских, макаронных изделий и других пищевых продуктов, а также целого ряда промышленных товаров широкого спроса.

Может, эти экономические показатели и покажутся кому-то более чем скромными. Но налицо был их рост, и, говоря об этом, невольно вспоминаешь, как спустя 20 лет рухнула экономика России. Ее ведущие когда-то высокотехнологичные отрасли промышленности — машиностроение, станкостроение, сельскохозяйственное машиностроение, авиа- и судостроение — сократили производство в несколько раз. Страна теперь живет в основном за счет нещадной эксплуатации недр, варварской добычи и продажи за рубеж сырьевых ресурсов — нефти, газа,

угля. Практически отсутствует государственная поддержка товаропроизводителей всех форм собственности. Утрачена продовольственная и лекарственная безопасность страны, рушатся в результате бесконечных «реформ» ее вооруженные силы.

Особенно жалким выглядит сегодня состояние сельского хозяйства, объем капиталовложений в которое составляет не более одного процента от расходной части бюджета (напомним, что даже в худшие годы в Советском Союзе этот показатель не опускался ниже 10 процентов). Если на 1000 гектаров пашни в странах Европы приходится 114 тракторов, то у нас только восемь. В результате 40 миллионов гектаров пашни заросло бурьяном и чертополохом, поголовье скота сократилось более чем вдвое. По потреблению продуктов питания Россия с 7-го места, которое она когда-то занимала в мире, опустилась на 71-е.

И это — лишь фрагменты состояния экономики России, которые наглядно показывают суть «свободного, рыночного, капиталистического» ее развития. А ведь захвативший страну в свой водоворот мировой кризис грозит отбросить ее еще на несколько лет назад…

Нельзя сказать, что в последние годы жизни Брежнева и после него страна катилась по инерции. Понимание того, что обществу нужны кардинальные перемены, зрело, и зрело оно прежде всего в недрах партии, и в низовых, и в центральных ее звеньях. То, что страна нуждается в крупных переменах, мало у кого вызывало сомнение. И настоятельная потребность в перестройке возникла не вдруг, не как некое озарение Горбачева, снизошедшее на него сразу же после избрания генсеком и осенившее участников апрельского (1985 года) пленума ЦК КПСС. Потребность перемен — в общественной жизни и экономике, социальной политике, в решении многих внешнеполитических и внешнеэкономических проблем — ощущалась еще задолго до кончины Брежнева.

Заметим: то, что перестройка стала закономерным развитием настроений, царивших в партии и во всем советском обществе, не раз подчеркивалось в важнейших партийных документах и официальных публикациях в первое время после начала правления Горбачева. Правда, позже материалы такого характера исчезли из печати, а сам Горбачев присвоил себе монопольное право считаться родоначальником реформ восьмидесятых годов. Правда, желающих вступать с ним в спор по этому поводу не находилось ни тогда, ни, тем более, позже: за редким исключением никто не мечтал о сомнительной славе похоронщика великой державы.

Некоторые аналитики утверждают, что началу перестройки в стране положил Андропов, внедряя меры по укреплению трудовой дисциплины, расширению самостоятельности государственных предприятий, стимулированию труда. А далее ход их рассуждений сводится к тому, что с приходом после смерти Андропова к руководству страной Черненко все процессы начатых перестроечных мероприятий были заторможены и лишь только после смерти Черненко «знамя андроповской перестройки» поднял и понес Горбачев. (Итог похода этого «знаменосца» известен — крах СССР, а затем — годы ельцинского беспредела в России.)

Такое понимание короткого периода правления Андропова, а затем Черненко, на мой взгляд, выглядит слишком упрощенно и не соответствует истинному положению вещей. Андропов не был автором перестройки и не осуществлял ее в том горбачевско-ельцинском понимании, в котором она вошла в историю. Вместе со своими соратниками (а к ним, безусловно, относился и Черненко, несмотря на те его разногласия с Андроповым, которые вызывала сложившаяся расстановка сил в Политбюро) он стремился решительно отойти от ряда негативных явлений последних лет правления Брежнева, наметил и приступил к осуществлению мер по их исправлению или ликвидации.

По моему мнению, время с ноября 1982-го по март 1985 года можно было бы назвать периодом развертывания многосторонней подготовки к перестройке. Естественно, эти два года и четыре месяца в историческом плане — ничтожно малый срок. Вместе с тем этот период примечателен уже такой особенностью, что вместил в себя пребывание у руля партии и государства двух лидеров: Андропова (15 месяцев) и Черненко (13 месяцев). Изменились ли обстановка, общественно-политический климат в стране за этот короткий период? Несомненно.

Хотя видимых радикальных перемен и не произошло, площадка, или, может быть, правильнее сказать, подъездные пути для перестройки уже готовились тогда. Черненко, завершая этот переходный период, пытался внести свой посильный вклад в грядущие перемены. Мои наблюдения как человека, который все это время находился рядом с ним, подтверждают такой вывод. И мне кажется, что, будучи свидетелем происходившего, я имею некоторые основания высказать свои суждения по этому поводу, пусть даже они и покажутся субъективными. Но одно могу сказать: они — от жизни, а не надуманы в угоду времени.

Конечно, словосочетание: «Черненко и перестройка» — немыслимо. Немыслимо оно прежде всего потому, что мысль о *перестройке* здания, возведенного при социализме, Константину

Устиновичу никогда бы не пришла в голову. И, уж конечно, он не воспринял бы ту перестройку, которая, как позднее выяснилось, означала ломку, разрушение «до основанья» всего, что было создано за годы советской власти.

Его настороженность к проявлению подобных настроений, а они уже проскакивали в поведении и действиях некоторых партийных функционеров, исходила не от косности, а от убежденности в правоте и торжестве социалистических идей, от веры в высокую жизнестойкость социалистического государства и созидательный смысл руководящей роли Коммунистической партии. Эти твердые убеждения можно назвать и ортодоксальными, но именно они не позволяли Черненко и мысли допустить о возможности слома существующего в стране общественного строя.

Такой, я бы сказал, благородный консерватизм был присущ не только ему, но и большинству других членов Политбюро, умудренных жизненным опытом. Не будем забывать, что люди преклонного возраста обладают и позитивными качествами, которые приобретаются только с годами. Среди них — способность видеть и предугадывать негативные последствия непродуманных начинаний, необоснованных ломок старого.

Для Черненко было ближе понятие «реформа», но в приемлемом для него смысле слова, подразумевавшем ремонт и совершенствование дававшей сбои партийно-государственной машины. Поэтому в своей практической работе на посту генерального секретаря он пытался сосредоточить внимание на наиболее «узких» местах, застопоривших развитие страны. Он в полной мере сознавал необходимость совершенствования управления экономикой страны, реформирования народного образования, повышения эффективности идеологической работы партии, улучшения всей деятельности партийного и государственного аппарата.

Черненко прекрасно сознавал, что нельзя топтаться на месте — это была, если хотите, его жизненная позиция, и возникла она задолго до того, как он стал лидером партии и государства. Пройдя все звенья партийной работы — от райкома до Центрального комитета и руководителя КПСС, Константин Устинович в полной мере понимал губительность застойных явлений, большого отставания от развитых западных стран, хотя первоначально и создавалось впечатление, что он тяготеет к брежневскому стилю правления с его замедленной бюрократической атмосферой и видимым благополучием.

Возникает естественный вопрос: в чем же видел Черненко свои основные задачи как глава партии и государства и была ли у

него собственная программа по преодолению проблем, доставшихся ему в наследство, и ускорению развития страны?

Конечно, развернутой программы действий к тому моменту, когда он стал генсеком, у него не было. Черненко полностью полагался на коллективный разум партии, который воплотился в решениях двух «андроповских» пленумов Центрального комитета, состоявшихся в ноябре 1982-го и июне 1983 года, и в материалах февральского (1984 года) пленума ЦК КПСС. Все они служили для Константина Устиновича, пожалуй, главными вехами, определявшими основное содержание практической деятельности партии. Он не раз, фактически до последних дней, подчеркивал их преемственность, что лишний раз доказывает, во-первых, его стремление отодвинуть страну от опасной черты, к которой приблизило ее царившее при Брежневе благодушие в верхних эшелонах власти, а во-вторых, несостоятельность попыток противопоставить его шаги андроповским начинаниям.

К примеру, уже на первом заседании Политбюро ЦК 23 февраля 1984 года, которое Черненко вел в ранге генсека, он призвал обратить внимание на «рост технического прогресса» и улучшение «порядка и дисциплины». Это были известные лозунги Андропова, и обращение к ним Черненко свидетельствовало о его полной поддержке начатой линии и желании продолжить ее.

Взаимосвязь деятельности этих двух лидеров налицо, и искусственно отделять политическую платформу одного от политики другого было бы неверно. Оба генсека пусть в разной, — хотя, откровенно скажем, в обоих случаях и незначительной, — степени, но успели только провести ряд подготовительных мер, давших толчок к неминуемому процессу перемен. Оба они сталкивались по существу с одинаковыми проблемами: у них было ограниченное временное пространство для серьезного экономического маневрирования и социальных экспериментов.

Можно сказать, что в решении принципиальных вопросов экономики и политики схожесть ситуации определяла схожесть шагов Андропова и Черненко на высшем посту в КПСС. Не трудно выделить и главные направления деятельности двух политиков, объединявшие их. Это прежде всего курс на всестороннее совершенствование построенного в стране социализма, сохранение его завоеваний. И одному, и другому свойственны: понимание необходимости осуществления мер по укреплению дисциплины, законности и порядка; попытки нацелить производство, в том числе и тяжелую промышленность, на повышение благосостояния народа; стремление преодолеть увеличивавшийся разрыв между научно-техническими

достижениями и реальным производством. В правильности постановки таких стратегических задач трудно усомниться.

Но были между ними и существенные различия — это касалось главным образом рычагов, которые, по их мнению, должны были сдвинуть с места решение наболевших вопросов. Андропов с первых своих шагов явно опирался на службы госбезопасности, которые были ему близки и конечно же управляемы им. Черненко опирался на партийные органы, в первую очередь аппарат ЦК КПСС.

Определяя приоритеты в политике партии — развитие экономики, укрепление обороноспособности, совершенствование планирования, — Черненко, так же как и Андропов, искал поддержки и популярности в массах. Надо думать, не случайными были его неоднократные заявления, что постоянной заботой партии, ее целью будет «подъем благосостояния трудящихся», что она будет «последовательно укреплять связь с массами», «улучшать не только хозяйственную работу, но и воспитательную». Эти принципиальные позиции генсека публиковались в партийной печати под рубрикой «В Политбюро ЦК КПСС». Рубрика эта, введенная по инициативе Черненко, виделась ему как средство улучшения информирования масс о том, что делается на «верху», и развития партийной демократии; она как бы сопровождала весь период его пребывания на посту генерального секретаря.

В феврале 1984 года, очертив контуры стоящих перед страной проблем на заседании Политбюро, Черненко буквально через несколько дней развернул свои мысли на представительной встрече с работниками аппарата ЦК партии. Он, во-первых, предупредил участников совещания в ЦК, что не стоит рассчитывать на возвращение к старым временам, которые отличались благодушием, спокойствием и инертностью. Во-вторых, Константин Устинович высказал свое намерение проводить в жизнь самостоятельный политический курс, улучшать стиль и методы управления, совершенствовать организацию производства, развивать экономику. Обращаясь к работникам ЦК, он призвал их «работать так, чтобы обеспечить не только выполнение, но и перевыполнение заданий, установленных на 1984 год». При этом Черненко заметил, что намеченные им действия — не его личная инициатива, а «решение, выработанное коллективно».

В конце апреля 1984 года состоялась встреча Черненко с представителями трудового коллектива Московского металлургического завода «Серп и Молот». Здесь он, прямо скажем, пошел по пути Андропова, который в свое время

встречался с рабочими Московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе. Напомним, что тогда такая встреча получила определенный положительный резонанс в обществе и послужила росту популярности генсека. Но прошел год, и выдвинутые Андроповым на встрече с коллективом завода конкретные предложения по совершенствованию производства, усилению стимулирования труда, поощрению технического прогресса сначала «зависли в воздухе», а потом и вовсе забылись.

Надо сказать, что и для нового генсека встреча с рабочими была организована фактически по тому же сценарию. Была лишь некоторая (но не принципиальная) разница между отдельными идеями и предложениями, высказанными на ней Черненко, и теми, которые «озвучивал» раньше Андропов. Так, в ходе этой встречи Константин Устинович говорил о необходимости интенсивного развития экономики: «Запасы у нас действительно немалые. Но они, как известно, природой не возобновляются». Он также высказался за бригадную организацию труда. «Эта форма стимулирования труда, — как отметил генсек, — получила путевку в жизнь».

Во время встречи с металлургами Черненко выдвинул идею перехода на прогрессивную оплату труда и подчеркнул, что не следует ждать итогов эксперимента, который проводил тогда Государственный комитет по труду и социальным вопросам, а насаждать и внедрять его в жизнь «там, где имеются условия».

Говорил Черненко и о трудностях в развитии производства, о сложностях, с которыми сталкивалась советская экономика на переломе семидесятых-восьмидесятых, выразил возмущение нерадивостью и беспечностью руководителей. Призывал он также «выйти на новые рубежи» путем высокопроизводительного труда и увеличения хозяйственной заинтересованности, соблюдения справедливости в системе вознаграждения за труд.

Несмотря, казалось бы, на актуальность выдвинутых задач, эта речь Черненко тоже довольно быстро забылась и многие высказанные в ней предложения не получили в дальнейшем воплощения в конкретные дела.

А вот его задумки и шаги по реорганизации системы народного образования имели довольно далекоидущие последствия, которые положительно сказались на постановке всего школьного дела.

Это была давнишняя мечта Черненко, его проект. Он вынашивал его долгие годы, еще при Брежневе, а затем и при Андропове, когда возглавил комиссию Политбюро по подготовке предложений по проведению школьной реформы.

Такое внимание Черненко к этим вопросам, на мой взгляд,

имеет свое объяснение. Трепетное отношение к проблемам народного образования исходило из глубины души Константина Устиновича, в которой не гасло чувство благодарности советской власти, открывшей ему, простому деревенскому пареньку, широкую дорогу в жизнь. Не раз вспоминал он добрым словом школу крестьянской молодежи, которую окончил в двадцатые годы. Она стала для него стартовой площадкой, дала ему возможность продолжить образование в дальнейшем.

Не случайно в одной из своих публикаций он писал, что гордится одним из завоеваний нашей революции — тем, что советский народ стал самым образованным народом в мире. Приводил цифры: в царской России почти три четверти населения в возрасте 9—49 лет не умели ни читать, ни писать. Это была катастрофически низкая степень неграмотности, и другой такой страны к тому времени в Европе не было. Партия сразу же после революции выдвинула задачу — как можно быстрее ликвидировать неграмотность.

Черненко ссылался на Ленина, который подчеркивал, что «борьба с неграмотностью — задача *важнее других»,* ибо «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя», «безграмотный человек стоит вне политики».

«Должны были пройти десятилетия, — писал Черненко, — чтобы Запад понял и признал, что усилия молодого Советского государства, огромные по его возможностям того периода централизованные вложения в народное образование оказали решающее влияние на укрепление могущества СССР».

Осуществляя меры по реорганизации системы народного образования, Черненко надеялся, что она явится тем политическим рычагом, опираясь на который, можно будет преобразовать жизнь всего общества. По его мнению, через воспитание в школе, через общее и профессиональное образование, овладение основами производства у молодого поколения формировались главные принципы социалистического образа жизни, всего ее уклада.

Еще при Андропове на июньском (1983 года) пленуме ЦК Черненко в докладе «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» особое внимание уделил проблемам образования молодежи, и в первую очередь вопросам ее профессионально-технической подготовки. Именно на этом аспекте работы он и сосредоточил основные силы. Не случайно в своем докладе на июньском пленуме он подчеркивал: «Нет необходимости доказывать значение раннего выявления способностей, дарования личности, правильного выбора профессии. От этого во многом зависят и производительность

труда, и социальная активность человека, и его, если хотите, жизнь и судьба. Большими возможностями в этом плане располагает наша система профессионально-технического образования. К сожалению, в школах ее нередко рассматривают как средство избавления от так называемых трудных подростков. Такое отношение вредит и школе, и ПТУ. Нужно повышать авторитет училищ. Укреплять их материально-техническую базу и кадры, улучшать учебно-воспитательный процесс. Следовало бы продумать систему более действенных льгот их выпускникам при поступлении в вузы».

Черненко энергично поддерживал опыт ленинградской областной партийной организации, который благодаря его заботе стал достоянием всей страны. В Ленинграде и области тогда сумели наладить четкие, деловые отношения между школой, ПТУ и предприятиями. Выпускники профтехучилищ стали там основным источником пополнения рабочего класса. Многие регионы взяли опыт ленинградцев на вооружение, что, безусловно, способствовало укреплению и развитию профтехобразования в стране.

Реорганизацию системы народного образования Черненко активно продолжил, будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС. По его инициативе развернутый план школьной реформы был вынесен на обсуждение апрельского (1984 года) пленума ЦК КПСС. По мнению ведущих специалистов отрасли, еще ни одна из проводимых ранее школьных реформ не имела столь всеобъемлющего характера, не предусматривала такого глубокого сдвига социальных слоев и коренной ломки общественных отношений.

На апрельском пленуме Черненко выдвинул лозунг «Превратить школьный класс в рабочий!». Преобразование школы, которое намечалось осуществить в течение двух пятилеток, должно было предоставить производству миллионы дополнительных рук, приобшить школьников к конкретному труду. В планах реформы, в частности, предусматривалась необходимость направлять часть заработанных учащимися средств в распоряжение школьных коллективов. В перспективе намечалось, что школьные предприятия и хозяйства позволят перевести всю систему образования на самоокупаемость.

Утопия? Фантазия? Может быть и так. Но Черненко верил в задуманное. «Мы ждем от реформы, — говорил генсек на апрельском пленуме, — отдачи экономической, кадровой. Каждое созданное для старшеклассников рабочее место должно будет приносить обществу конкретный результат — пусть небольшой, но реальный». Он верил, что при благоприятном исходе

задуманной им школьной реформы сотни тысяч учащихся пойдут на заводы и фабрики подготовленными, квалифицированными специалистами, приобретут в школе необходимую им и обществу профессию.

Черненко предложил свой проект для всенародного обсуждения. Он верил, что советское общество поддержит его идею. Но этим его задумкам, увы, не суждено было осуществиться.

После его скорого ухода из жизни в стране все стало быстро меняться, да и самого СССР вскоре не стало. К чему привели горбачевские и ельцинские реформы и «перестройки», в том числе и в сфере образования, теперь хорошо всем известно. Было разрушено, а в некоторых регионах и полностью уничтожено профессионально-техническое образование. В стройной системе среднего и высшего образования воцарились абсурд и неразбериха, которые на многие годы отбросили страну назад, перечеркнули все достижения в области народного просвещения, всё то, что в Советском Союзе создавалось десятилетиями, что было признано во всем мире.

Трудно поверить, что на развалинах когда-то добротной системы среднего и высшего образования нынешние руководители России могут создать что-то путное. Все то, что осталось нам в наследство от советской власти и еще уцелело, продолжают ломать через колено, подражая самым примитивным западным стереотипам, пытаясь примерить на Россию Болонскую систему. Полным ходом продолжается «роботизация» учащихся, из учебного процесса выхолащивается гуманизация, игнорируется принцип политехничности, который всегда лежал в основе отечественной системы образования. Полноценное высшее образование после его разделения на две ступени — бакалавриат и магистрат в ближайшие годы для молодых людей из семей даже со средними доходами будет попросту недоступным.

Едва ли Черненко мог предположить, что когда-нибудь настанет такое время, что в стране, словно в период разрухи после Гражданской войны, миллионы детей будут беспризорными и безнадзорными, а два миллиона подростков — безграмотными. Увы, такое положение вещей сложилось в современной России. Трудно представить себе подобное в прежние времена, когда политику государства отличала особая забота о детях.

Черненко относился к тем людям, которые не только понимали значение полноценного воспитания подрастающего поколения для будущего страны, но и делали все для того, чтобы вслед за лозунгами следовали конкретные дела. На мой взгляд, один яркий пример характеризует искренность отношения

Константина Устиновича к проблемам детства. А то, что это так, я смог убедиться, когда проникся заботами известного писателя и общественного деятеля Альберта Лиханова. Он обратился ко мне с просьбой оказать содействие в решении вопросов качественного улучшения деятельности детских домов и школ-интернатов, а также воссоздания детского фонда имени Ленина. Такой фонд существовал ранее, и был он создан в 1924 году на съезде Советов, посвященном памяти пролетарского вождя. Главной его целью стала борьба с беспризорностью, но в 1938 году фонд закрыли в связи с полной победой советской власти.

Тогда беспризорность удалось искоренить (казалось бы, навсегда), но спустя годы проблема обернулась другой стороной — в тяжелом состоянии оказались детские дома страны, которые остро нуждались в государственной и общественной поддержке. Лиханов рассказал мне, что до избрания Черненко генеральным секретарем он не раз обращался в ЦК, но внятного ответа на поднятый вопрос так и не получил. После того как я доложил суть проблемы Константину Устиновичу и представил ему все документы о бедственном положении детдомовских детей, дело сдвинулось с мертвой точки и получило «зеленый свет». Буквально в течение суток Черненко нашел время, чтобы ознакомиться со всеми материалами. Вопрос был вынесен на Политбюро, а Гейдару Алиеву, который в то время был членом Политбюро и первым заместителем председателя Совета министров СССР, было дано поручение подготовить соответствующее решение правительства. Кстати, записка, которую подготовил Лиханов для Черненко, была очень обстоятельна — достаточно сказать, что в ней было 45 пунктов.

В январе 1985 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в домах ребенка, детских домах и школах-интернатах». Многие из его положений действуют и до сих пор. А Лиханов вспоминает об истории рождения этого документа как о большой победе после трудной битвы, которую писатель, по его воспоминаниям, вел 26 лет. И победил благодаря поддержке Черненко.

Произошедшие сдвиги ускорили работу по воссозданию детского фонда имени Ленина, который возобновил свою работу в октябре 1987 года. В 1991 году он был преобразован в Российский детский фонд. К сожалению, в смутные девяностые годы, с приходом в страну рыночных отношений, всё изменилось и от ряда проектов, которые осуществлялись на основе благотворительности, пришлось отказаться. У бедных не было

денег, чтобы помочь чужим детям, а богатых подобные проблемы не волновали.

* * *

Говоря о серьезных сдвигах в работе по ряду направлений, во избежание недоразумений еще раз хочу заметить: все попытки обнаружить у Черненко какие-то целостные программы будут тщетными. Глубоко убежден, что трудно будет их обнаружить и у его предшественника — Андропова. Причина проста: у обоих этих лидеров было просто слишком мало времени, чтобы их продумать и разработать. К тому же они прекрасно понимали, чем может обернуться спешка, к чему может привести дешевый популизм, желание прослыть «новатором». Думается, Горбачев за несколько лет своего правления нам это хорошо продемонстрировал.

И все же основные контуры стройной программы в действиях Черненко, как и Андропова, уже прослеживались. Другого и быть не могло — ведь нельзя было похоронить идеи обновления общества, которые созрели еще в недрах брежневского периода, ожиданием которых жили люди. Возьму на себя смелость сказать, что в периоды работы генсеками Андропова и Черненко многие перестроечные процессы пошли свободнее, стали проникать во все сферы жизни. Поэтому было бы справедливо рассматривать время этих лидеров как годы переходного периода, годы постепенного освобождения от целого ряда стереотипов застоя, годы, открывшие путь к широкому наступлению перемен.

Для примера можно обратиться к пакету документов ЦК и Совмина, которые были приняты за это короткое время правления Андропова и Черненко, хотя я хорошо понимаю, что принятый документ — это аргумент еще не совсем убедительный. Ведь любая, даже самая лучшая директива руководства — это очень часто только благое намерение и до конкретного дела еще далеко. И тем не менее даже беглое перечисление важнейших документов партии и правительства этого периода только по вопросам внутренней политики подтверждает явный поворот руководства страны в сторону укрепления экономики страны, упорядочения дисциплины, решения многих наболевших социальных проблем.

Среди них можно выделить два «андроповских» постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР — от 14 июля 1983 года и 2 февраля 1984 года, — определивших рад конкретных дополнительных мер по расширению прав и хозяйственной самостоятельности производственных

предприятий и объединений промышленности бытового обслуживания населения, положившие начало глубокому и интересному экономическому эксперименту. В специальном Постановлении ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС, принятом 28 июля 1983 года, было намечено усилить работу по укреплению социалистической дисциплины труда. В Постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1983 года «О дальнейшем развитии и повышении эффективности бригадной формы организации и стимулирования в промышленности» содержится целая программа совершенствования форм и методов хозяйствования.

При Черненко был принят пакет постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР по осуществлению основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы, которые были намечены на пленуме ЦК КПСС 10 апреля и сессии Верховного Совета СССР 12 апреля 1984 года. Можно отметить Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 26 июля 1984 года «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» и целый ряд других важнейших документов.

Константина Устиновича волновали многие вопросы экономики и управления, тревожила запущенность многих социальных проблем. У него было немало задумок, связанных с предстоящей реформой народного образования, с необходимостью коренного улучшения работы Советов, профсоюзов, комсомола, органов народного контроля, творческих союзов. Он планировал как можно чаще бывать в трудовых коллективах, встречаться с рабочими и колхозниками, чтобы вместе с ними выверять свои начинания и действия. К сожалению, состояние здоровья так и не позволило ему воплотить в жизнь задуманное. После встречи на заводе «Серп и Молот» силы начали покидать его. Он выступил еще на ряде совещаний — на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций, на пленуме правления Союза писателей СССР, на Всесоюзном совещании народных контролеров. Но на собрании его избирателей в Куйбышевском избирательном округе Москвы в феврале 1985 года он уже не смог присутствовать из-за болезни.

Но, испытывая недомогание, он не хотел сдаваться, мечтал о выздоровлении и полноценной работе. Его повседневно занимали вопросы необходимости развертывания подготовки к очередному съезду партии, работы комиссии ЦК КПСС по подготовке новой редакции Программы КПСС, председателем которой он был утвержден. Со съездом он, пожалуй, связывал свои основные

надежды, полагал, что именно форум коммунистов Советского Союза сможет определить основные пути продвижения вперед. Но многому из задуманного так и не суждено было воплотиться в жизнь, осуществиться на практике. Главная причина здесь — пресловутый фактор времени.

Хотя и Андропов, и Черненко, скорее всего, понимали свою личную причастность к возникновению и развитию в стране негативных тенденций, определенную вину и ответственность за сложившееся в ней положение, у меня не вызывает сомнения искренность их намерений. Пусть многие из них так и остались призывами и лозунгами, но ведь слово в обществе само по себе играет немалую роль. Слово — главное средство воздействия на умы и сердца людей. Лживое, выстраданное слово всегда предшествует большому делу. Но в то же время от слова, пусть горячего, искреннего, до конечного результата — порой очень большая дистанция. И все же наши партийные лидеры, пришедшие после Брежнева, стремились преодолеть ее, отойти от бессодержательного декларирования задач и предпринять всё от них зависящее для оздоровления обстановки.

Не всё, конечно, шло гладко. Мне вспоминаются, например, перипетии, связанные с принятием документа о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Наделавший столько бед, принесший громадные убытки нашему государству горбачевский антиалкогольный закон считается одним из наиболее неудачных детищ перестройки. Однако родился он не вдруг, не в мае 1985 года. Несколько вариантов документа по этой проблеме готовилось давно. Их проекты не раз рассматривались на Политбюро ЦК КПСС. Еще в начале семидесятых годов старейший академик страны С. Г. Струмилин обратился в ЦК с большой и подробной запиской, предупреждающей о грозящей нам опасности, которая придет неизбежно, если вовремя не будут приняты решительные меры по борьбе с пьянством и алкоголизмом в СССР.

Записка академика в печати не публиковалась, но, как это часто бывало в советское время, была каким-то образом размножена и в списках активно ходила по рукам. Убийственные сравнительные данные из нее о потреблении спиртного в стране, о грозящей катастрофе для будущего нации приводили в своих выступлениях лекторы самого высокого ранга, докладчики и агитаторы.

Говорят, что документ, подготовленный академиком, произвел глубокое впечатление на Брежнева, и он велел продумать и внести в Политбюро предложения по борьбе с нависшим над страной злом. Разработка мер по преодолению

пьянства и алкоголизма затянулась на несколько последующих лет. По роду своей работы мне довелось в то время предварительно знакомиться со многими проектами документов, которые вносились в Секретариат и Политбюро ЦК. И, естественно, с вариантами будущего антиалкогольного закона я был тоже знаком. Главная идея первоначальных проектов заключалась в том, чтобы постепенно сокращать производство крепких спиртных напитков (в первую очередь водки) и одновременно расширять производство сухого вина и пива. Общий объем потребления алкогольных напитков в пересчете на объем потребления сухого вина на душу населения практически не снижался. В проектах предусматривались меры по внедрению «культуры пития», усилению антиалкогольной пропаганды, повышению роли общественности в этом деле.

Как это нередко случалось, проекты рассматривались и возвращались на доработку, а практических шагов не предпринималось. Позднее проекты решений и документов и вовсе отложили в «долгий ящик». После смерти Брежнева пришедший ему на смену Андропов, насколько мне известно, также не спешил издавать этот закон. Напротив, он начал с того, что, наряду с укреплением дисциплины, санкционировал выпуск нового сорта водки по пониженной цене, сразу же получившей свое название в народе — «андроповка».

С первых дней прихода Черненко к власти группа инициаторов, у которой никак не утихал административный зуд борьбы и запретов, стала искать поддержки у нового генсека. Снова были подняты проекты документов о борьбе с пьянством и в доработанном виде, по указанию Черненко, разосланы членам и кандидатам в члены Политбюро на предмет всесторонней проработки, внесения предложений и обмена мнениями в дальнейшем. Предложения были вскоре получены. К слову, всеобщего одобрения не было.

Запомнилось, с какой логикой и убедительностью в своей записке на имя Черненко бывший в то время кандидатом в члены Политбюро и первым секретарем ЦК Компартии Грузии Шеварднадзе отстаивал вековые традиции виноградарей Грузии. Дело в том, что в проекте документа категорически запрещалось производство в домашних условиях виноградной водки (чачи). Шеварднадзе подробно описывал, что чача в грузинских селениях всегда производилась сообща из отходов виноделия и делилась между всеми жителями. Автор записки подчеркивал, что разрушить народную традицию просто немыслимо. Были разумные доводы и в других записках, но информация лидера Грузии почему-то более всего запомнилась Черненко и заметно

повлияла на его позицию. Так или иначе, новый генсек сказал: «Спешить не будем» — и отправил бумаги на дальнейшую доработку.

При Черненко «звездный час» ярых борцов за трезвость так и не настал. Но он пришел сразу же после апрельского (1985 года) пленума ЦК. Проект антиалкогольного закона лег на стол к новому лидеру страны — Горбачеву, но только теперь уже в новой, перестроечной обертке, под знаменем непримиримой борьбы против застоя. Закон вскоре был принят. А к чему это привело, читатель знает.

* * *

Работая над этой книгой, я не раз обращался к публичным выступлениям и статьям Андропова и Черненко. Эти материалы еще и еще раз убеждали меня в серьезности и реальности их намерений как можно скорее вырваться из того состояния, в каком находилась страна конца семидесятых — начала восьмидесятых годов. Я уже упоминал о большом воздействии на умы статьи Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», его речи на июньском (1983 года) пленуме ЦК КПСС. Если они еще и не давали ответов на злободневные вопросы, то, во всяком случае, заставляли оглядеться вокруг и задуматься. Не вызывало сомнений, что партия ориентировала коммунистов на то, что впереди — большая и нелегкая работа, а перед тем, как к ней приступить, очень многое следовало понять, переосмыслить сложившиеся представления о социалистическом обществе, о сохраняющихся в нем противоречиях.

Константин Устинович не случайно подчеркивал преемственность в своей политике, поскольку он хорошо понимал суть проблем, поставленных его предшественником. Черненко — человек думающий. Говорю об этом с полным основанием, потому что мне довелось ознакомиться почти со всеми его более или менее значимыми статьями и, конечно, книгами. Сейчас они могут вызвать интерес, наверное, лишь у специалистов да историков, а в свое время их довольно пристально читали и находили в них отнюдь не тривиальные мысли. Я говорю об этом потому, что представление о герое нашей книги будет неполным, если не затронуть чисто творческой стороны его личности, его деятельности как публициста и автора.

Черненко начал выступать в печати еще в тридцатые годы, в период его работы в райкомах партии, а затем в Красноярском

крайкоме ВКП(б). Особенно страстными и убедительными были его статьи военных лет, которые публиковались в «Красноярском рабочем» и с большим интересом воспринимались читателями и партактивом. Позднее статьи Черненко периодически печатались в Пензенской областной партийной газете, в газетах и периодических изданиях Молдавии.

В годы работы в Отделе пропаганды ЦК КПСС Черненко был утвержден членом редколлегии журнала ЦК «Агитатор» и нередко выступал на его страницах с основательными и полемическими статьями. Коллеги Черненко считали, что у него «цепкое перо».

Публицистическую деятельность Черненко продолжил и позднее, будучи заведующим Общим отделом, секретарем ЦК и конечно же Генеральным секретарем ЦК КПСС. В последние годы работы Черненко в ЦК вышли в свет наиболее значительные его труды.

Надо отметить, что и другие члены Политбюро, секретари ЦК КПСС периодически публиковали свои книги, главным образом в Политиздате. Это были, как правило, избранные речи и статьи за какой-нибудь определенный период их деятельности. Такая практика, по сути, вошла в правило, считалась чем-то вроде обязательного ритуала, и поэтому вполне естественно, что и у Черненко были такие издания.

Но наряду с этим он большое внимание уделял подготовке фундаментальных работ, касающихся широкого круга общепартийных задач. Главная их тема — стиль, формы и методы работы партийного и государственного аппарата. Эти вопросы ему как «хранителю партии» были особенно близки. Одной из таких работ можно считать его фундаментальный труд «Вопросы работы партийного и государственного аппарата», который вышел в свет в 1980 году. Хронологическая последовательность изложенных в книге материалов позволяла читателям ознакомиться с историей вопроса, последовательно проследить за развитием деятельности по укреплению и совершенствованию работы партийно-государственного аппарата.

Перечитывая эту книгу в наши дни, я убеждался, что она могла бы быть во многом полезна и современным управленцам, во всяком случае, тем, кто искренне озабочен судьбой государства, сознает необходимость совершенствования органов его управления во всех звеньях, сверху донизу. Кто понимает, что нынешняя «вертикаль» управления Россией основательно подгнила и ее не подремонтируешь и не удержишь одними лишь указаниями с самого «верха» и периодической ротацией региональных кадров. В конце концов, не все же чиновники погрязли у нас в коррупции, много и таких, кто стремится

выполнять свой долг честно. Вот им-то в первую очередь не помешало бы познакомиться с мыслями Черненко по поводу организации контроля и проверки исполнения, работы с документами и конечно же с заявлениями и письмами трудящихся.

Кстати, все эти проблемы Константин Устинович выдвигал не только в теоретической плоскости, так сказать, в «чистом» виде, но и успешно разрешал их на практике. Безусловно, отлаженная и четкая система контроля и исполнения, действовавшая в партийных и государственных органах с конца шестидесятых — начала семидесятых годов, — это его детище, его заслуга. А постановку работы с письмами трудящихся, совершенствованию которой он посвятил много лет своей жизни, я вообще считаю одним из важнейших достижений советской демократии. Причем эту работу Черненко понимал не только как своевременную и эффективную реакцию на обращение человека в партийные или советские органы, а значительно шире.

Сама жизнь, повседневная практика показывают, писал он, что письма и предложения трудящихся помогают партийным и государственным органам лучше ориентироваться в обстановке, более объективно оценивать работу тех или иных управленческих звеньев, всего аппарата и его конкретных работников, яснее видеть недостатки и пути их устранения, вырабатывать правильные политические решения. В книге подчеркивается, что письма — это один из наиболее доверительных, а потому и особо ценных источников информации о запросах и чаяниях тружеников города и деревни, о положении дел в различных областях политической и духовной жизни нашего общества, одно из средств реализации конституционных прав советских граждан.

Конечно, наивно сейчас рассчитывать на то, что в ближайшее время в России могут возродиться такие принципы контроля, как его гласность и массовость, непредвзятость и объективность контрольных органов, регулярная отчетность руководителей за свою деятельность перед трудовыми коллективами, требование, чтобы контроль возглавляли не второстепенные лица, а ответственные работники, в первую очередь сами руководители.

Но мы неизбежно, рано или поздно, зайдем в тупик, если не сделаем прозрачными для общественности важнейшие решения и конкретные шаги высших кругов России по принципиальным вопросам государственной жизни. Но о чем сегодня можно говорить, если даже наши национальные резервные фонды употребляются на те или иные цели по усмотрению узкой группы лиц, а их истинные размеры и порядок использования не подконтрольны даже Государственной думе?

Помнится, как Черненко был буквально захвачен работой над книгой «Вопросы работы партийного и государственного аппарата». Несмотря на колоссальную загруженность, он постоянно уделял ей внимание: диктовал, правил, редактировал, поручал помощникам искать и сверять справочный материал, рыться в первоисточниках. Стержневой идеей работы, проходившей красной нитью через всю книгу, было обращение к историческому опыту и прежде всего к ленинскому стилю партийной и государственной работы. Пожалуй, опора на ленинское наследие — это главное оружие Черненко, которое было эффективно даже в обстановке растущего среди партийных лидеров благодушия. При этом он прекрасно владел большинством ленинских идей и мыслей по совершенствованию работы партийно-государственного аппарата, хорошо знал, в каких трудах они содержатся, при каких исторических обстоятельствах высказывались. Не случайно, что, работая над книгой, он обращался к Ленину свыше трехсот раз. Причем о механическом начетничестве здесь нет и речи — он умел увидеть прямую связь многих мыслей, высказанных в первоисточниках, с современностью, с проблемами текущего дня.

Вот всего лишь один эпизод, который, думается, может характеризовать отношение Черненко к ленинской теме. Однажды он попросил меня подготовить небольшой материал к разделу о контроле и проверке исполнения документов и поручений и борьбе с бюрократизмом. Порекомендовал взять за основу письма Ленина Цюрупе, написанные в феврале-марте 1922 года (А. Д. Цюрупа в это время был заместителем председателя СНК и СТО и председателем РКИ. — *В. П.)*. Я серьезно взялся за эту работу, и к сроку она была готова. Из шести писем я полностью привел в тексте одно, в котором Ленин откровенно и весьма резко замечал: «Тов. Цюрупа! У нас, кажется, остается коренное разногласие. Главное, по-моему, перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на подбор людей и проверку исполнения. В этом гвоздь… Все у нас потонули в паршивом бюрократизме "ведомств". Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим. Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом всё».

Черненко не спеша прочитал материал и попросил оставить ему текст. Я поднялся, чтобы уходить, но он жестом задержал меня. «Хочешь, скажу, почему ты процитировал именно это письмо? — спросил он. — Тебя привлек наверняка непривычно резкий, чуть ли не грубый тон ленинского письма и желание с эффектом процитировать именно такого Ленина. Что, не так?»

Признаться, я был сконфужен и смущенно молчал. А Черненко далее рассуждал примерно в таком духе. Да, на первый взгляд может показаться, что резкие слова эти Ленин написал в сердцах, в состоянии раздражения и горечи. Но, думается, что, прибегнув к таким, напрочь лишенным дипломатии, выражениям, Владимир Ильич, наверное, хотел встряхнуть тех, кто был причастен непосредственно к управленческим делам, в том числе и своих ближайших соратников, попробовать освободить их таким образом от говорильни, гипноза бумаготворчества, заседательской суеты, приобщить к сугубо конкретному делу.

«Ты, наверное, заметил, — продолжал Черненко, — что в другом письме Ленин назвал главным недостатком высших исполнительских органов их перегруженность мелочами, и они, вместо борьбы с бюрократизмом, сами тонут в последнем. Вообще письма Ленина к Цюрупе — это своеобразный кодекс стиля, форм и методов государственного управления в сложнейший период советской власти — перехода к новой экономической политике».

Для меня этот случай стал настоящим уроком понимания глубины ленинского наследия. Но запомнился он мне не только поэтому. Я понял и потом в этом многократно убеждался, насколько Черненко внимательно читал и по-настоящему изучал ленинские труды. Видно, что они в свое время и подтолкнули его к изучению аппаратной работы во всех ее тонкостях. И не случайно, что он по-своему любил ее, пытался внести в нее дух творчества.

Он часто говорил о том, что Ленин лучше других понимал решающую роль аппарата в становлении, укреплении и успешном функционировании государства. Ведь сразу же после Октябрьской революции он предупреждал о том, что «без аппарата мы погибнем, а плохой аппарат нас погубит наверняка». В качестве иллюстрации высоких ленинских требований к практической работе по исполнению партийных решений Черненко как-то привел такой пример. После того как в декабре 1921 года партийная конференция и IX съезд Советов одобрили линию на новую экономическую политику, Ленин записал в проекте директивы Политбюро по этому вопросу: «Всякие общие рассуждения, теоретизирования и словопрения на тему о новой экономической политике надо отнести в дискуссионные клубы, частью в прессу. Из Совнаркома, Совета труда и обороны и всех хозяйственных органов изгнать все подобное беспощадно… От всех наркомов Политбюро требует безусловно максимум быстроты, энергии, устранения бюрократизма и волокиты в практическом исполнении новой экономической политики». Ленинские высказывания об аппаратной работе из статьи «Лучше

меньше, да лучше» Константин Устинович цитировал буквально по памяти.

Здесь уместно будет сказать, что Черненко, которого «демократические» СМИ стремились непременно показать ординарным партийным чиновником, «носителем бумажек», случайно попавшим на высокие посты руководителя партии и государства, сумел, основываясь на ленинском наследии, внести достойный вклад в развитие теории и практики работы аппарата управления.

Связать с современностью… Здесь нельзя не отметить книгу Черненко «КПСС и права человека», которая была издана в 1981 году агентством печати «Новости». Как видим, коммунисты не замалчивали эту тему, как пытаются сегодня преподнести этот вопрос многочисленные правозащитники. Концепция книги предельно проста и ясна: гражданин лишь тогда может чувствовать себя действительно свободным и равноправным, когда он избавлен от эксплуатации и социального угнетения. В этом — стержень проблемы. Подлинно свободный человек должен быть уверен в завтрашнем дне, в том, что он никогда не окажется лишенным средств к существованию. Он должен быть уверен и в том, что на страже его основных прав и свобод стоит государство, что они имеют в своем основании крепкую материальную основу.

Автор делает вполне обоснованный вывод: подлинные права человека становятся реальностью только при социализме. Кому-то может это и покажется банальным, но вот уже почти два десятилетия в России никто не может доказать обратное. Невольно встают перед глазами все наши нынешние проблемы, тяжелейший финансово-экономический кризис, поразивший Россию. И трудно поверить, что Черненко излагал свои мысли совсем в другую эпоху, когда вряд ли кто мог поверить в реставрацию капитализма в России.

Важнейшие составляющие политических свобод, как считал Черненко, — это основополагающие права человека, к которым относятся права на труд и образование, отдых и охрану здоровья, на социальное обеспечение и жилище. О нарушении этих прав на Западе (а теперь и в нашей стране) «борцы» за права человека стыдливо умалчивают.

В качестве одного из лейтмотивов книги Константин Устинович приводит ленинские слова о том, что «политическая свобода означает свободу народа распоряжаться своими общенародными, государственными делами». Как тут не вспомнить произнесенные в недалеком прошлом на всю страну слова Березовского, выразившего суть государственного строя

«новой» России: «Больше нами никогда не будут управлять голодранцы».

В книге в форме ответов на вопросы автор популярно и убедительно рассказал о преимуществах социалистического строя в осуществлении основных жизненных прав человека и о решающей роли в этом процессе Коммунистической партии. Книга была переведена на многие языки и встречена с большим интересом как в нашей стране, так и во многих зарубежных странах.

Историки и политологи обычно, когда говорят о каких-то знаковых событиях, свидетельствующих о том, что в первой половине восьмидесятых годов в развитии общества наметился перелом, часто вспоминают решения июньского (1983 года) пленума ЦК КПСС и речь на нем Андропова. Но при этом редко когда упоминается, что основной доклад на пленуме — «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» — делал Черненко. Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, вопросы, поднятые в докладе, были созвучны тому, о чем говорил в своей речи Андропов, — и по своей важности, и по остроте постановки. Во-вторых, берусь утверждать, что Черненко затронул тогда не менее животрепещущие проблемы.

Необходимо отметить, что оба руководителя партии подчеркивали главное: общество вступило в исторически длительный этап развитого социализма, и эта непростая фаза его продвижения к коммунизму выдвигает идеологическую работу на первый план, поскольку ей предстоит преодолеть серьезные изъяны в воспитании людей. Черненко прямо указывал, что речь идет о стратегической задаче, поскольку на настроения граждан оказывают влияние не только достижения в социально-экономической сфере, но и недостатки и трудности. Проблема состоит в том, чтобы не идеализировать советское общество, а сосредоточить внимание на конструктивной разработке методов и средств достижения перспективных целей. При этом необходимо исходить из той реальности, которая есть, со всеми ее плюсами и минусами. Совершенно ясно, что партия не может в дальнейшем опираться на упрощенное, прямолинейное понимание исторического процесса. Во главу угла следует поставить вопрос о противоречиях как движущей силе общественного развития, что будет иметь существенное значение для теории и практики идеологической работы.

В своем докладе Черненко указал на огромное отставание от жизни теоретической работы партии, затронул проблемы серьезных провалов в исследовательской деятельности

обществоведов. Критика была конкретной. В частности, отмечалось, что не оправдали возложенных на них надежд созданные еще в шестидесятые годы Институт социологических исследований и Центральный экономико-математический институт Академии наук СССР. Многие научные коллективы замкнулись в собственных «диссертационных» и групповых интересах, мелкотемье.

В публичных выступлениях Черненко, его статьях 1983–1984 годов явно прослеживаются многие принципиальные направления грядущих неотвратимых перемен в общественно-политической, экономической и социальной жизни страны, в системе управления народным хозяйством. В качестве важнейшей выделяются мысли о необходимости определить место и роль правящей партии в социалистическом обществе, дать объективную характеристику того общества, которое мы строим и в котором живем. Все эти вопросы его волновали, он искал на них ответы, пытался сформулировать свои позиции.

В этом непременно убеждаешься, читая его речи как на июньском (1983 года), так на апрельском и октябрьском (1984 года) пленумах ЦК. Чувством серьезного беспокойства Черненко за судьбу страны проникнуты его выступления в марте 1984 года перед избирателями Куйбышевского избирательного округа Москвы, а также на встрече с рабочими завода «Серп и Молот».

Особенно рельефно прослеживается постановка целого ряда злободневных проблем в его последней при жизни статье в журнале «Коммунист» (№ 18, декабрь 1984 года) «На уровень требований развитого социализма». Гранки этой статьи мы, помощники генсека — я и Вадим Печенев, обсуждали с Константином Устиновичем, когда он уже был тяжело болен, буквально у его постели в специальном отсеке ЦКБ. Черненко одобрил последний вариант статьи, внеся в текст незначительные поправки. Главная цель, которую он преследовал, заключалась в том, чтобы положения публикуемой статьи за подписью Генерального секретаря ЦК КПСС легли в основу подготовки к XXVII съезду КПСС, который предполагалось созвать в ноябре 1985 года.

Конечно, в этой статье Черненко немало декларативного. Но что поделать, если сложился и был принят на вооружение такой стиль? В то же время нельзя отрицать и целого ряда конструктивных мер, которые предполагалось предпринять в перспективе. Многие положения этой его публикации, может быть, следует расценивать как некую попытку приблизить надвигавшиеся перемены.

Развивая мысль о том, что на предстоящем партийном съезде

предметом особого разговора будет состояние нашей экономики, ее проблемы и перспективы, Черненко настоятельно подчеркивал, что многие экономические вопросы на сей раз выдвигаются в повестку дня съезда не только потому, что время привело нас к календарной вехе, отделяющей одно пятилетие от другого. Сама наша экономика вплотную подошла к рубежу, на котором качественные сдвиги и перемены в ней стали, как он выразился, «повелительной необходимостью». Собственные успехи советской экономики поставили предел ее экстенсивному развитию. Необходимость интенсификации продиктована не только и не столько нехваткой ресурсов, а прежде всего тем, что наше народное хозяйство уже обеспечило такой объем производства, при котором, чтобы двигаться вперед, необходимо не расширять его, а обновлять, выводить на уровень передовых достижений науки и техники.

Организуя и направляя народно-хозяйственный процесс, ни в коем случае нельзя руководствоваться установкой на «производство того же самого, лишь бы побольше». Иными словами, автор писал именно о грядущих коренных изменениях в экономике, о комплексе мер, которые можно было бы определить как «качественное преобразование производительных сил».

Такие далекоидущие задумки по коренному преобразованию экономики страны, выработке нового курса руководящей силы общества — Коммунистической партии — вынашивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко, надеясь нацелить на это предстоящий партийный съезд. Но одного он, увы, предвидеть не мог: жить ему оставалось немногим более двух месяцев. И задумкам его не суждено было воплотиться в жизнь.

Дорвавшись, в конце концов, до вожделенной верховной власти, Горбачев вместе со своей похоронной командой стал автором величайшего предательства XX века, в результате которого не стало первого на Земле социалистического государства, великой мировой державы.

Как-то в «постперестроечные» годы в журнале «Знамя» появилась одна заметная публикация. В ней делалась попытка оценить Черненко как руководителя партии и страны. Автор статьи — академик Г. А. Арбатов считался в высоких политических сферах того времени человеком известным и весьма преуспевающим. На протяжении длительного периода он безошибочно ориентировался во всех переходах и поворотах коридоров власти, был одним из постоянных руководителей «писательского цеха», работавшего на Брежнева, состоял при нем в звании, я бы сказал, «личного академика». Одним словом, был он личностью довольно авторитетной.

Но вот Черненко он не любил. Поэтому и публикация, о которой я упоминаю, была целиком построена на негативных материалах и высказываниях.

Сразу скажу, что я не разделяю большинства безапелляционных, но поверхностных и субъективных суждений Арбатова о личности Черненко. Хотя, наверное, это его право, его взгляд и точка зрения. И в то же время его мнение о периоде короткого пребывания Черненко у власти в какой-то мере перекликается с некоторыми моими выводами и заключениями. Поэтому я и хочу привести здесь одно высказывание Арбатова.

«Как можно оценить короткий, не имеющий, наверное, шансов получить осмысление, подробное освещение в истории, период Черненко? — вопрошает автор. — Поначалу у меня был однозначный ответ: потеряно тринадцать месяцев в такое трудное для страны время. Потом оценка стала осторожнее. А может быть, эти месяцы безнадежности не потеряны зря? Может быть, они были нужны, чтобы после застоя и легкой встряски при Андропове понять, насколько страна нуждается в переменах и реформах, притом радикальных? Может быть, они готовили почву для перестройки?»

Да, трудно не согласиться с рассуждениями академика Арбатова. Вместе с тем хочу добавить: какую бы позицию ни занимал Черненко, он бы никогда не допустил, чтобы планы правящей партии — КПСС, являвшиеся результатом ее коллективной мысли, вдруг выпали из ее рук и из средства созидания превратились в страшенное оружие разрушения. Вряд ли бы при нем стало возможным, чтобы благими партийными лозунгами, казавшимися со стороны привлекательными и всесторонне обоснованными, прикрывали свою деятельность настоящие противники существовавшего в Советском Союзе строя, сумевшие за несколько лет довести советское общество и государство до кризисного состояния и развала.

В немногочисленных публикациях о Черненко, как правило, упоминаются такие присущие ему качества, как элементарные осторожность и осмотрительность. Пожалуй, только ленивый не вменял их в вину генсеку. Конечно, эти свойства далеко не всегда положительно характеризуют политических лидеров. Но нельзя забывать, что и новаторство, которое у нас всегда в чести, чье-то желание постоянно быть впереди на лихом коне часто приводят к непредсказуемым результатам. А иногда итоги преобразований в государственной и общественной жизни, в экономической сфере выглядят и вовсе чудовищными, особенно в тех случаях, когда новаторами и творцами провозглашают себя дилетанты. Это и случилось в нашей стране.

И что бы ни говорили о Черненко любители заводить заезженные пластинки про застой и дефицит колбасы в советские годы, как бы они пренебрежительно ни оценивали его историческую роль в судьбе страны, катастрофы, постигшей Советский Союз, он бы не допустил.

С такими вот мыслями я и подошел к последней главе книги.

Глава одиннадцатая. Последние месяцы

Верность «преемственности». Из последних сил. Единомышленники, но не друзья. Черненко и Устинов. Не отпустили. Жажда жизни. Как награждались писатели. Развязка.

Никколо Макиавелли — великий знаток психологии людей, облеченных государственной властью, разбирающийся не только в основных принципах, но и в самых тонких оттенках, характеризующих их взаимоотношения с народом, — поучал правителей, чтб нужно делать для того, чтобы обрести необходимую репутацию. При этом он обращал их внимание, по его разумению, на самое главное — на то, что «люди вообще судят по наружности, нежели по внутреннему достоинству». Человек, не слишком знакомый с высшими сферами, очень часто испытывает вполне обоснованное желание возразить средневековому мыслителю, чьи наставления очень часто пронизаны обыкновенным цинизмом. Однако в нашем случае его высказывание, как говорится, попало в точку.

На мой взгляд, Черненко на посту генерального секретаря слишком мало заботился о своей «наружности». Речь, конечно, идет не о его внешнем виде — несмотря на явную скромность в одежде и на болезнь, которая, как известно, не красит, смотрелся он всегда безукоризненно. Но он совершенно не обращал внимания на то, как выглядит со стороны его линия поведения, какое впечатление производят те или иные его шаги и поступки. А ведь это было необходимо для того, чтобы нравиться людям, располагать их к себе. Впрочем, он и не стремился преподносить окружающим все то, что он делал, в красивой упаковке, считая, что важна не форма, а содержание. «Пиариться» тогда было не принято, а если бы такое занятие и вошло в жизнь, то Константин Устинович наверняка бы отнесся к нему с презрением.

И все же его неброская манера поведения, кажущаяся медлительность, проявлявшаяся на людях в последние месяцы болезни немощность не вызывали положительных эмоций. Но это еще было полбеды. Беда в том, что в горбачевский период стало модным утверждать, что Черненко как выходец из недр партийного аппарата был изначально, так сказать, «по умолчанию» не способен должным образом управлять государством.

Слово «аппаратчик» было как клеймо, которое ставили на

других люди, совершенно не смыслящие в науке управления и сложностях аппаратной работы. А то, что у Черненко был огромный управленческий опыт, то, что ему удалось в значительной степени усовершенствовать механизм партийного и государственного управления страной, особой заслугой не считалось. Некомпетентность таких суждений не удивляет — близился период, когда страной станут управлять «эмэнэсы», не сумевшие отличиться на научном поприще. Никто тогда этим не возмущался…

Имея представление о деловых и личных качествах Черненко, нам легче будет ответить, пожалуй, на самый волнующий вопрос: было ли все же правомерным и обоснованным после смерти Андропова избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Черненко? Опираясь на свои представления об обстановке, царившей в высшем эшелоне власти того времени, могу ответить только утвердительно.

Прежде всего надо отметить то обстоятельство, что после кончины Брежнева не прошло и двух лет. А что это означало для узкого круга Политбюро да и подавляющего большинства всего его состава? То, что все эти люди еще находились под воздействием прежней эпохи, мыслили и действовали привычными стереотипами. Ведь 18 лет правления Брежнева были эрой относительной стабильности, а любые правители, как и их подданные, во все времена больше всего на свете хотели спокойствия. Именно это желание превалировало над остальными и в Политбюро, оно было главной «движущей силой» при рассмотрении вопроса о новом лидере.

Большую роль сыграла и боязнь раскола. Ну разве мог в то время на пленуме ЦК кто-нибудь выдвинуть альтернативную кандидатуру после того, как Черненко предложил избрать Генеральным секретарем ЦК Андропова? В той обстановке это было невозможно, тем более что все члены ЦК были прекрасно осведомлены о том, что подобные вопросы предварительно обсуждаются на заседании Политбюро. А что решит Политбюро — это уже не обсуждается, это для любого коммуниста, независимо от его статуса, является законом. Такова традиция, которая складывалась десятилетиями.

Поэтому и избрание генсеком Черненко (его кандидатуру предложил член Политбюро Н. А. Тихонов) прошло без лишних дебатов и обсуждений, как раньше было принято говорить, в обстановке полного единодушия. Мне довелось присутствовать на обоих пленумах — и когда избирали Андропова, и при избрании Черненко, и я могу подтвердить, что это было именно так.

По такому же сценарию проходило и избрание Горбачева,

правда, как мы уже говорили, ему и его сторонникам пришлось страховаться от разных неожиданностей и возможных альтернативных вариантов. Потом, правда, часто рассуждали, что единодушие и сплоченность членов ЦК были мнимыми, что они проявили беспринципность, не сумели разглядеть в Горбачеве перерожденца. Но, думается, такие разговоры необоснованны, поскольку никто в начале 1985 года не знал его как следует (может быть, исключение составляли лишь товарищи из Ставрополья, которые работали под его началом), а относительная молодость кандидата на пост генерального секретаря была его большим плюсом. В первое время большинство коммунистов связывали с ним надежды на перемены к лучшему.

Конечно, каждый член Политбюро, каждый, кто мог претендовать на кресло генерального секретаря, имел свои плюсы и минусы. Но все же не следует их резко противопоставлять друг другу, выделять кого-то из узкого круга высшего партийного руководства за какие-то особые качества или прозорливость ума. Все эти люди были единомышленниками, единомышленниками в том понимании, что каждый из них стремился удерживать доставшуюся им власть до тех пор, пока это возможно. При сравнительно нормальном развитии событий они и не помышляли о том, чтобы уступить ее добровольно другим, считая, что власть дана им по праву, только они ее и достойны.

Было и еще, что их объединяло: даже в самые драматичные моменты быстротечной смены лидеров все они благоговели перед магическим понятием «преемственность». Они — выдвиженцы брежневской эпохи, ее верные наследники — за такое короткое время не могли даже психологически себя перестроить.

Как мы знаем, идея «преемственности» перекочевала в «новую» эпоху, что, впрочем, и неудивительно. Ведь подавляющее большинство нынешних руководителей России — воспитанники КПСС, причем многие современные политические деятели были только членами партии, но отнюдь не ее украшением. Ныне они составляют основной костяк в «Единой России», и, думается, в первую очередь именно они дают своим оппонентам вполне обоснованный повод считать, что «Единая Россия» во многих своих делах воспроизводит КПСС в ее худших чертах и традициях.

…Условия, в которых Черненко приступил к обязанностям Генерального секретаря ЦК КПСС, были для него весьма неблагоприятными. Ему шел семьдесят третий год, и он был тяжелобольным человеком. Его физические, да и во многом моральные ресурсы к этому времени были фактически выработаны. В последние годы жизни Брежнева Черненко, заняв в

узком кругу Политбюро особое положение секретаря ЦК, координирующего всю деятельность руководящих органов партии, вынужден был брать на себя решение многих сложных и исключительно важных проблем. А такое положение требует не только огромных усилий и большой ответственности — человек, облеченный такими полномочиями, как правило, служит для других и своеобразным «громоотводом». В то время как в связи с прогрессирующей болезнью постепенно отходили от оперативных дел Суслов и Кириленко, Черненко вынужден был переключить на себя огромный дополнительный поток вопросов текущей работы Политбюро и Секретариата ЦК. Всё это отнимало силы, которые восстановить было уже невозможно.

Теперь известно, что избранный в ноябре 1982 года Генеральным секретарем ЦК КПСС Андропов был к тому времени уже серьезно больным человеком. В июне 1983 года на пленуме ЦК КПСС по идеологическим вопросам он уже выглядел физически немощным и выступал буквально через силу. Это было его последним публичным выступлением. Начиная со второго полугодия 1983 года Черненко, тоже не блещущий здоровьем, фактически постоянно был «на хозяйстве».

После своего избрания генеральным секретарем Черненко, несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, с большим рвением, можно сказать, с жадностью взялся за выполнение нелегких и ответственных обязанностей. Об этом можно судить по напряженности, плотности каждого его рабочего дня. Видимо, чувствуя в глубине души дефицит отпущенного ему времени, он по-настоящему спешил сделать то, что было задумано, было, на его взгляд, желательным и непременно должно осуществиться.

Став в последние месяцы жизни генсека, пожалуй, наиболее близким к нему из числа окружающих его сотрудников человеком, я вольно или невольно был свидетелем того, как Константин Устинович буквально разрывается на части. Непомерная его загруженность вызывала у меня не только недоумение — было горькое чувство от того, что никто из членов Политбюро особенно не беспокоился, что он тащит такой огромный воз работы.

Резкое ухудшение состояния его здоровья наступило после того, как в конце июля 1984 года из-за ухудшения самочувствия был прерван его летний отпуск на Северном Кавказе. Ранее, в течение многих лет, Константин Устинович лечился и отдыхал там в санатории «Красные Камни». В то время и он сам, и врачи считали, что это место отдыха благоприятно на него воздействует. Потом, с конца шестидесятых годов, поездки на Северный Кавказ пришлось прекратить, и Черненко стал ежегодно

ездить в Крым одновременно с Брежневым. Полноценным отдыхом это нельзя было назвать. Ему приходилось в то время выполнять функции ближайшего советника генсека по организации известных «крымских встреч» с лидерами зарубежных стран.

И вот в 1984 году Чазов, с учетом пожеланий Горбачева, который почему-то счел в этом случае возможным выступить в роли советника руководителя Четвертого главного управления Минздрава, предложил Черненко, когда тот уже был Генеральным секретарем ЦК КПСС, вновь отдохнуть на Северном Кавказе — на государственной даче неподалеку от «Красных Камней».

Не являясь специалистом в области медицины, я, конечно, не берусь сегодня судить о правомерности таких рекомендаций для Черненко при его состоянии здоровья, когда он, с его слабыми легкими, постоянно страдал кислородной недостаточностью. (Установки для приема кислорода были оборудованы у него и на даче, и в комнате отдыха при служебном кабинете в ЦК.) И все-таки можно было предположить, что польза от выбора этого места для отдыха генсека будет сомнительной. На мой взгляд, любому человеку в том состоянии, в котором находился тогда Константин Устинович, проводить отпуск в Приэльбрусье, на высоте около тысячи метров над уровнем моря мало бы кто посоветовал.

Не случайно в первые же дни нахождения Черненко на высокогорной даче состояние его здоровья резко ухудшилось. В связи с этим сюда были вызваны известные медицинские светила — Е. И. Чазов и А. Г. Чечулин, которые прибыли незамедлительно и несколько дней наблюдали состояние генсека. Было принято решение, что ему следует сменить место отдыха и перебраться поближе к Москве, в его резиденцию Завидово. Всего же в Приэльбрусье он пробыл 12 дней. За это время он практически не выходил из помещения, не бывал на воздухе, а при отъезде пришлось выносить его на носилках.

В Завидове здоровье Константина Установила хоть и медленно, но пошло на поправку, прежняя работоспособность постепенно возвращалась. По нескольку часов в день он стал работать с материалами Политбюро, которые я ему регулярно привозил, активно готовился к очередному пленуму ЦК. В это время члены Политбюро к нему наезжали редко. Исключение, пожалуй, составлял лишь Д. Ф. Устинов. Из личных наблюдений я сделал вывод, что отношения между генсеком и министром обороны были вполне дружескими и доверительными. Дмитрий Федорович с присущими ему задушевностью, прямотой и обескураживающим военным юморком подбадривал Константина Устиновича, поднимал ему настроение. По всему было видно, что

Устинов — не только член Политбюро, министр обороны, маршал, а прежде всего глубоко порядочный и искренний человек. Он был в то время для генсека настоящей опорой. При встречах с ним у Константина Устиновича теплели глаза, в них исчезали боль и тоска, которые нередко тогда можно было видеть.

Мне казалось, что уважение Черненко к министру обороны было основано на безоговорочном признании превосходства и авторитета Устинова. Конечно, Дмитрий Федорович был уникальным человеком. Достаточно сказать, что в 33 года он был назначен Сталиным наркомом вооружения СССР, причем произошло это в суровом сорок первом году. И на этой должности (названия ее менялись: министр вооружения, министр оборонной промышленности) он находился 16 лет. Какое это было для страны время, каждый читатель хорошо знает. Вклад Устинова в обороноспособность страны был, безусловно, выдающимся. Да и последующая его биография вызывала уважение.

Как бы то ни было, в дружбе Черненко и Устинова чувствовалось неравенство сторон. В связи с этим мне запомнился один разговор с Константином Устиновичем, который был для меня не очень приятным. Дело было накануне Всеармейского совещания комсомольских работников, которое решило провести Главное политическое управление Министерства обороны при активной поддержке руководителя министерства. По настоятельной просьбе Устинова генсек согласился принять участие в этом совещании и выступить перед его участниками. За несколько дней до совещания вдруг встал вопрос о награждении армейского комсомола боевым орденом. Я высказал Черненко свои сомнения по этому поводу. Смысл моих доводов заключался в том, что комсомол как единая коммунистическая организация молодежи имеет большое количество государственных наград. Причем два ордена ему вручены за боевые подвиги в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Следует ли искусственно выделять воинов-комсомольцев и вручать им высокую награду обособленно? Ведь так можно до бесконечности продолжать дробление молодежи по ее социальным и профессиональным признакам, отдельно чествовать и награждать, к примеру, комсомольцев-металлургов, строителей, студентов.

Увы, доводы мои не поколебали Черненко. Он недовольно посмотрел на меня и сказал: «Может быть, поручить тебе поговорить на этот счет с Устиновым?» Я понял, что тема разговора исчерпана.

Двадцать восьмого мая 1984 года армейскому комсомолу был

вручен орден Красного Знамени. Министр обороны, конечно, этой акцией преследовал важные цели — надо было попытаться как-то поднять дух и молодых воинов, и офицеров. Ведь в разгаре была тяжелая и непопулярная в народе война в Афганистане, а «черные тюльпаны» регулярно совершали рейсы на родину со своим страшным грузом.

Тем временем болезнь, исход которой, видимо, предчувствовал генсек, угнетала его, но в то же время подталкивала подчас к работе непосильной, неадекватной его физическому состоянию. Он стремился непременно председательствовать на заседаниях Политбюро, публично вручать награды, появляться на экранах телевизоров. Он уже был недостаточно устойчив на ногах, дышал тяжело, с хрипами, кашлял, все чаще принимал кислород. Но это только все более его ожесточало — ведь он вступил с болезнью в неравную схватку.

Иногда даже создавалось впечатление (не берусь предположить, что оно возникало и у медицинских специалистов во главе с Чазовым), что генсек все-таки выкарабкается и сможет по-настоящему стать в строй. Он, казалось, всеми силами старался показать окружающим, что он дееспособен, что он у руля. Он цеплялся за жизнь.

Но за должность он, впрочем, как в свое время и Брежнев после перенесенного тяжелого заболевания, не держался. И так же, как не дали когда-то уйти вовремя Брежневу, не давали уйти и Черненко. По-моему, один только бы человек не возражал против этого — Горбачев, но и он вынужден был до поры до времени шагать в ногу с остальными членами Политбюро.

Я хочу здесь привести небольшой отрывок из книги В. И. Воротникова «Кого хранит память», который подтверждает мои наблюдения. Виталий Иванович описывает случай, который произошел 9 января 1985 года:

«Неожиданное сообщение о внеочередном заседании Политбюро. Приехал в Кремль. Собрались в кабинете К. У. Черненко, а не в зале заседаний. Были члены Политбюро и еще несколько человек, по-моему, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарев и еще кто-то, то есть не в полном составе.

К. У. Черненко сидел за длинным столом в торце. Поздоровался не вставая. Затем сказал примерно следующее: "Есть необходимость обсудить положение. В последнее время я много передумал, пережил, вспомнил всю свою жизнь. Многие годы она шла рядом с вами. Но возникают вопросы, которые нельзя отложить. Вы прочитали записку Е. И. Чазова? (Ее нам предварительно дали прочесть. Это была короткая, примерно на

две трети страницы, записка о состоянии здоровья К. У. Черненко.) Я не могу сам единолично принимать решение. Думал, может уйти?" Н. А. Тихонов, затем В. В. Гришин, А. А. Громыко подали протестующие реплики: "Зачем торопиться? Надо подлечиться и все".

Константин Устинович продолжал: "До слез обидно. Так хочется работать. Но пусть скажет Евгений Иванович".

Е. И. Чазов кратко подтвердил, что К. У. Черненко нуждается в отпуске и серьезном лечении. Нужны госпитализация, обследование. О поездке на ПКК (Политический консультативный комитет государств — участников Варшавского договора. — *В. П.*) в Софию не может быть и речи.

Естественно, что все члены Политбюро высказались за это. Решили, что руководству соцстран надо сообщить все как есть, не вуалировать причину. Объяснить, что в настоящее время К. У. Черненко приехать не может по состоянию здоровья, ему требуется лечение. Что касается пленума по техническому прогрессу — снять».

Еще раз напомним: ведь буквально за несколько дней до своей смерти Константин Устинович обращался за советом и к Громыко — и все по тому же вопросу: о возможности своей добровольной отставки.

Но если Черненко, как казалось его ближайшему окружению в Политбюро, и в самом деле не слишком твердо настаивал на своем освобождении от обязанностей генсека, то я объясняю это следующим. Во-первых, он как всякий человек в его положении отчаянно надеялся, что сможет преодолеть недуг. Во-вторых, он действительно хотел работать, мечтал, что предстоящий съезд станет для страны этапным, наметит действенные меры по преодолению негативных явлений.

Есть у журналистов такой штамп: жизнь как подвиг. Не знаю, можно ли так говорить о всей жизни Константина Устиновича, но последние ее месяцы, безусловно, можно охарактеризовать самыми высокими словами.

Чувствуя, что угасает, Черненко героически продолжал бороться за жизнь, трудился до последних дней, считая, что его долг перед партией заключается в том, чтобы успеть сделать все, что можно. Но эта борьба осложнялась тем, что находился он в атмосфере потрясающего бездушия, которое проявляло к нему подавляющее большинство членов Политбюро. И здесь я опять вспоминаю кончину Брежнева, равнодушие людей, которые, даже в силу своего долга, не побеспокоились хотя бы о том, чтобы подле тяжелобольного человека дежурила медсестра. Параллели напрашиваются сами собой.

Двадцать третьего октября 1984 года состоялся очередной пленум ЦК КПСС. Он рассмотрел вопрос «О долговременной программе мелиорации, повышении эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны». С докладом на нем выступил председатель Совета министров СССР Тихонов. Пленум прошел как дежурное мероприятие, без каких-либо неожиданностей и кардинальных решений. Черненко выступил на нем, хотя речь его по содержанию можно смело назвать заурядной. Но для генсека гораздо большее значение имел сам факт выступления: оно все же состоялось, и это воодушевило его. Он был охвачен иллюзией выздоровления. Врачи в полную силу, с помощью интенсивной терапии, закордонных диковинных препаратов эти иллюзии поддерживали. На некоторое время даже возникло ощущение, что Константин Устинович заметно посвежел и окреп, у него явно наблюдался прилив энергии и работоспособности.

Он направил записку в Политбюро, касающуюся вопросов подготовки к XXVII съезду партии, и она получила единодушное одобрение. Черненко предлагал приблизить по времени созыв съезда, провести его в октябре — ноябре 1985-го, а не весной будущего года, как это обычно происходило. Он намеревался разработать к этому времени основные направления экономического и социального развития страны на двенадцатую пятилетку и утвердить их, чтобы уже с 1 января 1986 года приступить к их реализации. В этом был определенный резон, так как предшествующие планы утверждались уже после начала пятилетки и не успевали за временем. Предстоящему созыву XXVII съезда КПСС предполагалось посвятить намеченный на апрель 1985 года пленум ЦК. Но вот рассмотрение важнейшего вопроса о развитии научно-технического прогресса, которое также намечалось вынести на рассмотрение пленума, откладывалось.

После одобрения его записки членами Политбюро генсек задумал изложить свои идеи подготовки к съезду партии в журнале «Коммунист». Такая статья, о ней мы уже упоминали выше, вышла в декабре 1984 года. Примерно в это же время врачи настояли, чтобы Константин Устинович прошел очередной курс лечения в Центральной клинической больнице. Но он и там продолжал по возможности работать, нередко приглашая к себе помощников.

В те дни мне приходилось подолгу засиживаться в его больничном «рабочем кабинете». В феврале 1985 года предстояли выборы в Верховный Совет РСФСР, и необходимо было

подготовить программное предвыборное выступление. Наряду со статьей в «Коммунисте» это выступление должно было стать своеобразным отправным моментом подготовки к XXVII партийному съезду. Первый вариант текста предстоящего выступления был подготовлен, однако он не удовлетворил Константина Устиновича. Ознакомившись с ним, генсек вдруг не на шутку разнервничался и довольно резко резюмировал: «Выступления нет». Он настолько глубоко «перелопатил» представленный ему текст, что даже в корне изменил план будущей речи и надиктовал нам, помощникам, несколько страниц своих суждений, которые следовало учесть. Пришлось принимать срочные меры и основательно дорабатывать материал.

Вскоре Черненко решил покинуть ЦКБ и вернуться к исполнению своих обязанностей на Старую площадь. В эти дни в ЦКБ в палату по соседству с ним, только этажом ниже, был помещен в тяжелом состоянии Устинов. Покидая больницу, Черненко зашел к Дмитрию Федоровичу. Разговор их был непродолжительным — Устинов настолько плохо себя чувствовал, что не мог долго поддерживать беседу. Несмотря на это, Дмитрий Федорович, по своему обыкновению, нашел для генсека теплые, ободряющие слова. Он сказал, чтобы Константин Устинович держался, что болезнь его отступит обязательно, что нам — большевикам не пристало легко сдаваться. О себе он сказал, что долго в ЦКБ не намерен оставаться, через несколько дней оклемается и приступит к работе — дел впереди невпроворот. И действительно, в ЦКБ ему не пришлось находиться долго — через несколько дней после операции он там же и скончался.

Для Черненко смерть Устинова явилась большим ударом. «Я этого не ожидал от Дмитрия Федоровича», — с горечью произнес он, когда встретил страшное для него событие. Генсеку не пришлось проводить в последний путь своего друга и соратника, так как врачи категорически ему запретили в морозный день быть на похоронах. Таким образом, после смерти Устинова из старого руководящего круга людей в Политбюро осталось лишь два человека — Черненко и Громыко.

К концу 1984 года состояние здоровья генсека стало ухудшаться на глазах. Это ясно видели окружающие, но старались об этом разговоров не заводить. В западной прессе стали появляться публикации на эту тему. А всегда оперативный в подобных случаях западногерманский журнал «Штерн» даже опубликовал фоторепортаж о том, как генеральный секретарь и президент Черненко с большим трудом, только с помощью охранников добирается до своей резиденции в Кремле.

Вообще говоря, создавалось впечатление, что соратники

генсека по Политбюро вроде бы со стороны наблюдают за развивающимися событиями, за ухудшением состояния здоровья их лидера. Казалось, у них интерес к его личности уже потерян, и то, что происходит по его желанию или воле, совершается без их содействия или даже советов. А узкий круг людей, непосредственно обслуживавших генсека в последние месяцы его жизни, был и организатором, и исполнителем всего того, что происходило с его участием.

С горечью вспоминается такой эпизод: 27 декабря 1984 года генсек, уже несколько дней не появлявшийся из-за обострения болезни в кабинете на Старой площади, около одиннадцати часов вдруг позвонил мне. Обычно такие звонки его начинались с традиционного шутливого вопроса: «Ну, как там на воле?» На этот раз он даже не ответил на приветствие и тихим, но требовательным и недовольным голосом высказал претензию: почему до сих пор у него нет списка награжденных, которым он сегодня должен вручать государственные награды?

Это было для меня полной неожиданностью. Дело в том, что еще неделю назад, когда болезнь генсека снова обострилась, по настоянию медиков было решено не проводить никаких вручений и не допускать каких бы то ни было выступлений Черненко в ближайшее время. Речь тогда шла конкретно и о вручении наград группе писателей, удостоенных звания Героя Социалистического Труда и уже давно ожидавших торжественной церемонии. Но с учетом сложившейся ситуации В. Ф. Шауро, бывшему в то время заведующим Отделом культуры ЦК, был дан отбой на неопределенный срок. Естественно, теперь, при разговоре, генсеку об этом я ничего не сказал и лишь уточнил время вручения. Он назначил его на 16 часов, а в 15 надо было представить ему материалы.

К назначенному времени всё было готово. Из приемной передали, что Черненко просит меня зайти. В кабинете его не оказалось. Приоткрылась дверь в комнату отдыха, и врач жестом показал, что можно войти. Константин Устинович полулежал в кресле. Он был без пиджака, ворот рубашки расстегнут, узел галстука ослаблен, а рядом свисали переплетенные трубки кислородного аппарата. Он выглядел настолько беспомощным, что сердце у меня невольно сжалось. Подняв глаза, Черненко с какой-то жалостью, перемешанной с досадой, спросил: «Ну что, красиво я выгляжу?»

В такой ситуации оставалось лишь промолчать в ответ, сделать вид, будто ничего особенного не происходит. Однако, к моему большому удивлению, через полчаса он уже был за столом, подтянутый, как всегда прибранный, с аккуратно причесанной

седой головой. Вручение решено было проводить не в специальном помещении, а здесь же, в кабинете Черненко. Свободно передвигаться Константину Устиновичу было трудно. За пять минут до церемонии кабинет стали шумно заполнять фотокорреспонденты, кинооператоры, сами награжденные. Это взволновало генсека. Он, как никто другой, чувствовал свою немощь и понимал, что и другие это видят, поэтому переживал и нервничал. Для присутствующих это вручение прошло с мучительным напряжением. Но Черненко ценой огромных усилий выдержал. Только при вручении последней награды, кажется, писателю Анатолию Ананьеву, генсек на секунду потерял равновесие и лишь благодаря ловкости охранника, вовремя его поддержавшего, устоял на ногах.

Иногда я смотрю на памятную фотографию, запечатлевшую один из моментов того торжественного мероприятия, и вижу озабоченность в лицах награжденных, неестественно прямо стоящего перед объективом Черненко. Невольно думаешь: неужели в то время не нашлось никакой влиятельной силы, способной вмешаться и отменить участие безнадежно больного руководителя в процедуре вручения наград, как, впрочем, и в других делах? Странно, но такие вопросы тогда решались лишь помощниками да медицинскими работниками — остальные предпочитали не вмешиваться в них. Ничего, кроме горечи и недоумения, такое положение вещей не вызывало.

Грустно об этом говорить, но к этому времени авторитет Черненко уже никого не волновал, никто из членов Политбюро не оберегал его как главу партии и государства, как, наконец, обычного человека, простого смертного. Поэтому последние месяцы его жизни оставили у меня самые печальные воспоминания.

Взять хотя бы ту излишнюю суету и чрезмерное усердие, проявленные в связи с подготовкой предвыборного выступления Черненко в феврале 1985 года. Конечно, встреча кандидата в депутаты такого высокого ранга с избирателями была традиционно важной и ответственной, требовала большой подготовительной работы. Но в данном случае и медицинским работникам, и всем окружающим должно было быть предельно ясно, что встречу генсека с избирателями проводить невозможно — он физически просто не мог в ней участвовать. И никакие зафаничные стимуляторы уже не в силах были ему помочь.

Трудно сказать, как можно было правильнее поступить в этом случае. Но, на мой взгляд, следовало бы просто опубликовать в печати короткое обращение кандидата к избирателям. В нем можно было бы сказать и о причине, делающей невозможной их

встречу с Черненко в данный момент. Люди конечно же отнеслись бы к этому с пониманием.

Но не тут-то было. С приближением срока предвыборного собрания обстановка все более накалялась. Московский горком, Куйбышевский райком партии города Москвы готовили к этой встрече помещение недавно отстроенного киноконцертного зала. Были запланированы выступления избирателей, концерт мастеров искусств. Организационная машина была запущена и работала уже независимо от состояния здоровья того, во имя кого всё это делалось. А здоровье генсека в январе 1985 года быстро ухудшалось. Он с трудом передвигался, не мог подолгу стоять на ногах и тяжело, с постоянными хрипами, дышал и непрерывно кашлял. О каком публичном выступлении могла идти речь?

Но подготовка к предвыборному собранию продолжалась полным ходом. Рассматривался вариант возможного выступления кандидата сидя. Было даже дано задание изготовить для него трибуну специальной конструкции. Наконец, был принят вариант, предусматривающий предварительную запись предвыборного выступления Черненко в больнице и показ ее затем по Ценфальному телевидению. Было предпринято несколько попыток такой записи, но ни одна из них не увенчалась успехом.

И опять, как и ранее, не нашлось людей, способных реально оценить сложившуюся ситуацию, предпринять разумные меры, чтобы достойно из нее выйти. Трудно представить себе, но буквально за несколько дней, когда всем было абсолютно ясно, что генсек просто не в силах прибыть на встречу с избирателями, предвыборное собрание не отменили. Его перенесли в другое помещение, и от имени кандидата в депутаты подготовленную для него речь зачитал собравшимся секретарь МГК КПСС Гришин. Никто не воспрепятствовал этому странному мероприятию. Более того, в ЦКБ была организована и снята церемония голосования генсека на выборах, вручения ему удостоверения депутата Верховного Совета РСФСР. И опять никто не попытался остановить это, прямо скажем, кощунственное действо. Сам же генсек к этому времени был совершенно недееспособным, что и увидела на экранах телевизоров вся страна.

Во всем этом принимал непосредственное и деятельное участие руководитель Московской городской парторганизации, член Политбюро В. В. Гришин. Было ли ему дано такое поручение или он по собственной инициативе проявлял такое усердие, сказать трудно. Если же такое поручение и было, то оно кажется очень странным. Если же его не было, то вся эта суета выглядит странной вдвойне. В любом случае такого рода ситуация, непосредственно касающаяся генсека, обязательно должна была

рассматриваться в Политбюро.

Спрашивается: а где же был в это время Горбачев, чем он в это время занимался? Горбачев, разумеется, от этих проблем оставался в стороне. Ведь он в это время находился «на хозяйстве», он руководил Политбюро и Секретариатом, он принимал важные государственные решения. Но ведь и первый руководитель партии и государства еще существовал, никто его не освобождал от обязанностей, хотя и был он безнадежно болен. Но это уже Горбачева не волновало. По заключениям медиков и их ежедневным докладам он знал, что Черненко осталось жить считаные дни. Поэтому, что там происходит вокруг умирающего генсека, его совершенно не беспокоило. Не утруждал он себя и посещениями генсека в ЦКБ — было не до этого, настало время примерять корону. В этом бесчеловечном отношении Горбачева к уходящему из жизни руководителю партии и страны — одна из составляющих черт его предательской сущности.

Горькими и драматичными выдались последние несколько недель жизни Черненко. Все понимали, что развязка неминуема, и она наступила.

В воскресенье 10 марта около одиннадцати часов вечера ко мне на квартиру позвонил дежурный из приемной генсека и сказал, что срочно надо быть в Кремле, в зале заседаний Политбюро. Машина за мной уже послана. Я сразу понял причину такого неурочного вызова. Три дня назад я уже знал от лечащих врачей, что положение генсека безнадежно.

Мысли путались в голове, когда машина на приличной скорости везла меня по безлюдным московским улицам. Перед глазами всплывали безжизненное лицо Черненко, его отсутствующий взгляд. И как признак еще теплящейся в нем жизни вспоминалось последнее, еле уловимое рукопожатие. Это было как раз 28 февраля, во время злополучного спектакля с вручением ему удостоверения об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР.

Вот и узкий проезд Боровицких ворот. Подъем, поворот налево, и через площадь подъезжаем прямо к «крылечку», к тому подъезду, через который много раз приходил Константин Устинович на заседания Политбюро. В приемной зала заседаний ожидало несколько человек — все лица знакомые, все — из постоянного и ограниченного круга, в котором решались судьбы страны. В последние два-три года многие из этих людей уже хорошо освоили принятый порядок посмертных дел, имели опыт подготовки и проведения торжественно-траурных мероприятий.

Дежурный пригласил меня пройти в зал заседаний. Это помещение, в общем-то, трудно назвать залом, это скорее была

большая комната. Здесь всё знакомо, строго и просто. В центре — длинный стол с двумя рядами стульев, которые во время заседаний занимали члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК, зампреды Совмина. Ряд стульев и маленьких приставных столиков, расположенных вдоль стены. Это — места заведующих отделами ЦК, министров, приглашаемых на заседания Политбюро. Несколько из них предназначены для нас, помощников генсека. В торце длинного стола буквой «Т» стоял еще один, небольшой — для председательствующего. Сейчас он сиротливо пустовал.

Я прошел к столу заседаний, за которым с левой стороны сидели рядом М. С. Горбачев и Е. К. Лигачев. После взаимных приветствий я сел напротив. Горбачев сообщил мне, что сегодня в 19 часов 20 минут Константин Устинович скончался. Он назвал это «нашим всеобщим горем» и просил меня возглавить группу работников и журналистов для оперативной подготовки текста обращения к советскому народу. В свою очередь я высказал присутствующим слова скорби и соболезнования в связи с кончиной генсека и решил поделиться с собеседниками своими впечатлениями о последних днях Черненко. Горбачев слушал внимательно, изредка кивая головой в знак согласия. Лигачеву же моя информация была явно не интересна, и он всем своим видом показывал нетерпение. Уловив это, я прервал свой рассказ и поднялся, чтобы идти выполнять полученное задание. Горбачев, прощаясь, еще раз попросил меня немедленно приступить к работе, чтобы к утру текст обращения был готов для рассмотрения на Политбюро и передачи в печать.

К установленному сроку бригада сочинителей подготовила все положенные в таких случаях стандартные произведения: пространный некролог, выдержанный в традиционном духе — говорить о покойном только хорошее, обращение к народу, тексты официальных выступлений нового лидера. В одной из таких речей Горбачев скажет: «Ушел из жизни верный ленинец, вьщающийся деятель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, международного коммунистического движения, человек чуткой души и большого организаторского таланта — Константин Устинович Черненко».

В то время сказать что-то иное было и немыслимо. Это выступление в связи со смертью Константина Устиновича Черненко стало последним в ряду свидетельств той неискренности, которая сопровождала бывшего лидера до последней черты.

Послесловие

Вот и завершилось мое повествование о человеке, рядом с которым мне довелось провести несколько лет и самые горькие, последние, его месяцы. Я постарался, насколько мог, приоткрыть его мир, ставший в значительной мере отражением особенностей советского времени и, главное, предшествующих перестройке лет, наполненных напрасными ожиданиями, драматическими коллизиями и целым рядом событий, свойственных тому периоду.

Черненко нужно воспринимать таким, каким он был в жизни. Думается, нельзя торопиться с оценками и упреками в его адрес и тем более с приговором, который ему поторопились вынести вскоре после смерти, объявив его наследником традиций эпохи «застоя». Надо постараться понять, что этот человек, ушедший от нас четверть века тому назад, — продукт своей эпохи. Им была прожита большая и беспокойная жизнь, полная надежд и свершений, ошибок и потерь. При этом самой могучей силой, которая вела его по жизни, его путеводной звездой, указывавшей дорогу, была его вера в справедливость и конечное торжество самых светлых идей. Идей, на которых он был воспитан, верность которым хранил до самого последнего вздоха.

Ему довелось испытать не только величие, но и всю сложность и противоречивость времени, отсчет которому положила Октябрьская революция. Но он так и не сумел понять до конца, что многие идеалы, руководствуясь которыми творили историю люди его поколения, были мнимыми. Сегодня мы прозрели настолько, что способны трезво и объективно оценивать пройденный страной путь. Но при этом даже самые ярые критики советского прошлого не берутся отрицать, что это действительно была качественно новая эпоха в истории мировой цивилизации. Эпоха, утверждавшая социальное равенство и справедливость, дававшая людям возможность ощутить реальность достижения самых высоких целей, о которых до этого человечество только мечтало.

Черненко, как и многие его соратники, относился к числу первооткрывателей еще неизведанного, был одним из тех революционеров-романтиков, которых сейчас многие считают фанатиками. Но люди шли за ними. Народ, самые широкие массы трудящихся на протяжении почти всей советской эпохи крепко верили в свою власть, были убеждены, что она их не бросит и не обидит. Вера эта подкреплялась конкретными делами, растущей мощью страны. На их глазах Россия из отсталой страны превращалась в великую державу.

Вряд ли можно вменять в вину Черненко, что он особенно не задумывался над тем, правильный или неправильный социализм у нас построили. Он был убежден, что советская власть — это его власть, власть трудового народа. Того народа, который воплощал в жизнь ленинскую мечту об электрификации России, возводил Днепрогэс и Магнитку, строил город-сад, а когда понадобилось, грудью встал на защиту социалистического Отечества. Поднимаясь из окопов со словами «За Родину, за Сталина!», люди демонстрировали беззаветную преданность советской власти, готовность отдать за нее свои жизни.

Торжеством идей, которым Черненко посвятил жизнь, были для него «великие стройки коммунизма»: гигантские гидроэлектростанции, нефтяные месторождения Тюмени, Байкало-Амурская магистраль. Как мы сейчас можем судить с высоты своего времени, наш герой нередко заблуждался. Он горячо верил не только в созидательный потенциал своей страны, но и в то, например, что создание совнархозов поднимет на новую ступень управление народным хозяйством страны, что необходимость ввода ограниченного контингента войск в Афганистан логически вытекает из интернациональной природы нашего государства. Он верил в правящую партию — КПСС, она для него была воплощением советской власти.

Его веру разделяли миллионы, и трудно в нашей истории найти и очертить конкретный рубеж, за которым эта вера вдруг треснула и надломилась, а на смену ей пришли безверие и нигилизм. Одно несомненно: негативный процесс в стране нарастал и зрел. Его питали неуклюжие попытки развенчать культ личности Сталина, непродуманные, волюнтаристские эксперименты Хрущева, лихорадившие страну, пресловутая брежневская «стабильность» со звоном незаслуженных и обесцененных наград, преследование за инакомыслие. После смерти Черненко череда событий, окончательно подорвавших доверие народа к власти, нарастала как снежный ком. Здесь и чернобыльская катастрофа, и карикатурная антиалкогольная кампания, и немецкий юнец, приземлившийся в центре Москвы на Васильевском спуске у Кремля, и разгул националистических страстей в Сумгаите, Фергане, Баку, Душанбе… Люди задавались вопросом: во что и в кого верить?

Видно, не случайно повелось в нашей истории, что вера и надежда людская тесно связывались с конкретной личностью, будь то князь или царь, полководец или вождь. Этому были разные причины, но в целом тяга людей к сильной власти была понятна — страна огромная и холодная, многими народами населена и окружена почти со всех сторон недругами.

И после Октября 1917 года советская власть не поломала этой вековой традиции, а скорее, наоборот, усилила веру широких масс во всемогущество своих вождей. По сути дела, судьба народа стала целиком зависеть от воли главы государства и его ближайшего окружения. Драматизм такого положения вещей заключался не только в постоянно висевшей над страной угрозе волюнтаризма и непредсказуемости ее завтрашнего дня. Возлагая на свои плечи всю тяжесть государственных забот, эти люди обрекали себя на сомнительные оценки в будущем, со стороны своих потомков, новых поколений. Ну а народные массы покорно следовали за своими вождями, их соратниками и единомышленниками, поддерживали, как правило, все их идеи, начинания и планы — от разумных и великих до самых абсурдных.

Впрочем, судя по всему, не мы были первыми на этом пути, чреватом заблуждениями и трагедиями. Ведь не случайно еще Ветхий Завет предупреждал человека: не делай себе кумира. Тем не менее сотворение кумиров, возвеличение их подлинных и мнимых заслуг началось в нашей стране еще в первые годы советской власти. Эпоху «вождизма» открыл Ленин, вернее не он сам, а его последователи, которые после смерти Владимира Ильича создали образ, которому люди должны были поклоняться словно идолу. И уже неважно было, что величию Ленина, снискавшего себе бессмертие своими делами и мыслями, претила сама идея идолопоклонства. Огромный созидательный заряд, который несли в себе любовь к Ленину миллионов простых людей, вера в завещанные им идеалы устройства общественной жизни, эксплуатировался затем на протяжении нескольких десятилетий — и Сталиным, и Хрущевым, и Брежневым.

Такую веру можно, пожалуй, сравнить с запасом природных богатств государства, которые иссякают и не восстанавливаются. И только разумное и бережное отношение к ним может продлить их существование. Вера людей тоже не безгранична. Только тает она значительно быстрее, если не подкрепляется реальными шагами на пути к достойной жизни, если слово расходится с делом.

После смерти Брежнева и прихода к власти Андропова в обществе возник на короткое время проблеск надежды на то, что в стране наконец-то восстановится порядок и она сдвинется с мертвой точки. Но это оказалось всего лишь иллюзией, которая растаяла вместе со смертью нового руководителя государства. Приход же к власти Черненко уже не вызвал у народа веры в позитивные перемены. И те 390 дней, которые Константин Устинович пробыл у власти, увы, не дали повода для оптимизма,

хотя и были, как я уже говорил, попытки изменить что-то в лучшую сторону.

В результате к перестройке наш народ пришел с огромным дефицитом веры. А намерения ее «архитекторов» переломить ход развития событий обернулись предательским развалом КПСС и ликвидацией СССР. И слава богу, что Константину Устиновичу не привелось увидеть новую рыночно-капиталистическую Россию, созданную на обломках могучей державы, — всё это произошло уже без него. А могила Черненко, судя по всему, стала не только последним захоронением советских лидеров у Кремлевской стены, но и памятником, знаменующим начало заката великой эпохи.

И все же пытливого читателя наверняка беспокоит вполне обоснованный вопрос: как же случилось, что четко налаженная «хранителем партии» система функционирования партийного и государственного аппарата смогла допустить такие непоправимые сбои, которые привели к трагичному концу? Ответов на этот вопрос существует сейчас великое множество, и их нельзя свести к какому-то единому знаменателю. Однако, выражая свое сугубо личное мнение, я бы попытался на него ответить так: при всей строгости и четкости у этой системы было уязвимое место, своя ахиллесова пята — абсолютная убежденность высшего руководства страны в незыблемости действовавшей модели управления страной.

Подобные настроения разделяло и подавляющее большинство честных коммунистов, никто из которых и предположить не мог, что в недрах руководящих органов партии рождается предательская «пятая колонна». И уж совсем представлялось невероятным, что ее ряды может возглавить сам генеральный секретарь — Горбачев. Наивность вылилась в сокрушительное поражение.

Во время правления Черненко еще было некоторое время, чтобы задуматься и оглядеться вокруг. Но почти всем тогда казалось, что легче идти по инерции.

Основные даты жизни и деятельности К. У. Черненко

1911, 24 сентября — родился в деревне Большая Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии (ныне Новоселовский район Красноярского края).

1923–1925 — работа по найму подпаском у кулаков в селе Новоселово.

1925, сентябрь — 1929, июль — учеба в Новоселовской школе крестьянской молодежи.

1926 — вступил в комсомол.

1929, июнь — 1930, июнь — заведующий отделом Новоселовского райкома комсомола.

1930 — принят кандидатом в члены ВКП(б).

1930, июнь — 1933, сентябрь — служба в пограничных войсках в Джаркентском пограничном отряде на заставе Хоргос.

1931 — принят в члены партии, избран парторгом заставы.

1933, октябрь — 1941, февраль — заведующий отделами Новоселовского, Курагинского, Уярского райкомов партии, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Красноярского крайкома партии.

1941, февраль — 1943, сентябрь — секретарь Красноярского крайкома партии.

1943, сентябрь — 1945, май — слушатель Высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б).

1945, июнь — 1948, сентябрь — секретарь Пензенского обкома партии.

1948, сентябрь — 1956, сентябрь — заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии.

1956, сентябрь — 1960, сентябрь — заведующий сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

1960, сентябрь — 1965, январь — начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

1965, январь — утвержден заведующим Общим отделом ЦК КПСС.

1966, апрель — избран кандидатом в члены ЦК КПСС. *1971, март* — избран членом ЦК КПСС.

1976, апрель — избран секретарем ЦК КПСС.

1976, май — Черненко присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сентябрь — возглавил делегацию КПСС на съезде Компартии Дании.

1977, февраль — избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

1978, май — возглавил делегацию КПСС на съезде Компартии Греции.

Сентябрь — участвует в работе зонального совещания заведующих общими отделами партийных комитетов в Красноярске. *Ноябрь* — избран членом Политбюро ЦК КПСС.

1979, август — вручает орден Трудового Красного Знамени городу Фрунзе, ордена Красного Знамени Панфиловскому погранотряду, посещает заставу Хоргос.

1980 — выход в свет книги К. У. Черненко «Вопросы работы партийного и государственного аппарата».

Сентябрь — вручает орден Ленина городу Челябинску. *Декабрь* — возглавляет делегацию КПСС на съезде Компартии Кубы.

1981, 22 апреля — выступает с докладом на торжественном заседании в Кремле, посвященном 111-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

24 сентября — Черненко вручена вторая «Золотая Звезда» Героя Социалистического Труда.

1982, февраль — возглавил делегацию КПСС на съезде Компартии Франции.

15 июня — выступление на пленуме Красноярского крайкома партии по вопросам Продовольственной программы.

22 сентября — открытие бронзового бюста дважды Героя Социалистического Труда Черненко в Красноярске.

29 октября — вручает орден Ленина городу Тбилиси.

1983, 14 июня — выступление с докладом «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» на пленуме ЦК КПСС.

1984, 11 февраля — на внеочередном пленуме ЦК КПСС избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

2 марта — выступление на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа Москвы.

10 апреля — выступление на пленуме ЦК КПСС.

11 апреля — избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

30 апреля — встреча с рабочими и инженерно-техническими работниками Московского металлургического завода «Серп и Молот». *28 мая* — выступление на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций. Вручение армейскому комсомолу ордена Красного Знамени.

Сентябрь — выступление на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР; председательствует на заседании

Политического консультативного комитета стран — участниц Варшавского договора.

5 октября — выступление на Всесоюзном совещании народных контролеров.

23 октября — выступление на пленуме ЦК КПСС по вопросам развития мелиорации.

4 декабря — встреча с видным бизнесменом США Армандом Хам-мером.

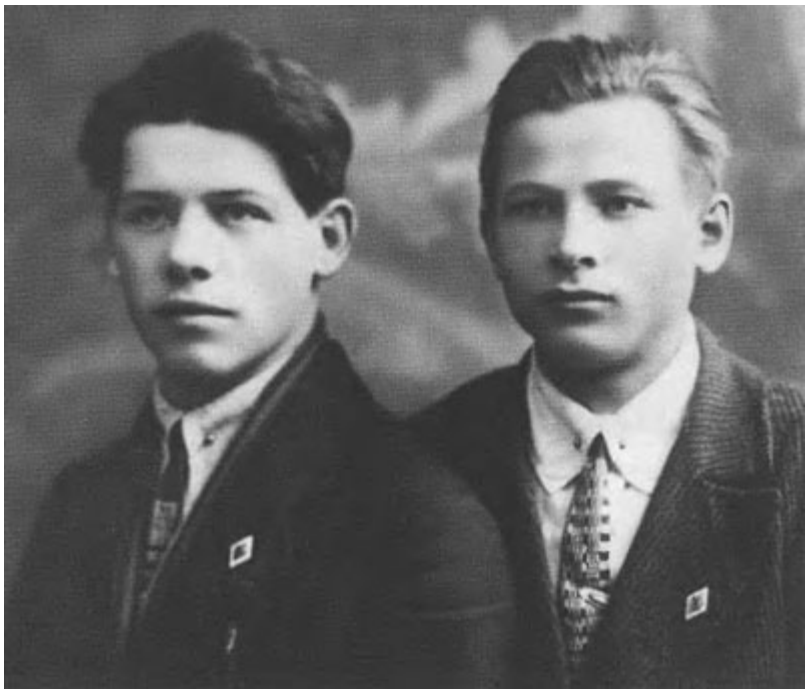
27 декабря — вручение наград группе писателей, удостоенных звания Героев Социалистического Труда.

1985, 22 февраля — член Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин зачитывает текст речи Черненко на собрании избирателей Куйбышевского избирательного округа Москвы.

10 марта — скончался в ЦКБ. Похоронен у Кремлевской стены.

Иллюстрации

Костя Черненко — пионервожатый села Новоселово. 1928 г.



Годы комсомольской юности. Черненко — справа. Конец 1920-х гг.

Константин Черненко (стоит слева) — заведующий отделом Новоселовского райкома комсомола. 1920 г.

Черненко — парторг погранзаставы Хоргос. 1933 г.

Делегаты партконференции Панфиловского (Джаркентского) погранотряда. Черненко — в верхнем ряду второй справа. 1932 г.

Встреча с молодостью. В погранотряде Хоргос. 1979 г.

Вручение ордена Красною Знамени Панфиловскому погранотряду

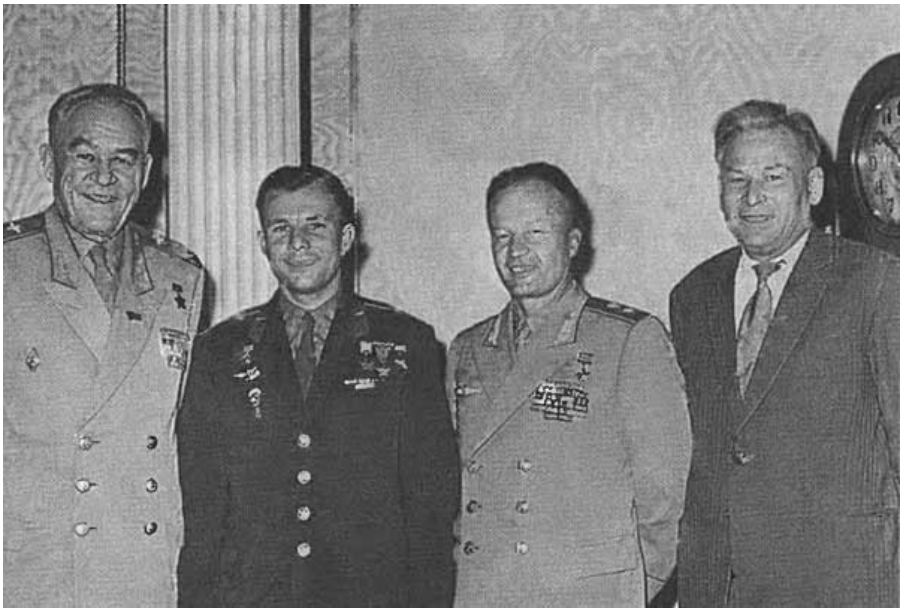
Секретарь Красноярского крайкома партии. 1942 г.

В Шушенском у Дома-музея В. И. Ленина. В первом ряду справа налево: сестра Валентина Устиновна, жена Анна Дмитриевна, К. У. Черненко, секретарь Красноярского крайкома КПСС П. С. Федирко

На берегу родного Енисея

У могилы отца

Встреча Черненко с земляками — ветеранами Новоселовского района



С Ю. А. Гагариным, маршалом авиации Е. А. Савицким и сотрудниками Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. 1962 г.

Начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. 1960 г.

Заведующий Общим отделом ЦК КПСС. 1973 г.

С Брежневым. Леонид Ильич подписывает партбилет нового образца на имя В. И. Ленина. 1 марта 1973 г.

Советская делегация на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. На переднем плане: Л. И. Брежнев. А. А. Громыко, К. У. Черненко. Хельсинки, 1975 г.

Среди участников совещания заведующих общими отделами партийных органов. Красноярск, 1978 г.

На встрече с руководителем Чехословакии Густавом Гусаком

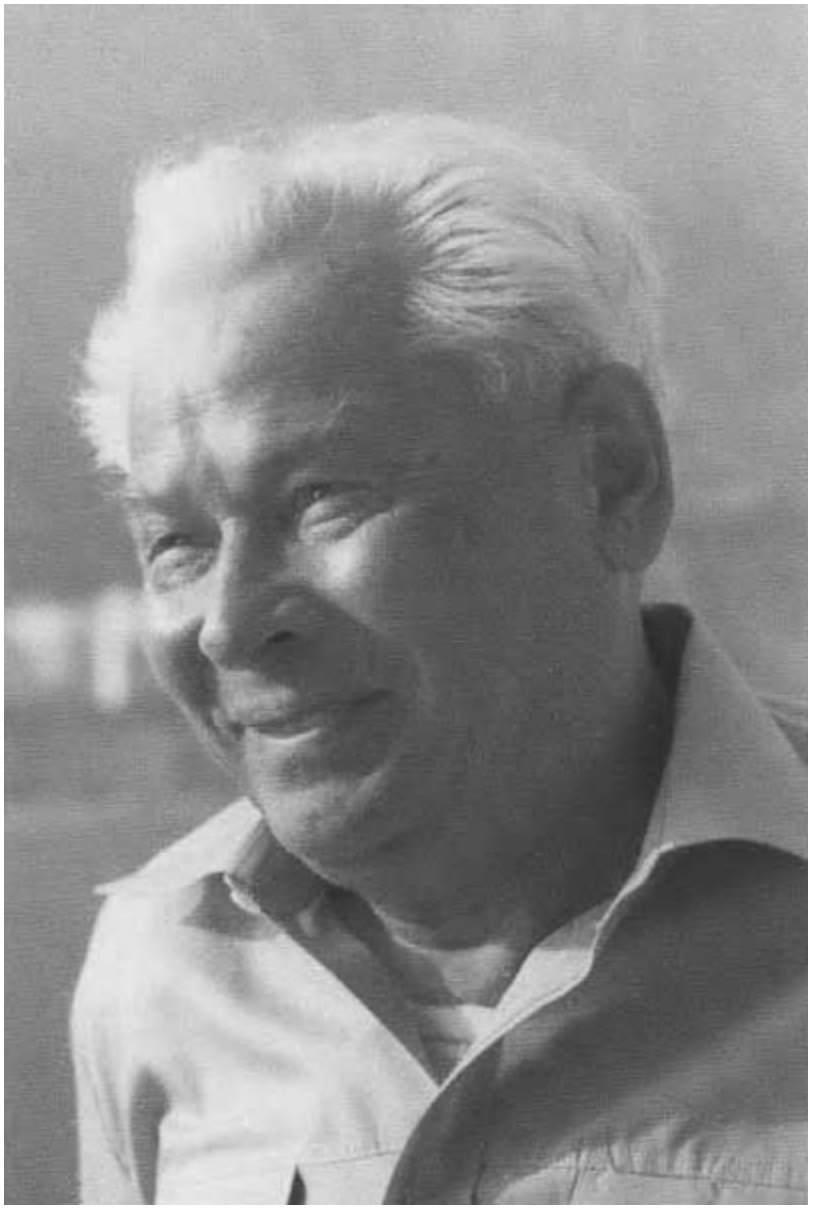
К. У. Черненко, руководитель Монголии Ю. Цеденбал, Л. И. Брежнев

С руководителем КНДР Ким Ир Сеном

На улицах Гаваны. 1980 г.

Встреча К. У. Черненко с Фиделем Кастро

На митинге в столице Кубы



На приеме в Кремле. К. У. Черненко, М. С. Соломенцев. Л. И. Брежнев. А. Н. Косыгин

Посещение Челябинска

К. У. Черненко и первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев на заводе сельскохозяйственного машиностроения в городе Фрунзе. 1979 г.

Посещение животноводческого комплекса под Кишиневом

К. У. Черненко и В. В. Гришин на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа Москвы

Прогулка по Парижу. 1982 г.

Выступление Л. И. Брежнева при вручении К. У. Черненко второй золотой медали «Серп и Молот». Сентябрь 1981 г.

На земле древней Эллады

Кишинев. Вручение К. У. Черненко удостоверения об избрании депутатом Верховного Совета СССР

К. У. Черненко встречает Фиделя Кастро

В первые дни работы Генеральным секретарем ЦК КПСС

С премьер-министром Великобритании М. Тэтчер

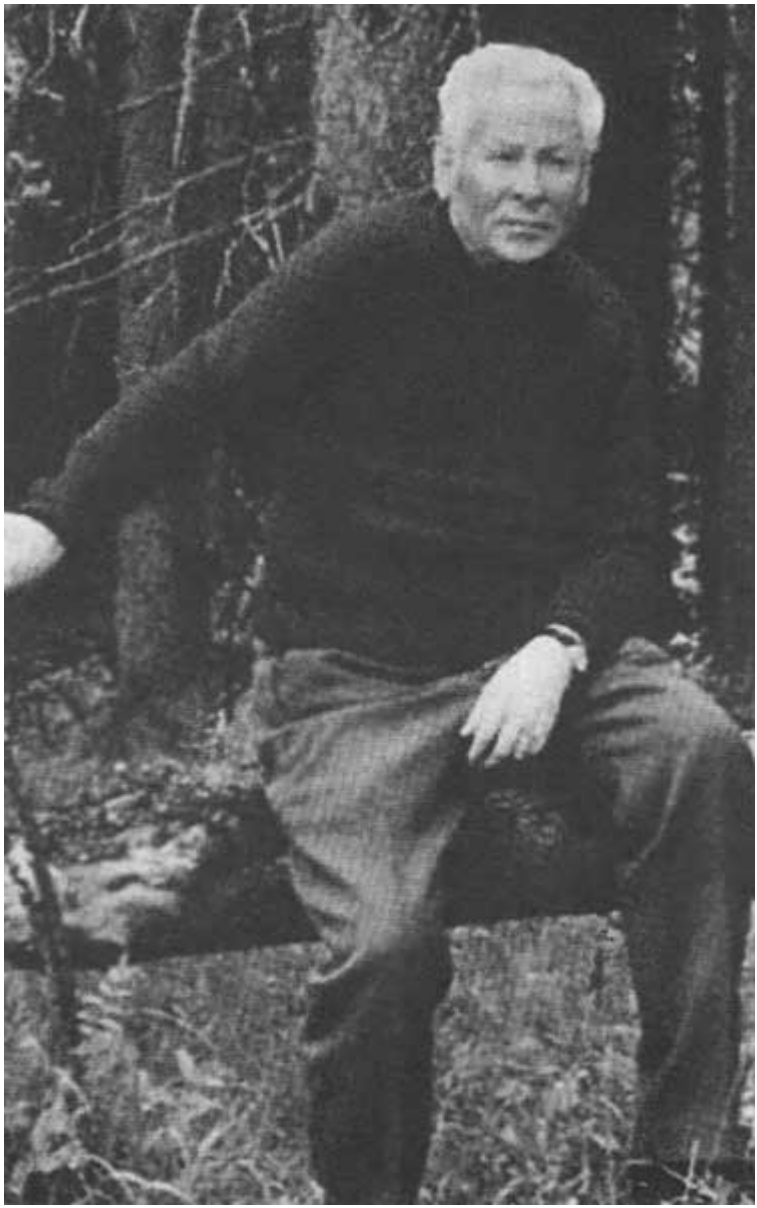
На совещании Политического консультативного комитета стран участниц Варшавского договора. 1984 г.

На встрече с лидером Афганистана Бабраком Кармалем. Февраль 1984 г.

С премьер-министром Швеции У. Пальме

На встрече с рабочими Московского металлургического завода «Серп и Молот». Апрель 1984 г.

К. У. Черненко встречают в Абакане



На даче в Подмосковье

К. У. Черненко с внуком

Последняя фотография К. У. Черненко. 28 февраля 1985 г.

Супруга К. У. Черненко Анна Дмитриевна и начальник пограничных войск КГБ СССР генерал армии В. А. Матросов

Могила К. У. Черненко у Кремлевской стены

К. У. Черненко с супругой в музее Л. И. Брежнева в Кишиневе